

АГЕНТ

С БОМБОЙ В ПОСТЕЛИ

ТРИЛЛЕР, НАПИСАННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ РАЗВЕДЧИКОМ

Михаил
ЛЮБИМОВ

Annotation

Две сильнейшие мировые разведки, советская и английская, незримо сражаются на дипломатическом поприще в Лондоне. В ход идут любые средства: прослушка, наружное наблюдение, шантаж, провокации... Внимание англичан привлекает торговый представитель советского посольства Игорь Воробьев. Нерешительный, слабый духом, ведущий аморальный образ жизни, он как нельзя лучше подходит на роль перспективного агента. Но наша резидентура своевременно раскрывает план предстоящей вербовки. Разведчики вырывают из лап противника незадачливого Воробьева и спешат переправить его самолетом в СССР. Однако в аэропорту разыгрывается драма, предугадать которую было невозможно...

- [Михаил Любимов](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Лондонский ноктюрн](#)
 - [Драма английского гая](#)
 - [Первый учитель](#)
 - [Проворный кролик](#)
 - [Как охмурять послов](#)
 - [Крепкий орешек](#)
 - [Прелестная воровка](#)
 - [Полеты бонвивана](#)
 - [Грехопадение](#)
 - [Датский дог Антон](#)
 - [Звездный миг](#)
-

Михаил Любимов
С бомбой в постели

Предисловие

Как ни комично, но любовь и разведка, в отличие от гения и злодейства, вполне совместны и соседствуют под одним балдахинном. История человечества начинается именно с этого: Ева соблазняет (вербует) Адама, за что Господь изгоняет их из рая, а нам, беднягам, до сих пор приходится тяжело платить за это жуткое грехопадение. Далее все в том же ключе: сподвижник Моисея Иисус Навин засылает блудницу Раав в осажденный Иерихон, и она открывает ворота его войску. Иерихон завоеван, триумф Навина! Самсон в любовных утехах сообщает возлюбленной Далиле, что вся его немислимая сила — в волосах, она вероломно их отрезает и передает потерявшего бдительность гиганта в плен филистимлянам, Прекрасная Саломея просит царя Ирода умертвить Иоанна Крестителя, и вскоре ей приносят на блюде его голову.

Эти библейские истории проходят через всю историю человечества. Много шума наделала Мата Хари, но в девятнадцатом веке русская княгиня, жена нашего посла в Англии Дарья Ливен (Бенкендорф) имела дружеские/близкие отношения с министром иностранных дел Англии Каннингом и с центральной фигурой Священного Союза канцлером Меттернихом, очаровала министра иностранных дел Франции Франсуа Гизо и докладывала полученную от них информацию самому царю. Это вам не сведения, полученные проституткой Матой от офицеров! А кто помнит подвиги наших героических женщин Мазаник и Осиповой, подложивших в Минске бомбу в постель фашистского гаулейтера фон Кубе?

На мой взгляд, холодная война началась сразу же после Октябрьской революции, бросившей вызов капиталистам всего мира. Нашим национальным гимном был Интернационал, «весь мир насилья мы разрушим до основанья...» пели мы, и даже после запрета Коминтерна и смерти Сталина были уверены в победе нашего социализма над капитализмом. Вряд ли такая перспектива устраивала капиталистический Запад, где после войны резко возросло влияние коммунистических партий. Советский Союз стремился избавиться от международной изоляции и укрепить отношения с Западом, разведки же продолжали тайную войну.

Все спецслужбы имеют триумфы и фиаско.

Английская разведка блестяще осуществила дезинформацию немцев относительно места высадки своих войск в Сицилии, подбросив им труп

своего офицера с депешей о месте высадки (ложном). Англичанам удалось дешифровать немецкие коды (знаменитая Энигма), и это сыграло важную роль во Второй мировой войне.

Фашистская разведка не была лыком шита: накануне вторжения в Бельгию немцы разослали соответствующую депешу, однако курьеры, призванные доставить оную в войска, по разгильдяйству приземлились в Бельгии и были арестованы. Сначала Гитлер решил отменить наступление, но потом решил иначе. Немецкая разведка пустила слух, что наступление произойдет в другом месте, но на самом деле план решили не менять. Союзники были уверены, что немцы изменят ставший известным план, но ошиблись — немцы двинули войска и победили под Дюнкерком.

Американская разведка появилась только во время Второй мировой, но уже начала активные поиски сепаратного мира, впрочем, безуспешные. Зато ЦРУ отличилось в тайных операциях — борьба с коммунистами в Италии и Франции, вторжение в Гватемалу и потом в Никарагуа, переворот в Чили. Этот опыт с переменным успехом использован на Ближнем Востоке, на Украине. ЦРУ часто совершает промахи, но действует системно и целеустремленно (вкупе с госдепартаментом).

Французская разведка особо себя не зарекомендовала, а вот израильский Моссад прославился острыми операциями (похитил и предал суду военного преступника Эйхмана, освободил заложников в аэропорту Энтеббе).

Советская разведка отличалась важной особенностью: она всегда опиралась на мировое коммунистическое движение и его фанатичных симпатантов. Эта среда всегда являлась ценнейшим подспорьем для вербовки агентуры. На первых порах основные усилия направлялись против белогвардейских организаций, действующих за рубежом (вплоть до похищения генералов Кутепова и Миллера), но постепенно удалось завоевать серьезные позиции внутри западных стран. Общеизвестны имена Кима Филби и всей «кембриджской пятерки», проникновение в американский истеблишмент, не говоря о ФРГ (дело Фельфе и др.). Главным историческим достижением нашей разведки является получение материалов об атомной бомбе, что позволило быстро достичь ядерного паритета с США.

Медовые ловушки никогда не являлись главным оружием разведок, но в них порою оказывались соблазненные господа и товарищи. В 50-х первый секретарь посольства США в Москве Аннабелла Бюкар влюбилась в солиста театра оперетты (агента КГБ), попросила у нас политического убежища, благополучно вышла замуж и написала книгу «Правда об

американских дипломатах». Заместитель представителя СССР в ООН Аркадий Шевченко тоже влюбился в американку и попросил убежища в США, однако не женился, ибо она оказалась не только агентом ФБР, но и проституткой. Медовые ловушки активно использовала восточногерманская разведка, небезуспешно подсылая своих нелегалов к секретаршам министров правительства ФРГ.

В этой книге, основанной на реальных историях, собраны «веселые картинки» холодной войны, которая, увы, ныне продолжается в иных, порой своеобразных, формах.

Автор пытался заглянуть в души разведчиков (и контрразведчиков) противоборствующих сторон, избежать шаблонов, когда суетятся и бесконечно стреляют непобедимые штирлицы и самовлюбленные джеймсы бонды. В книге показаны живые солдаты невидимого фронта с обеих сторон, которые вербуют, любят и тоскуют. Советский гражданин за границей имеет ребенка от иностранки и становится жертвой схватки враждующих разведок; наш боевик ликвидирует врага народа, но впоследствии влюбляется, и переходит на сторону того самого ненавистного врага. Турецкого посла, как Лаокоона, опутывают сногшибательные бабы — подставы, но в результате все оборачивается весьма странным образом; английскому гею чрезвычайно везет в Москве: его обслуживают высшего класса гомосексуалисты из музыкальных кругов. В Париже наш незадачливый генерал не может установить контакт с загадочной американской агентессой, она возникает и исчезает как фата-моргана; в Египте жена атташе проникается нежностью к датскому догу, начинается борьба секретных служб, и все кончается трагедией. В гостинице «Метрополь» бурно соблазняют американку, в Хабаровске оперативник по-настоящему дружит с японским агентом, в Москве англичанин женится на русской уборщице, оба соглашаются на вербовку органов, но. Нарисованы портреты различных агентов: хитроумных подстав контрразведки противника, агентов, преданных до конца, агентов сомневающих и мятущихся.

Разведка — это искусство, а не наука (да простят меня ломоносовы и галилеи спецслужб), главное в этом деле не только голова, но и личные качества, воля, целеустремленность, смелость и, пардон, нахальство. Всякие теоретические обобщения весьма относительны, как учил нас мудрый Гёте: «Суша, мой друг, теория везде. Но дерево жизни пышно зеленеет». Посему изучение бесконечно разнообразных историй из практики разведки и контрразведки может заменить целый год выслушивания унылых лекций на каких-нибудь загадочных курсах.

В дорогу по страницам, дорогой читатель!

Автор

Лондонский ноктюрн

*Да, Лондон малость чересчур для нас.
Не то что я хочу вас этим обидеть -
Просто мы тут сошли бы с ума.*

Т. С. Элиот

Когда в посольстве СССР, что на Кенсингтон Пэлэс-гарденс, затаившейся близ Кенсингтонского дворца улице миллионеров, проходило партийное собрание, в русском отделе британской контрразведки — МИ-5 — наступал истинный праздник. Уже за неделю об этом событии становилось известно контрразведке, именовали его не иначе как «профсоюзным» — ведь большевистский ЦК еще с коминтерновских времен повелел конспирироваться, опасаясь, что англичане поставят комячейку в посольстве вне закона. Но хотя многие хохотали над архаичностью «профсоюзной» вывески, поднять руку на нее никто не смел: в Москве еще живы были зубры, стоявшие у истоков этой глубокой зашифровки.

Трансляция собрания в скромное здание МИ-5 недалеко от вокзала Виктория проходила через искусно заделанные в зале посольства микрофоны (операцию провели много лет назад через русскую агентессу-уборщицу), до сих пор не обнаруженные советской службой безопасности, лайв шоу через мониторы поступало прямо в кабинет, где для пущей фееричности на табло высвечивались фотографии выступавших и их краткие биографии. Все это создавало сочный спектакль, дававший фору любой комедии Уэст-Энда, и потешало не только обитателей кабинета — Джорджа Листера, Джеймса Барри и Вивьена Колина, но и других рыцарей русского отдела, не упускавших случая, чтобы заглянуть в кабинет и выпить заодно чаю, приготовленного добросердечной во всех отношениях секретаршей Молли. И даже сам начальник отдела легендарный Питер Дженкинс, всю жизнь посвятивший беззаветной борьбе с коварными русскими, иногда являл свою персону подчиненным, устроившись скромно в уголке на стуле. Присутствие шефа вносило некоторое оцепенение в ряды зрителей, любивших крепкие шутки в адрес выступавших.

К самому началу собрания народ обычно стягивался вяло, зная косноязычность секретаря партийной организации Переверзева, который

говорил медленно, бесконечно повторялся и такого тянул кота за хвост, что страшно сказать. Однако в этот день посещаемость была выше обычной.

— Всё ли мы сделали для улучшения англо-советских отношений? — риторически вопрошал Переверзев, протыкая указательным пальцем воздух. — Нет, товарищи, далеко не всё! Конечно, посольство поработало в этом плане неплохо, однако впереди еще много важных проблем, которые требуется разрешить (тут его завертела пучина слов, из которой не выбраться).

— Ну и наглец! — хмыкнул розовощекий Джордж, попутно прихлопнув муху, уже давно парившую над его головой, — он слыл не только закаленным борцом с русскими, но и убийцей любого вида насекомых, которых он выискивал в самых невероятных местах. — Подумать только: болтать об англо-советской дружбе и в то же время под завязку забить и посольство, и все другие советские учреждения сотрудниками КГБ и ГРУ!

Тезис о постоянном наращивании советской разведывательной мощи в Англии, о том, что «они здесь, словно тараканы», несомненно, можно отнести к самому популярному в русском отделе, возмущение обычно сопровождалось сетованиями по поводу скупости парламента, экономившего каждый пенс на святое дело безопасности, в том числе и на контрразведку.

— Наши бездельники из английской разведки МИ-6 тоже в Москве говорят о дружбе, — отозвался Джеймс, отразив в этой короткой реплике глубинные противоречия между МИ-5 и МИ-6. — Правда, совершенно непонятно, зачем разыгрывать спектакль друг перед другом?

— Русские патологически конспиративны и всегда исходят из того, что их подслушивают. Тем более что собрание проходит в незащищенном помещении, где запрещено говорить на секретные темы, — пояснил Джордж. В разведшколе славянскую душу изучали досконально и знали, что кроме всего прочего она недолголюбивает иностранцев, отличается беспечностью, разгильдяйством и непонятными метаниями из одной крайности в другую, склонна к беспредельному пьянству и удручающей прямолинейности.

— Может, они просто знают, что у нас там «жучки»? — заметил Джеймс.

— Исключено. Они бы сразу их изъяли.

Джеймс промолчал и подумал, что это совсем не обязательно — ведь можно исходить из презумпции, что вместо старых «жучков» поставят новые. Так не лучше ли жить со старыми и хорошо известными?

Между тем Переверзев снял очки, что указывало на переход от рутинного толчения воды в ступе к душевным откровениям, и внимательно осмотрел зал подслеповатыми глазами. Зал тут же притих и даже замер.

— А теперь, товарищи, я хотел бы затронуть проблему коньяка...

Тут Джордж издал радостный вопль и несколько раз ударил кулаком по стене. Кабинет тут же стал наполняться сотрудниками, и появился даже сам шеф, не пожелавший присесть и прислонившийся к стене у дверей, засунув руки в штаны из бежевого кавалерийского габардина.

— Вам известно, что произошло большое несчастье, — продолжал Переверзев, — большая беда для нашего государства: по вине московской внешнеторговой организации, пренебрегшей консультациями с нашими посольством и торгпредством, в Англию ввезли для продажи большую партию армянского коньяка, снабдив не этикеткой «бренди», а этикеткой «коньяк».

Он помолчал, ожидая реакции зала, но ее не последовало: никто ничего не понял.

— Коньяк является исключительной монополией французов, и использование этого названия противоречит международному праву. Посоветовавшись с Москвой, — тут Переверзев сделал многозначительный акцент, будто он советовался не меньше чем с генеральным секретарем, — мы приняли решение не вывозить груз обратно, неся новые расходы, а реализовать его внутри советской колонии по доступной цене, то есть по два фунта за бутылку. И вот итог: должен вас поздравить, товарищи, — Переверзев не был совсем лишен чувства юмора, — партия коньяка была реализована в рекордно короткий срок: одна неделя! Уверяю вас, что англичанам на это дело потребовался бы по крайней мере год.

В зале посольства и в кабинете МИ-5 одновременно раздался дружный хохот, словно наступило единение врагов и все радовались этому великому событию.

— Но это предыстория. Смысл моего выступления сводится к тому, что пустые бутылки валяются не только рядом с королевским дворцом здесь на Кенсингтон Пэлэс-гарденс, но даже в пригородном Кью-гарденс, — строго завершил свой спич Переверзев. — Спасибо за внимание.

По залу пробежал блудливый шепоток, народ пересматривался и перемигивался, словно банда преступников, повязанных одною веревкою: коньяк прошел через желудки всех присутствующих, кроме, пожалуй, первого секретаря Пурникова, человека на редкость интеллигентного и, видимо, потому потерявшего контроль после даже малой рюмки.

Язвительный, как и все непьющие, Пурников подумал, что бутылками забросаны не только Кью-гарденс, но и почтенный Риджент-парк с оленями и гольфовыми площадками, и, уж конечно, королевский Виндзор, куда обожали выезжать на пикники.

— Кажется, я видел пустую бутылку в урне рядом с входом в нашу фирму, — попытался пошутить обычно молчаливый юный Вивиан, поступивший в русский отдел лишь два года назад, сразу после Оксфорда, однако на его остроту никто не отреагировал (если бы это изрек Питер Дженкинс, комната обрушилась бы от хохота). Тем временем наступившая пауза сменилась прениями.

— Слово предоставляется товарищу Ирине Воробьевой! — объявил председательствующий.

На трибуне появилась полная дама лет сорока с твердыми чертами лица, волевым подбородком и благородно длинным носом, под которым чернели растопыренные в разные стороны усики, причем изрядно помятые, словно по ним проехал пылесос.

— Я сама армянка, товарищи, моя девичья фамилия Акопян, и потому мне особенно больно за армянский коньяк. Распродажа его по дешевым ценам нашим сотрудникам была глубоко гуманным актом руководства посольства и профорганизации (она сделала паузу и тепло посмотрела и на посла, и на Переверзева, сидевших в президиуме), и тогда, конечно, никто не подозревал, что найдутся безответственные товарищи, которые будут разбрасывать по всему Лондону пустые бутылки с надписью «Сделано в СССР». Что подумают о нас англичане? Неужели те, кто бросал пустые бутылки, не понимали, что бросают тень на свою Родину? Казалось бы, это мелкий вопрос, но одна такая пустая бутылка сводит на нет наши усилия по укреплению англо-советской дружбы. Не подумайте, что я аскет, товарищи, я сама иногда выпиваю (смех в обоих помещениях), но не забывайте: вы — в капиталистической Англии с вековыми предрассудками, где даже в паб не пустят с собственной бутылкой!

Джордж воздел руки к небу, аудитория завывала от восторга, а Питер Дженкинс вынул платок из штанин, где покоилась его рука, и промокнул капельку у глаза. Тема пустых бутылок обсуждалась живо, диапазон выступлений колебался от мрачно осуждающих до гнусно ерничающих, злобствующий Пурников даже предложил резолюцию, обязывающую профбюро торгпредства впредь контролировать подобные распродажи. Но наступал уик-энд с его загородными поездками и дружескими застольями. Засиживаться никому не хотелось, и все разбежались по своим норам.

В субботу Игорь Воробьев, взяв жену Ирину и десятилетнего сына,

устремил свою «Волгу» к галерее Тейт. Игорь считал своим долгом самообразовываться и соответственно приобщать к культуре жену и сына. Тейт он ставил на первое место по сравнению с Национальной и Портретной галереями, хотя больше всего предпочитал небольшие музеи вроде Коннот, Уоллес или Кенвуд в диком парке Хемстед-Хит.

— Честно говоря, меня мутит от этого модерна, — говорила Ирина. — Не зря Хрущев дал по одному месту нашим абстракционистам — такое и осел может намалевать своим хвостом! Лучше лишний раз взглянуть на ахматовскую мозаику в Национальной галерее, жаль, что ее сделал эмигрант Анреп (Ирина работала над собой, любила блистать в обществе, и в этих целях раскапывать раритетных художников).

Игорь грустно посмотрел на помятые усики.

— Ты можешь посидеть в машине или прогуляться по набережной, — заметил Игорь. — В галерее не только абстракционисты, там и Тернер, и Мур...

— У этого Тернера один туман и ничего не видно, — возмутилась Ирина, вышла на набережную и медленно двинулась вдоль Темзы, критическим оком рассматривая прохожих. Игорь обожал модерн, впрочем, и сын Витя начал увлекаться скульптурами Генри Мура, похожими на первобытные глыбы, ходил и поглаживал их рукой, хотя предпочитал не художественные галереи, а посольскую дачу под Гастингсом, подаренную Советам каким-то сбрендившим индусом-коммунистом, дети чувствовали там себя вольно и с удовольствием разламывали муляжи рыцарей в кольчугах, раздирали старинные шпалеры. Домой возвращались молча, Игорь, впрочем, несколько раз пытался оживить атмосферу, но отвердевший подбородок Ирины и застывшие усики говорили о том, что она обижена и на Игоря, и на весь модернизм. У дома он затормозил, предупредительно открыл двери и выпустил жену и сына из машины.

— Я приеду поздно, пришел наш корабль в Тилбури, у меня там масса дел.

У советского морского представителя в порту Тилбури действительно имелся небольшой офис, приходилось постоянно метаться между портом и столицей, что отнимало немало времени.

— Господи, даже в субботу работа! — проворчала Ирина. — Как мне все это надоело!

— Я могу попроситься домой в Москву, — заметил Игорь, зная, как раздражают супругу даже намеки на скорое возвращение домой. Любящий муж и отец подарил супруге и сыну пару легких поцелуев и умчался по неотложным делам...

По субботам Джордж Листер, как правило, встречался со своей любовницей Барбарой, двух интенсивных часов в постели ему вполне хватало, чтобы зарядиться на всю неделю, чего нельзя сказать о его партнерше.

Счастливые минуты Джорджа уже истекли, и он, натянув штаны, с удовольствием прихлебнул из стаканчика со скотчем, прикидывая, что еще успеет сыграть партию-другую в бридж.

— Уже уходишь? — без особой обиды спросила Барбара, давно смирившаяся со спринтерскими качествами Джорджа. Кроме того, впереди маячило еще одно многообещающее свидание с нестигаемым стайером.

— Много дел, — сказал Джордж озабоченно, словно на Лондон в субботний вечер навалились все шпионы мира и лично ему выпала честь в этот тяжкий момент оградить граждан от несчастий.

— Не забудь передать привет жене! — съязвила Барбара, хорошо изучившая все трюки Джорджа.

— Обязательно! Ей будет очень приятно услышать доброе слово от старой подруги! — он не остался в долгу, тем более что не грешил против истины.

На этой веселой ноте они и расстались, нежно расцеловавшись. Джордж молодецкато сбежал вниз по лестнице и через черный ход вышел в небольшой садик (как опытный конспиратор он старался не пользоваться главным подъездом, зачем зря светиться перед соседями?), где прогуливалась лишь пара с детской коляской.

Мельком взглянув на супругов, Джордж нарочито деловым шагом проследовал дальше, но вдруг остановился: лицо мужчины показалось ему чрезвычайно знакомым.

Приводя вроде бы в порядок развязавшийся шнурок на ботинке (излюбленный, хотя и избитый прием филеров), он пристальнее изучил мужчину. Пара двигалась мирно, говорила по-английски, спутница мужчины сверкала яркой рыжиной, а мужчина — в этом не было никакого сомнения — являл собою Игоря Воробьева, которого Джордж прекрасно знал по досье и фотографиям в профиль и анфас.

Нечего и говорить, что прогулка русского с таинственной мамой, не проходившей по досье в качестве супруги, являлась сама по себе происшествием чрезвычайным, и сердце Джорджа бешено забилося, словно он родился не хладнокровным англичанином, а каким-нибудь воспаленным макаронником. Ноги загорелись и автоматически понесли его в штаб-квартиру контрразведки, где, естественно, на уик-энд никого, кроме дежурного, не осталось.

Шеф русского отдела Дженкинс наконец вырвался в суровом одиночестве (жена болела и лечилась во Франции) в Корнуолл к своему старому другу, жившему в добротном имении на высокой горе, пропастью обрывававшейся в серое море.

После завтрака друзья съездили на джипе в живописную деревушку близ Панзанса, где когда-то, во время первой мировой, мучился Лоуренс, но не прославленный полковник, а плодовитый писатель и творец ранее порнографической, а ныне вполне банальной книги «Любовник леди Чаттерлей». Писатель был женат на немке Фриде, которую все вокруг считали немецкой шпионкой и каждый раз, когда она развешивала сушить белье, доносили в полицию, что это условный сигнал для немцев.

Овдовевший дружок давно отдыхал на пенсии, а заодно и издавал маленький журнальчик по садоводству, имевший такой успех, что ему постоянно писали и даже лично визитировали поклонницы, жаждавшие поделиться впечатлениями. Одна из них, наиболее преданная делу садоводства, в этот раз осталась на уик-энд и приготовила великолепный ужин, состоявший из овощного супа министроне и потрясающе зажаренного кролика, которого ели и под красное бургундское («Nuits St.George»), и под белое («Puilly fume»), потом перешли в маленькую гостиную, откинулись в креслах, отведали торта и кофе и засели за карты, изредка поглядывая на включенный телевизор.

За этим благородным занятием и застал Питера телефонный звонок Джорджа Листера.

— Чрезвычайное происшествие, шеф, — отрывисто говорил Джордж, боясь проронить лишнее слово.

— Требуется мое немедленное возвращение?

— Не знаю, шеф, я не могу объяснить по телефону.

— Ни в коем случае! — предупредил не менее конспиративный Питер. — Намекните в общей форме.

— Это касается интересующего нас человека. неожиданно появились новые, совершенно сенсационные данные. он относится к породе медведей. конечно, дело терпит.

— Я вас понял, — ответил Дженкинс. — Белых медведей?

— Нет, черных, — пояснил Джордж.

Белые медведи на контрразведывательном сленге означали страны Восточной Европы, черные, естественно, были злобные Советы, точившие клыки на Соединенное королевство.

— В таком случае я немедленно вылетаю.

Игру пришлось прервать, но Дженкинс не жалел об этом: душа его

испытывала дискомфорт без острых заварушек, — недаром он начал свою карьеру в СОЕ, диверсионном подразделении, забрасывавшем своих людей в тыл к немцам.

Джордж встретил шефа прямо в аэропорту Хитроу на своей машине, к счастью, дорога была без «пробок», хотя навстречу тянулась вереница автомобилей с лондонцами, жаждавшими вдохнуть кислород за городом.

— Я что-то позабыл, кто такой этот Игорь Воробьев, но уверен, что мы его не разрабатывали. — память у Дженкинса была феноменальной, и он часто поражал своих подчиненных такими тонкостями, как зарплата завхоза советского торгпредства, число автомобилей в агентстве ТАСС или семейная генеалогия какого-нибудь третьестепенного сотрудника КГБ.

— Вы совершенно правы, — Джордж чувствовал себя несколько неловко, вытянув шефа с заслуженного отдыха, — мы с самого начала не проявляли к нему никакого интереса. Он работает в советском представительстве Морфлота, занимается кораблями, и даже КГБ его не использует, считая инертным и малоспособным.

— Откуда вы знаете последнее? — поднял брови шеф.

— Данные прослушивания квартир. Снисходительные и даже уничижительные отзывы о нем кагэбистов. Жена заместителя резидента сказала своей подружке, что Воробьев ни рыба ни мясо, при этом сослалась на своего мужа.

На базе прослушивания квартир новый Лев Толстой смог бы создать великое драматическое произведение, в котором бурлили бы и ненависть, и любовь, и жажда подложить свинью. Особенно много пицци давали английской спецслужбе семейные скандалы, когда стороны забывали о сдержанности и бдительности и прямо резали правду-матку, вплоть до возмущения жен задержками со званиями их мужей, недостаточными зарплатами и зависти к дворнику, который на самом деле полковник КГБ.

— Что еще мы знаем о нем? — продолжал допрос Дженкинс.

— Он тут шесть лет, жена у него. помните армянку, выступавшую на партсобрании? Все хохотали. Так это она и есть!

— И это все сведения? Положение в семье?

— Мы его не разрабатывали. Вы сами не раз говорили, что глупо разбрасывать силы на всех. надо работать приоритетно. — оправдывался Джордж.

— Вы всегда находите хорошую причину для своей бездеятельности. — шеф был явно не в духе после срочного вылета из Корнуолла. — Запомните, Джордж, что для нас не существует людей, не представляющих интерес. Даже из уборщицы можно сделать

первоклассного агента, конечно, если она убирает кабинет советского посла. Даже бульдог резидента КГБ может сослужить хорошую службу, если зашить ему под шкуру чувствительные датчики. — тут шеф почувствовал, что хватил лишку и явно преувеличил возможности бульдога, при этом он вспомнил о собственном бульдоге, которому тоже враги могут залезть под шкуру, и ему стало жалко пса.

— Так кто же его спутница? — шеф помягчел. — Может, это просто случайность?

— Сомневаюсь. У них был вид близких людей.

— Интересно, как вы это определяете? — хмыкнул Дженкинс. — По улыбкам, по стилю беседы, по телодвижениям во время прогулки?

— Фамилию и прочие данные я еще не установил, но она явно англичанка. — уклонился от прямого ответа Джордж.

— Где она живет?

— Бакстоун-гарденс.

— А как вы оказались в том районе?

Потребовалось усилие воли, чтобы сохранить почтительно-деловую маску на лице и устоять перед пронизывающим взором опытного волка.

— Был у приятеля. — Джордж погладил лысину, внутренне съежился, и ему вдруг стало жаль самого себя: чего, собственно, он боится? Всему отделу известно, что с женой он живет нелегко и собирается разводиться. Только идиоты вытаскивают начальство с отдыха, это общеизвестно. Хотя с другой стороны, он проявил рвение, это зачтется, не сейчас — так позже.

— Надеюсь, к понедельнику вы соберете более полную информацию, у вас впереди целое воскресенье! — Дженкинс осклабился, а Джордж сделал вид, что нет большего удовольствия, чем тратить воскресенье на дела оперативные.

В это время в доме на Бакстоун-гарденс, что почти рядом с метро «Эрлс-корт», царила сама патриархальность: Игорь Воробьев мирно ужинал вместе с Джейн, попивая дешевое итальянское вино и бросая нежные взоры на кроватку с дитем. Рыжеволосая, гибкая, с миниатюрной фигуркой мама изредка подходила к нему и любовно поправляла то одеяльце, то подушку, незаконный отец чувствовал себя легко и раскованно, он тоже иногда любовно целовал мальчика в головку. Допив вино, Игорь встал во весь свой высоченный рост, потянулся, повалился на тахту и, сбросив тапочки, положил на стул длинные ноги в тонких шерстяных носках.

— Ты не забыл, что через неделю ему будет год? — спросила Джейн.

— Разве я могу это забыть? — он взял в руки ее ладонь и ласково

прикоснулся к ней губами. — Мы это обязательно отпразднуем.

Он посмотрел на часы и заморгал глазами, уходить ему не хотелось ни сегодня, ни несколько дней назад, никогда.

— Уже почти полночь, мне пора. — звучало как мольба.

— Так не хочется тебя отпускать. — она обняла его и увела в соседнюю комнату, тайно надеясь, что он останется ночевать: победа над той, другой, которая напрасно ждет и, возможно, никогда не дожидется.

Но Воробьев не в силах был разрубить гордиев узел, хотя жена последние годы вызывала у него только отвращение.

— Подожди, скоро все образуется. — он прильнул к Джейн на прощание, помахал рукой спящему младенцу и вышел.

Тонкий захлебывающийся визг будильника разбудил Джорджа ровно в семь, обычно он минут пять медленно выходил из сна, но сейчас, словно по тревоге, сразу же начал одеваться.

— Господи, даже в воскресенье нет покоя! — простонала жена, набрасывая себе на голову одеяло, но Джордж уже бодренько варил себе кофе на кухне, посвистывая в угреватый нос. Выхлебал залпом, посмотрел на себя в зеркало, пригладил лысину и остался доволен: здоровый цвет лица, мускулистые плечи, живот, правда, подкачал, но оперативной работе это не мешает. На машине быстро добрался до Бакстоун-гарденс и, словно впервые, с любопытством осмотрел пятиэтажный кирпичный дом с четырьмя подъездами.

Подошел к первому подъезду и наугад нажал кнопку.

— Кто это, черт побери, трезвонит в такую рань? — прохрипел чей-то бас.

Он отскочил к другому подъезду, снова нажал на кнопку.

— Хэллоу! — раздался перепуганный женский голос.

— Извините, где живет консьержка этого дома?

— Нажмите на пятнадцатую квартиру, это мистер Хопкинс.

Мистер Хопкинс отозвался безрадостным скрипучим голосом.

— Извините, мистер Хопкинс, меня зовут Джордж Смит, у меня к вам дело, я хотел бы снять в этом доме квартиру.

Дверь зажужжала, и вскоре Джордж предстал перед неприятным толстяком с отвислыми губами и вытянутым склеротическим носом, которым он словно обнюхивал пришельца со всех сторон.

— У нас только двухкомнатные меблированные квартиры. — начал Хопкинс без всяких предисловий. — Это вас устраивает?

— Не совсем, — ответил Джордж. — А можно без мебели?

— В этом случае вам стоит переговорить лично с хозяином.

— Хорошо. У меня есть еще один вопрос, — Джордж немного помялся, — тут у вас в доме есть пара, у них ребенок, у нее рыжие волосы. Как ее фамилия и в каком подъезде.

— А зачем вам это нужно? — перебил его толстяк.

— Видите ли. — Джордж порылся в карманах и протянул документ. — Я из Скотленд-Ярда.

— Ах, вот в чем дело! — яростно отреагировал Хопкинс. — И фамилию придумал хорошую — Смит! Я сразу догадался, что вы шпик, и какого черта вы беспокоите честных людей в воскресенье?! Да еще придумываете идиотский предлог! Да я видеть вас не желаю, не то что отвечать на ваши шпионские вопросы!

Словно ошпаренный, Джордж вылетел на улицу и задумался. Обычно к просьбам Скотленд-Ярда законопослушные англичане относились с пониманием, а тут он нарвался на явно обиженного и с характером. Впрочем, работа по выяснению адресов — самая трудоемкая, обычно ею занимаются филеры, имеющие своих людей среди сторожей, дворников и консьержей. После некоторых колебаний он подошел к подъезду, где жила Барбара, нажал на кнопку и молвил елейным голосом:

— Доброе утро, Ба! Я случайно оказался в твоём районе и хотел тебя навестить.

Нельзя сказать, чтобы Джордж позвонил в самый подходящий момент: обнаженная Барбара в это время трепыхалась в страстных объятиях молодого индуса, давным-давно овладевшего заветами из «Камасутры». Звонок домофона разладил сыгравшийся оркестр, пришлось вскочить и, чертыхаясь, побежать к двери.

— Извини, но я принимаю ванну и сразу же уезжаю.

Барбара не скрывала раздражения, тут же повесила трубку и помчалась обратно в полыхающее ложе, где сверкал белками сухой, как выжженная пустыня, жилистый индус.

Разочарованный Джордж глубоко вздохнул, сел в машину и полетел по пустынным воскресным улицам прямо на службу, где было пусто, лишь одинокий дежурный, окруженный бумагами и телефонами, мечтательно смотрел в окно на голубое, созданное для уик-энда небо.

— Послушай, Харри, мне нужно срочно сделать установку по месту жительства.

— Ты что? Спятил? Сегодня работает лишь одна бригада слезки, да и то их уже закрепили за советским военным атташе — он любит проводить операции по воскресеньям.

— Это очень важно. Указание самого шефа.

На дежурного эти слова не произвели никакого впечатления. Воскресенье в Англии — это святое, пусть даже небо обрушится на землю, но преданный королеве сотрудник спецслужб вряд ли шевельнет пальцем, если он уже напялил старый свитер и удерживает дога, рвущегося на прогулку, или просматривает за кофе необъятную, похожую на целую подшивку газет «Санди таймс».

— Как будто ты с неба свалился! Все ребята отдыхают, к тому же сегодня «Челси» играет с «Манчестер Юнайтед», можешь себе представить, что произойдет, если я вызову кого-нибудь на работу? — дежурный разводил руками и улыбался, мысленно посылая чрезмерно усердного Джорджа подальше.

Пройдя в свой кабинет, Джордж отыскал досье на Воробьева, увы, но оно содержало лишь его анкету, заполненную для получения визы, фотографии и краткую справку о его местоположении в Лондоне.

Ситуация выглядела безвыходной, и пришлось снова потревожить Барбару.

— Ты еще дома? Извини, что я тебя потревожил. Нестерпимо хотелось тебя увидеть, — говорил он таким вкрадчивым и фальшивым голосом, что самому сделалось противно.

— Так приезжай. У меня изменились планы, я буду дома.

Барбару уже покинул темпераментный индус (не последнюю роль в этом сыграл гудок домофона, разрушивший мир Камасутры именно тогда, когда счастье было так близко), теперь она скучала и грустно курила, размышляя о тотальной слабости мужского рода вне зависимости от расовых особенностей.

— Постараюсь. Послушай, Ба, там у тебя во дворе бродит какая-то рыжая с ребенком. Кто это? — он даже закашлялся, чтобы показать свою незаинтересованность.

— Неужели она тебе понравилась? Это Джейн, довольно наглая девка, ее сыну почти год. Раньше работала на какой-то фирме.

— А как ее фамилия?

— Никогда не интересовалась. Она шотландка и очень гордится этим.

— А муж у нее кто?

— Вот почему ты мне звонишь! Это тебе нужно для работы, а я-то думала... Все вы такие в МИ-5! — взорвалась Ба.

Последнее было ударом ниже пояса: вряд ли в мире существует контрразведка, которая так глубоко залегла на дно, как МИ-5, никто толком не знает, где она находится и кто там работает, — все рыцари плаща и кинжала функционируют под другими вывесками.

— При чем тут МИ-5? Я ведь работаю в казначействе, ты это прекрасно знаешь! — слабо вякнул Джордж.

— Ха-ха. Спроси у моей лучшей подруги и твоей жены! — не щадила его Барбара. — Как она себя чувствует? Ты успел с ней переспать рано утром перед тем, как она приготовила тебе овсянку? Или по воскресеньям она дрыхнет целый день?

Джордж замолчал, ему стало чуть тошно от прямых атак на собственную половину — вот она, расплата за адюльтер с подругой жены, вечная история, и завидуешь друзьям, снимающим запросто девочек на стороне.

— Так ты приедешь? — милостиво прервала она паузу.

— Я на работе, но постараюсь, сделаю все, что смогу. Целую тебя, милая.

Джордж облегченно повесил трубку, конечно, сведений получил он с гулькин нос, но вполне достаточно, чтобы разматывать клубок дальше, — во всяком случае, утром уже не придется стоять на ковре перед шефом со спущенными штанами.

Несчастье Игоря Воробьева заключалось не только в том, что он был влюбчив (особенно везло ему на лахудр, от которых все шарахались, на этом фоне рыженькая Джейн высилась как Мэрилин Монро), в конце концов, это не самый страшный порок. Беда была в фантастической нерешительности Игоря, органической неспособности сделать определенный шаг в ту или иную сторону, при этом, к несчастью, выглядел он, как герой Джека Лондона: рост высоченный, подбородок по-боксерски вперед, лицо твердое и мужественное, движения уверенные — такому человеку хотелось довериться на всю жизнь. Сослуживцы хорошо знали слабости Игоря и никогда не доверяли ему самостоятельно вести какие-либо переговоры с иностранными фирмами — в этом случае финал не предвиделся, решения Игорь принять не мог и вечно, как буриданов осел, выбирал между двумя охапками сена.

Роман с Джейн завертелся нежданно-негаданно на приеме в английской судостроительной фирме, устроенном в честь построенного СССР торгового судна, о борт последнего супруга торгпреда традиционно расколотила бутылку шампанского, привязанную к толстому канату. На последующем банкете все изрядно возлили, там Игорь и познакомился с Джейн, служившей на фирме секретаршей, приобщил ее к водке и научил пить залпом, на русский манер (это тут же ввело шотландку в сладостный транс). Затем они отправились в ночной клуб на Пикадилли, смотрели бессмысленное и шумное шоу, выпили виски, танцевали и целовались, а

позже как-то само собой получилось, что Игорь очутился в постели Джейн у нее на квартире.

Любовники продолжали встречаться, и вскоре Джейн порадовала влюбленного по уши русского неожиданной (или вполне ожидаемой) беременностью и полным нежеланием делать аборт, что противоречило ее католической вере. От шока Игорь чуть не слетел со стула, но подавил в себе заячье желание бежать от Джейн на край света и даже разыграл роль заботливого отца, делано радуясь и покрывая ее поцелуями, — получилось это глупо и неуклюже.

Джейн была истинно свободолюбивой шотландкой, навязывать себя не собиралась, несмотря на любовь к Игорю, и не сомневалась в своем счастливом будущем даже в качестве матери-одиночки, тем более что она закончила лондонскую школу экономики (место секретаря было лишь временным транзитом в большой бизнес, о котором она мечтала). Все это умиляло Игоря, завязанного англофила, читавшего в оригинале неведомого в России Троллопа и глубоко почитавшего такого же загадочного субъекта, алкаша, женолюба и остроумца доктора Самуэля Джонсона, воспетого Босвеллом. Игорь восторгался английскими пабами, скачками в Дерби и Аскоте, полосатыми костюмами, собачьими бегами, твидом «Харрис» и тонкими фланелевыми брюками, увы, протиравшимися слишком быстро, но все равно прекрасными.

Первых сведений, полученных от Барбары, вполне хватило для начала самой активной разработки загадочной пары, уже через два дня телефонный аппарат на квартире Джейн приобрел все качества «жучка», и на следующий день, с приходом на квартиру Игоря, это дало богатый, чуть сентиментальный материал, который вызывал улыбки и неподдельный интерес у девиц контрразведки, обрабатывавших подслушку.

— Мне кажется, в другой жизни я был англичанином, — говорил он Джейн. — Я смутно ощущаю, что жил когда-то на этом острове и даже носил рыцарские доспехи.

— Возможно, ты даже убил меня.

— Как так? — удивился он.

— А вдруг я была Марией Стюарт, а ты — ее палачом?

Это прекрасно — играть в историю, это прекрасно, как детство: можно побывать и в образе Ромео, и Отелло, и Юлием Цезарем, да и у женщин хватает блестящего прошлого — от Евы до Марии-Антуанетты.

Потом они пили шерри, и он читал Роберта Бернса на своем великолепном английском:

Расстаться нам велит судьба,
Не видно перемен.
Но буду я любить всегда
Свою малютку Джейн!

И снова ночное расставание, фальшь и омерзительное чувство вины.
Она молчала, но подтекст читался в ее потемневших глазах.

— Я не знаю, что делать, Джейн, ты должна меня понять, ты же умная.
Не могу я так сразу бросить и жену, и двоих детей.

— Почему ты поднял эту тему? Можно подумать, что я жажду за тебя замуж!

— Но все-таки у нас Игорь! — сына назвали в честь папы.

— Это мой сын, и мы с тобой свободные люди.

— Но я люблю тебя! — туповато настаивал он. — Я не могу без тебя! — И он бросился целовать ее.

Пожалуй, больше всего она любила в нем эту порывистую иррациональность, когда с губ срывались бессвязные слова, а сами губы, объединившись с руками, беспокойно и необузданно бродили по ее телу. Она любила сопротивляться его ласкам, поднимая его градус, и потом, когда уже пот градом струился у него по лбу, неожиданно уступать, вызывая в нем приступ новой страсти.

Девушки в службе подслушивания напряглись и заблестели глазами, словно смотрели грандиозный любовный фильм, правда, без изображения. Но на этот раз ничего пикантного не произошло, Джейн отстранила его и, холодно улыбаясь, открыла дверь.

— Джейн, милая, все будет хорошо, мы обязательно будем все вместе: ты, я и Игорь.

— Игорь, уходи, тебе пора! — ее раздражали долгие прощания, когда он топтался у двери, не в силах решить: остаться или уйти.

Когда он ушел, она долго не могла заснуть.

Оперативный Джордж зря время не терял и поставил на слуховой контроль и квартиру главного героя спектакля.

В тот вечер стены сотрясались от ссоры Ирины с сыном, принесшим много двоек в конце четверти, слушать же это было скучно, но, к счастью, после полуночи появился глава семейства, и начался новый акт, исполненный еще большего драматизма.

— Где ты был?! — это расвирепевшая Ирина.

— Я же тебе говорил, что в Тилбури сейчас зашло много наших

судов... что с тобою, Ирочка? — он попытался обнять ее, забыв, что взбешенных тигриц опасно трогать даже за хвост.

— Почти каждый день ты приезжаешь за полночь! Посмотри на свои губы! — она подтолкнула его к зеркалу. — От тебя пахнет. воняет чужой бабой!

Игорь слабо представлял разницу между запахами бабы своей и бабы чужой, тем более что он любил пользоваться хорошим, истинно немецким одеколоном, однако натиск его напугал.

— Ты с ума сошла! Клянусь, что я был на работе.

Не оправдывайся, не обращай внимания, нашептывал внутренний голос, преврати все в шутку, не реагируй, это только заводит.

— Врешь! — она уже вошла в истерику, и скомканный кустик усов под носом дергался, словно рвался в бой. — Врешь! — и в него полетел подсвечник с унылой желтой свечой, он просвистел мимо его уха и угодил прямо в китайскую вазу — она картинно взорвалась, осыпав осколками персидский ковер.

Непопадание в цель и гибель любимой вазы еще больше распалили Ирину, закатив глаза, она схватила большое (но недорогое) блюдо и с силой шмякнула им о пол.

— Ты предатель! — орала она. — Ты и в партийной жизни не участвуешь потому, что пресмыкаешься перед англичанами! Думаешь, если приоделся в полосатый костюм, то стал похож на джентльмена? Как был деревней, так и остался, вместе со своими забуревшими родителями.

— Ради бога, не трогай моих родителей.

— Однажды я плюну на все и расскажу на партбюро всю правду о тебе! И о твоих восторгах по поводу английской демократии, и о том, что ты читаешь Солженицына!

— Я же читаю его в английских газетах, у меня нет его книг. — он не на шутку перепугался. — Ирочка, успокойся, что ты говоришь?

— Уходи! — закричала она. — Я не могу жить с тобой под одной крышей!

И ушла в другую комнату, всхлипывая и путаясь в халате.

Девушки из службы подслушивания были в восторге.

Игорь капнул скотча в стакан с водой, но пить не стал, ночь подкатилась клубком к горлу, и он тихо, неумело заплакал, вздрагивая своим волевым подбородком.

На следующий день МИ-5 тоже не избежал бескровной драмы.

— Ну и дела! — говорил Питер Дженкинс, сжигая грозным взором Джорджа Листера, Джеймса Барри и Вивьена Колина, затаившихся, словно

перепуганные хорьки, на своих стульях. — Что же это происходит?! Русский не просто живет с шотландкой, но и имеет от нее сына, причем названного в его честь Игорем, причем этот русский англофил и диссидент, а мы лишь хлопаем ушами и ничего об этом не знаем!

Дженкинс сделал паузу и сбросил свой серый, тонкой шерсти пиджак, остальные траурно молчали.

— Русских тут, как сельдей в бочке, если бы нам увеличили штаты... к тому же он не связан с КГБ... — слабо пикнул Джордж, разорвав тишину.

— Хватит оправданий! — заорал шеф и зачем-то снова надел пиджак. — Перед вашим носом сидит готовый агент, а мы об этом даже не подозреваем. И это при том, что у нас сейчас нет хорошей русской агентуры.

— А Клишкин? — вмешался доселе молчавший Барри.

— Что Клишкин? — возмутился шеф. — Думаете, если завербовали шофера советского посла, то уже решили все проблемы? Ваш Клишкин, кстати, полная тупица, к тому же он даже не может толком уяснить, о чем посол беседует в машине, а что касается его информации о тех, с кем встречается посол, то мы это и так знаем от службы слежки. Я уверен, что Клишкин — подстава КГБ!

И Дженкинс презрительно растянул губы в усмешке.

Все грустно смотрели куда-то вниз, на ножки начальственного стола, словно провинившиеся дети. Если уж Клишкин подстава, то где же тогда честные люди?

По подставам англичане считали мастерами себя и только себя, и действительно, контрразведка ловко подсовывала резидентуре КГБ своих людей: одни вызывались шпионить добровольно, приходили в посольство и даже предлагали секретные документы, других служба засекала и перевербовывала, и они верно служили, сообщая об интересах советской разведки.

— Что будем делать? — чуть успокоился шеф и сбросил пиджак.

— По-видимому, надо продолжить изучение этого типа. техника, которую мы недавно поставили у него дома, дает неплохие результаты. — осторожно заметил Джордж, боясь напороться на очередную мину.

— Тише едешь, дальше будешь? — язвительно отреагировал шеф. — И так еще несколько лет. А что, собственно, еще мы должны знать о нем? Разве всего того, что мы знаем, мало для его вербовки? Или вы полагаете, что он побежит в посольство и признается, что имеет на стороне ребенка? Его надо немедленно вербовать! — и в подтверждение своих слов Дженкинс стукнул трубкой о стол, пепел фейерверком осыпался на

драгоценные сверхсекретные бумаги.

Разговор закончился, прилежные контрразведчики встали и скромно покинули начальственный кабинет.

Ранним воскресным утром по аллеям Ричмонд-парка двигалась симпатичная пара: преисполненный достоинства седовласый джентльмен с сумкой, из которой торчали клюшки для гольфа, одет он был в клетчатый пиджак и никкербокеры, большую и, по-видимому, умную голову покрывала тоже клетчатая кепка. Джентльмен ласково посматривал на молодого человека, по-видимому сына, в пуловере и джинсах, и изредка указывал рукой на лауны, где уже неторопливо расхаживали игроки.

Впрочем, разговор между резидентом КГБ в Лондоне Олегом Тениным и Вивьеном Колином, завербованным КГБ еще три года назад в университете и успешно внедренным в МИ-5, выходил за рамки спортивной дискуссии, хотя со стороны выглядел именно таким образом.

— Очень интересная информация! — говорил Тенин, осматривая клюшку так внимательно, будто тотчас же собирался ухнуть ею по шару. — И что Дженкинс собирается делать с этим Воробьевым?

— Он намерен его вербовать, не откладывая дела в долгий ящик. Вы же знаете, что мой шеф не любит тянуть резину и весьма оперативен. — Вивьен относился к Дженкинсу с почтением, что не мешало ему по мере возможностей очищать отдел от секретов.

— Поэтому и попадает все время в задницу! — заметил Тенин мягко, и они весело посмотрели друг другу в глаза, любящий папаша и вечно благодарный ему сынок. — Не будем затягивать встречу, конспирация — прежде всего. Спасибо за документы.

Он широко улыбнулся самой широкой в мире русской улыбкой, а Вивьен отошел в сторону, чуть-чуть, осторожненько шевельнув пальцами в прощальном приветии.

Прибыв в посольство, взбудораженный Тенин походил по кабинету, проигрывая все самые гениальные решения, но окончательного не нашел и вызвал к себе офицера безопасности Червоненко, перешедшего на оперативную работу из хозяйственного управления КГБ благодаря своим родственным связям.

Чернобровый, кудрявый красавец уже через минуту влетел в кабинет резидента и застыл во всей своей красе, интуитивно предчувствуя бурю.

— Садитесь! — резко сказал Тенин, словно приглашал присесть на электрический стул.

— Спасибо, я постою, — мягко ответил хитрый Червоненко, уже не раз опробовавший этот гениальный прием на начальстве: разве не вызывает

жалости беззащитный, стоящий навтыяжку человек? разве, глядя на него, можно сказать грубое слово?

— Что вы думаете о Воробьеве? — начал Тенин без всяких вступлений.

— Как вам сказать. — Червоненко стал крутить, выигрывая время, дабы уловить отношение шефа к затронутой личности. — Человек он непростой. сразу его понять трудно, с одной стороны, вроде бы.

— Что вы телитесь, как корова?

Дальше последовал хороший залп трехэтажного мата, Червоненко даже слегка покачнулся и вспомнил, как неделю назад после мощного разноса он помогал вытаскивать из этого кабинета заместителя резидента, у которого случился сердечный припадок.

— Что конкретно?! — рокотал Тенин, потрепывая седоватый бобрик.

— Работает он хорошо, никаких компроматов на него не поступало, ведет общественную работу. — от волнения стройный красавец начал заикаться.

— Ситуация в семье?

— Дружная советская семья, жена, как вам известно, председатель женсовета и член партбюро, у них двое детей.

Червоненко попытался еще поднабрать немного деталей из жизни Воробьева, но вспомнить ничего не смог, наоборот, в голову навязчиво ломилась Дуся Сидельникова, машинистка посольства, которую он недавно случайно засек в пабе с неизвестным типом. Дуся потом утверждала, что всего лишь пила кока-колу, а тип сам заговорил и даже предложил выпить. Ну а если это легенда и Дуся — английский агент? Что бы еще припомнить о Воробьеве, черт побери? — тужился он. Но Дуся влезла опять со своими проблемами, офицер безопасности даже покраснел, словно она сидела обнаженная у него на плече, не стыдясь резидента.

— А что вы скажете, — словно выстрелил в упор резидент, — если узнаете, что он трахает англичанку и имеет от нее ребенка?

— Девочку? — неожиданно для самого себя спросил офицер безопасности и от нахлынувшей слабости опустил на стул.

— Козла! — заорал Тенин. — Значит, так: вызовите его в посольство, допросите и посадите в подвал под хорошей охраной.

— А что потом? — сумел выдавить из себя Червоненко, в мгновение ока превратившийся из чернобрового красавца в трясущееся желе.

— Дальше вывезем его на самолете в Москву! — резидент смотрел на офицера безопасности с нескрываемым презрением, он терпеть не мог слабаков в славных органах. — А теперь идите! Только придержите штаны.

— Зачем? — не понял Червоненко.

— Чтобы не капало на пол, — хмуро улыбнулся шеф, и Червоненко вышел, думая о том, что он обязательно соберет самые страшные компроматы на Олега Тенина, его давно волновала предрасположенность резидента к дорогим ресторанам, где он порою встречался с высокопоставленными англичанами. Правда, это не составляло секрета: Тенин любил обсуждать с подчиненными кушанья и марки вин, а возвратившись после хорошего ланча, закуривал сигару и надолго забирался в сортир, единственный в резидентуре сигарный запах быстро распространялся по резидентурскому помещению, наиболее смелые сотрудники перемигивались, а некоторым приходилось спускаться по нужде этажом ниже. Барство! И почему он ездит с шофером, утверждая, что сам плохо водит машину?

Червоненко на высокой скорости пролетел в свой кабинет и, отдышавшись, крепко задумался над операцией по заманиванию Воробьева в посольство.

Предвкушая предстоящее счастье, Игорь ехал на randevу к Джейн, запасшись огромным игрушечным медвежонком для сына и изящным букетом хризантем для мамы. «Отцвели уж давно хризантемы в саду, а любовь все горит в моем сердце больном.» — мурлыкал он под нос. Настроен он был радостно и беспечно, погода разгулялась, солнце слепило глаза, водители с особой учтивостью уступали друг другу дорогу и тормозили перед «зебрами», улыбаясь переходящим дамам и поощрительно помахивая им.

Ему и в голову не приходило, что в этот солнечный день над ним сгустились грозные тучи: сзади, впереди и даже в боковых параллельных улицах следовало несколько машин слежки, ведущих закодированные переговоры по радио и контролировавших каждое движение объекта.

Машины поддерживали связь и с оперативной группой во главе с Джорджем Листером (в ней были и Барри, и Колин), обложившей Бакстоун-гарденс со всех сторон, все участники ответственной операции были переодеты в униформу контролеров, неуклонно налагавших дикие штрафы за неправильную парковку или превышение времени по счетчику.

Джордж чуть раньше въехал во двор дома, дабы подготовиться к прыжку. Тут, как назло, из своего подъезда выпорхнула разодетая Барбара, наметанный глаз которой тут же приметил Джорджа Листера в дурацкой униформе. Она содрогнулась от хохота и игриво помахала ему ручкой, но он сделал вид, что не заметил своей возлюбленной, и отвернулся к коллегам. Барбара ушла прочь с твердым решением никогда не видеть

трусливого контрразведчика.

Воробьев благополучно въехал во двор дома своей возлюбленной, аккуратно запарковал «Волгу», взял в обе руки подарки и направился к подъезду. Тут к нему и подкатились.

Солировал Джордж, стараясь выглядеть добродушнее и раскованней, чем он был на самом деле, это, однако, придавало всей сцене оттенок макбетовской зловещности.

— Добрый день, господин Воробьев! Чудесная погодка, правда? К сожалению, вы запарковали машину в запрещенном месте... не могли бы вы пройти в мою машину, где я выпишу вам квитанцию за штраф.

— Откуда вы знаете мою фамилию? — перепугался Игорь (Джордж и впрямь дал промашку, откуда транспортному контролеру известна фамилия нарушителя?).

— Вы часто оставляете тут машину, и мы были вынуждены навести справки. — соврал он.

— Кто вы такие? — уже в ужасе спросил Игорь, глядя на сумрачные фигуры, словно вырвавшиеся из самых душераздирающих шпионских триллеров.

— Разве вы не видите, что мы — контролеры? — непринужденно ответил Джордж, улыбаясь во весь рот и этим еще больше пугая Игоря. — Не волнуйтесь, все это займет не больше минуты. — Джордж ласково взял Игоря под руку, прижал к толстому животу и легко повел к машине.

Воробьев, еще не осознавший происходящего, покорно проследовал за ним на заднее сиденье, где уже сидел, как было задумано по сценарию, Вивьен Колин. Оказавшись сдавленным им и подсевшим с другого бока Джорджем, Игорь от страха лишился дара речи. Машина двинулась, и это окончательно доконало Игоря, тем более что он увидел кортеж с остальными контролерами.

Джордж приблизил свой лик к Воробьеву, что, по его мнению, должно было усилить эффект беседы, и деловито начал, не замечая полубоморочного состояния своего соседа.

— Господин Воробьев, я не буду тянуть время и сразу приступлю к делу. — машина уже выползла из Бакстоун-гарденс и резво летела по Кромвел-роуд. — все очень просто: мы знаем все о Джейн, о вас и о вашем маленьком Игоре.

И тут произошло нечто из ряда вон выходящее: Игорь, неожиданно обнаружив в себе львиную энергию, попытался вырваться из кольца, навалился на хрупкого Вивьена Колина и нажал на ручку двери, — в результате англичанин на полном ходу вывалился из машины прямо на

дорогу. Перепуганный водитель запоздало затормозил, и опять не вовремя: Игорь выскочил из автомобиля и во всю прыть помчался по Кромвел-роуд, не обращая внимания на гудевшие машины.

Пораженный Джордж приказал было водителю следовать за ним, но последний указал пальцем на распростертого Колина, вокруг которого уже собирались люди, и машине пришлось вернуться к товарищу, выполняя святой ритуал подбора раненых на поле брани. Колин отделался ушибами, однако все же вывихнул ногу. Он слабо постанывал и поливал убежавшего русского и мерзкую страну, его породившую, самыми последними словами (если бы эти выражения услышал Тенин, он тут же усомнился бы в преданности агента Советам). Колина погрузили в машину, дав указание остальной бригаде проконтролировать Воробьева у дома, куда он наверняка направит стопы.

Игорь появился в таком расхристанном виде, что Ирина залопотала, как наседка над цыплятами, забыла обо всех своих претензиях, помогла ему раздеться, покрывая утешительными поцелуями (он давился от слез и никак не мог прийти в себя), отвела в ванную и нежно вымыла под душем с помощью губки. Все эти трогательные манипуляции создали атмосферу любви и неожиданно для обоих переросли в ванный секс. Впрочем, в свете форс-мажорных обстоятельств провокации все это было объяснимо.

Именно в этот феерический момент в гостиной затрезвонил телефон, и твердый мужской голос сказал подлетевшей хозяйке дома:

— Ирина Ашотовна, это дежурный по посольству Архипов. Можно к телефону вашего мужа?

— Он в ванной, — не погрешила против истины Ирина.

— Тут приехала делегация из Москвы, в которой есть сослуживцы Игоря Львовича, посол через час дает в их честь ужин и очень просит вашего мужа на нем присутствовать. Обязательно!

Личное приглашение посла вызвало суматоху в семье — такого не бывало ни разу, — и Ирина тут же объяснила внезапное расположение отца колонии своим недавним выступлением на партсобрании, когда она тонко обозначила в своей речи мудрость руководства посольства.

Игорь был извлечен из ванной, вытерт огромным полотенцем, на котором чернели контуры знаменитого Тауэра, усеянного свирепыми воронами, побрит электробритвой (он так ослабел, что руки его тряслись) и облит одеколоном «Олд спайс», потребляемым лишь в особо торжественных случаях.

— Пожалуйста, не надевай костюм в полоску, надень что-нибудь синее или черное. Посмотри на членов политбюро: там нет полосатых и все в

шляпах. И надень темно-красный галстук — так будет патриотичнее и к тому же очень в тон! — умоляла Ирина, суетясь вокруг Игоря, как портной на примерке. — Возможно, тебе предложат повышение. я этого не исключаю.

Она еще раз с удовольствием оглядела его на прощание: вызов на ужин к самому послу восстановил силы Воробьева, и он выглядел, как принц накануне коронации, хотя на душе было тошно и перед глазами маячили странные люди в униформе.

Он бодро впрыгнул в автомобиль и на прощание махнул рукой.

Незадачливого Игоря Львовича взяли под белые руки прямо в фойе посольского здания, огрели для порядка по голове и отвели в подвальное помещение с кондиционером, но, естественно, без окон. Первый допрос по всем чекистским канонам проводил офицер безопасности, который для пущей важности (и по глупости) положил рядом с собой кобуру с игрушечным пистолетом, допрашивал он грубо, стараясь интонациями подражать резиденту, и делал это совершенно напрасно: Игорь тут же раскололся по всем пунктам, однако категорически отрицал сотрудничество с английской контрразведкой и гнусный замысел навсегда остаться в бывшей мастерской мира.

По приказу Червоненко Воробьева перевели в посольский гараж и допросили по жестче, посветив фарами в лицо, — офицер безопасности совсем недавно видел такой допрос в фильме о привидениях. Однако эта экзекуция не сломала грешника, и новых признаний он не сделал, несмотря на то, что Червоненко пригрозил ему страшными пытками. Ему и впрямь захотелось привязать эту сволочь к стулу и загнать ей под ногти пару иголок, однако он вспомнил, что сталинские методы давно осуждены партией, строившей самое человеческое в истории человечества общество, и даже застыдился своей жестокости.

Когда офицер безопасности, сияя, доложил об итогах своей плодотворной работы резиденту, последний не расплылся в поздравлениях и холодно заметил:

— Нам следует принять меры, иначе эти англичашки сядут нам на шею. Нельзя допустить, чтобы они безнаказанно вербовали наших граждан. Доложите все это дело послу, пусть он сообщит в Москву и предложит ответные меры.

Тенин, конечно, мог бы и сам согласовать этот вопрос с послом, более того, это было его прямой обязанностью, как шефа КГБ в Лондоне. Однако посла он на дух не выносил, считал интриганом и, возможно, иностранным агентом, копал под него и давно бы сшиб с должности, если бы посол не

пользовался поддержкой помощника генерального секретаря, своего школьного кореша.

Посол отвечал резиденту взаимностью, но побаивался его, ибо еще в начале карьеры потерял секретный документ, был изгнан из МИДа и чуть не угодил в тюрьму. Так что компроматов на него у КГБ было достаточно, и вообще посол исходил из того, что главная задача резидента — это следить за ним, за послом, более важных дел у КГБ быть не может.

Вскоре после бурных согласований с МИДом СССР, всегда носившимся с англо-советской дружбой как с писаной торбой, советский посол, очень важный и очень волосатый человек, с маленьким, круглым Лениным, привинченным к лацкану темного пиджака, торжественно проехал на своей «Чайке» от Кенсингтон Пэлэс-гарденс до Даунинг-стрит и поднялся к министру, своему давнему знакомцу, с которым счастливо приятельствовал еще тогда, когда тот был в оппозиции.

Именно по этой причине вся эта миссия не доставляла послу ничего, кроме огорчения и раздражения, и все из-за этого проклятого КГБ! на хрена вообще нужна разведка, если он, посол, прекрасно информирует правительство? А в посольстве сидят эти шибздики и мутят воду, портя отношения с Англией, выстроенные им, послом, с таким трудом!

Но приказ МИДа требовал строгого выполнения, посол напустил на себя побольше строгости, торжественности и невыносимой печали и в таком облике вплыл в приемную и предстал пред удивленными глазами своего друга.

Пораженный министр попытался сломить лед, предложив гостеприимно стаканчик виски, однако посол даже не одарил его улыбкой, деловито достал из папки бумагу и холодно зачитал меморандум о провокации контрразведки против советского гражданина. Министр слушал молча, перебирая четки желтоватыми от курения пальцами, никак не обнаруживая своей реакции, но в конце заметил:

— Мы, конечно, тщательно разберемся с этим делом и дадим вам официальный ответ, однако я уже сразу могу сказать, что в Соединенном Королевстве не существует контрразведки.

Посол чертыхнулся про себя: опять этот КГБ наломал дров! ведь это именно они составляли текст меморандума в Москве! как это он не обратил внимания на этот нюанс? ведь он не раз читал в английской прессе о том, что и разведка, и контрразведка формально нигде не обозначены.

А несуществующая контрразведка и весь ее русский отдел стояли тем временем на ушах. Перед Питером Дженкинсом сидели Джордж Листер и Джеймс Барри, всех джентльменов отличал здоровый красный цвет лица,

трубка в зубах Питера превратилась в огнедышащий паровоз, хотя он старался сдерживать себя и не показывать гнев, зная, что в минуты кризиса всегда полезно демонстрировать хладнокровие.

— Очень печально, джентльмены, — говорил Дженкинс, — как же все это произошло?

— Мы совершенно не ожидали, что он окажется таким сильным. Он выбросил из машины Вивьена, тот сломал два ребра и сейчас лежит в больнице.

В это время зазвонил телефон, соединявший Дженкинса с самым главным шефом.

— Вы один, Питер?

— Да, сэр. — Дженкинс многозначительно посмотрел на своих подчиненных, давая понять, как безгранично он им доверяет.

— Что вы там сделали с каким-то моряком? Мне только что звонил министр иностранных дел, русские пришли к нему с нотой протеста.

— Не понимаю, — отвечал находчивый Дженкинс. — Мы действительно имели с ним деловой контакт под хорошей легендой. Но после этого молодчики из КГБ нагло заманили его в посольство и посадили в каталажку. Мы об этом узнали благодаря подслушиванию. Сейчас я расследую все это дело.

— Я не хочу вдаваться в детали, Питер, — сказал шеф, хорошо знавший умение Дженкинса преподносить события в выгодном для себя свете, — однако я предпочитаю, чтобы ноты протеста исходили от нас. Пока.

И шеф безмолвно положил трубку.

Дженкинс пожевал губами, переживая удар. Оплеуху он получил звонкую, и вообще весь оборот, который приняло дело Воробьева, явился для него совершенно неожиданным. Ведь все на первый взгляд выглядело просто и не сулило никаких неприятностей, впрочем, в жизни всегда так и никогда не знаешь, с какой крыши свалится на голову кирпич.

— Они попытаются вывезти его в Москву, — нарушил паузу Джордж, потирая лысину.

— Этого мы не можем допустить! — твердо сказал Дженкинс. — Конечно, мы не имеем права нарушить экстерриториальность посольства, но уже за воротами хозяева — мы, а не эти сукины дети!

— Они сделают это тайно, — вмешался Барри.

— Надо усилить контроль и за посольством, и в Хитроу, следить за их каждым шагом и все проверять. Даже дипломатический багаж! Кстати, как вы думаете, что явилось причиной столь скоропалительных действий

русских? Откуда они могли узнать, что мы планируем вербовку Воробьева?

— Я тоже об этом думал, — сказал Джордж. — Но, к сожалению, наши «жучки» не стоят там, где его допрашивают. Мне кажется, они давно засекли его встречи с Джейн и то, что его арестовали в день контакта с нами, — просто печальное совпадение.

— Дай бог, если об этом не стукнул «крот» в наших рядах, — хмуро отозвался Дженкинс и поежился, представив гнусного «крота».

— А после допроса он все им выложил и, конечно, сгустил краски, представив все как провокацию. Впрочем, я готов сесть на «детектор лжи», вдруг «крот» — это я! — Джордж решил разрядить атмосферу.

— Я ценю ваше чувство юмора, — заметил Дженкинс, — но дело слишком серьезно для шуток! — и он улыбнулся, дав понять, что сам еще не потерял чувства юмора.

Пока МИ-5 мучилась со своими проблемами, седовласый резидент Тенин принимал Червоненко в кабинете с проложенными сталью стенами, отражавшими любые коварные лучи.

Офицера безопасности словно подменили: подобострастность слизнуло, черные брови и курчавые волосы чуть топорщились от избытка здоровья и хорошего настроения, весь вид его был самоуверен и важен, — объяснялось это, конечно, грандиозным успехом: захватом изменника Родины. Червоненко уже прикидывал, как обыграть все дело в Центре для подрыва позиций Тенина, который не раз заявлял в кругу разведчиков, что мышьяная возня офицера безопасности приносит одни склоки и мешает основной работе — борьбе с американцами и НАТО.

— Вот что происходит, когда мы хоть на миг ослабляем бдительность, — наставительно говорил Тенин, тоже понимавший, что это дело могло обернуться против него. — Хорошо, что он во всем сознался. Жаль, что в данный момент мы оказались в темном лесу и не знаем, что планируют эти гады.

— А наш человек у них? Разве он не в курсе дела? — полюбопытствовал Червоненко, которого резидент иногда использовал на подхвате при проведении тайных встреч и однажды за стаканчиком виски похвастался ему, что держит на связи сотрудника МИ-5.

— Мы должны думать о том, как красивее вывезти Воробьева в Москву, — отрезал Тенин, пожалевший, что когда-то поддался слабости и чуть приоткрыл тайну этому провинциальному идиоту.

— Наверное, лучше использовать для этого наше торговое судно? — осторожно предложил офицер безопасности.

— Нет, это слишком долго, его могут перехватить на пути до Тилбури.

Да и судно в пути могут обыскать. Вывезем его «Аэрофлотом». И сделаем это просто: в дипломатической почте будет большой ящик. Суньте ему туда баллон с кислородом, а то привезем труп. — и он поморщился, дав понять, что труп его не совсем устраивает.

— Может, сделать, как в прошлом году, когда вывозили еврея-скрипача из Большого? Помните? Обмотали всего бинтами и провезли через пограничный контроль как тяжелобольного, — сказал Червоненко и заулыбался, — он всегда улыбался, когда произносил слово «еврей», словно рассказывал анекдот.

— Шаблон вас погубит, Никита Петрович, — спокойно возразил Тенин. — Хотя в вашем предложении есть доля истины. Мы используем вариант с больным в качестве отвлекающего маневра.

— Не понимаю. — офицер безопасности заморгал глазами.

— Кто-нибудь отправляется в ближайшее время в Москву?

— На днях в Москву летит Переверзев, грыжу оперировать.

Резидент снисходительно улыбнулся, он-то досконально знал, что секретарь парторганизации использует операцию грыжи как предлог для резких атак на посла за недооценку идеологической работы в совколонии. Переверзев совсем недавно сам жаловался на это резиденту и получил полную его поддержку, более того, за успех предстоящей важной миссии были раздавлены две бутылки превосходного «Еревана» из запасов, сделанных во время распродажи.

— Очень хорошо. Поговорите с ним. Мягко, конечно. Скажите, что все это во имя интересов партии. Но этого мало. Скажите Ирине Воробьевой — их квартиру англичанки наверняка прослушивают, — чтобы она «проговорила» о том, что отбывает с мужем в Союз пароходом.

Конечно, резидент мог поговорить с Переверзевым и сам, но он не любил выглядеть просителем и все неприятные и деликатные дела обычно перепоручал.

В кабинет секретаря парторганизации Червоненко вошел без всякой радости, которая обычно сияла на лицах тех, кому выпадало счастье общаться с живым воплощением партии на лондонской периферии. Душа его была переполнена ненавистью к Тенину, опять бросившему его на горячий участок, хотя он не мог отказать ему в высоком полете оперативной мысли. Когда Переверзев услышал от офицера безопасности, что его просят обмотать себе голову и часть туловища бинтами, он окаменел, словно на его партийную лысину сел и вцепился когтями горный орел.

— Мы проводим очень важную операцию по поручению

Центрального Комитета (Червоненко говорил подчеркнуто значительно, словно речь шла о предотвращении третьей мировой), вы ничем не рискуете. Даже если англичанам вдруг придет в голову размотать бинты, всегда можно сказать, что у вас дикие головные боли.

— А что? Боли проходят, если обмотать бинтами голову? — удивился Переверзев, страдавший иногда мигренью.

— Бинты от многого помогают, я об этом недавно читал в газете, — нес чепуху Червоненко. — Мы вас очень просим и доложим о вашем участии самому председателю КГБ.

— Меня несколько смущает общественный резонанс внутри нашей партийной организации. Всем известно, что я совершенно здоров. кроме грыжи, естественно, и вдруг меня увозят на носилках и в бинтах!

— Но это ведь может быть обострение грыжи. никто ведь толком не знает, где растет у вас грыжа. — упорствовал Червоненко.

— Вы полагаете, что грыжа может быть на голове? — обреченно улыбнулся Переверзев. — Но ладно! Я всегда хорошо относился к КГБ, и, поскольку это важное партийное дело, я согласен. — и подумал про себя, что лучше не вступать в конфликт с мерзкой организацией: настучат и уберут.

— Тогда по рукам! — взбодрился Червоненко и двумя руками затряс правую руку партийного секретаря, словно поздравлял его с победой на футбольном поле.

Все прошедшие дни Дженкинс лично докладывал шефу ход дела Воробьева и меры против его незаконного вывоза из Англии. Под контроль были взяты и посольство, и все советские суда, и поезда, и, естественно, «Аэрофлот», находившийся под особым подозрением.

Дженкинс прибыл в Хитроу за два часа до отлета самолета «Аэрофлота», полыхая своей легендарной трубкой. Прошедшая ночь выдалась отвратительной: приснилось, что он возвращается от любовницы, заимевшей от него ребенка, тихо крадется по Пикадилли, сжимая в руке пластиковый пакет с постельным бельем. Причем пакет прозрачный, на простынях видны непристойные пятна, все прохожие пялят на него глаза, а Дженкинс пытается спрятать пакет под пиджак, хотя это почему-то не удается, краснеет от стыда, хочет свернуть в боковые улицы, но какая-то неведомая сила крепко держит и не отпускает его. Сон был тем более дурацким, что Дженкинс никогда не изменял своей жене, никогда не имел любовницы и, уж конечно, не бегал на свидания с ней со своим постельным бельем.

С утра наружное наблюдение доложило, что в Хитроу движется

русский «рафик» с человеком, обмотанным бинтами, — такого аврала в МИ-5 никогда не видели. К моменту приезда шефа в аэропорт там уже собрался почти весь русский отдел, серьезно усиленный полицейскими из Скотленд-Ярда, — оставалось проинспектировать войска, уточнить задачи и оценить постоянно меняющуюся обстановку.

— Новая информация, сэр: Ирина Воробьева собирает вещи и собирается выехать в Тилбури вместе с мужем, — доложил Джордж.

— Откуда информация?

— От «жучков» у них на квартире.

— Русские знают об этих «жучках»?

— Они могут догадаться, зная, что Воробьев у нас в разработке.

— Пошлите к их дому две машины слежки, и пусть они откровенно следят за домом. Пусть кто-нибудь зайдет и попросит Игоря. Сделаем вид, что мы клюнули. Если это правда, то не составит большого труда заблокировать машину с Воробьевым на пути в Тилбури.

— Началась посадка, сэр!

Казалось, что тайных агентов больше, чем пассажиров, ими кишел весь аэропорт, особенно у регистрационных стоек, у таможни и на пограничном контроле. К зданию подкатил «рафик», двое парней с военной выправкой вытянули оттуда носилки с перебинтованным больным и направились прямо на пограничный контроль, отправив третьего зарегистрировать билет. У Джорджа загорелись глаза, он радостно посмотрел на шефа, тот подмигнул ему и почесал ухо, что было знаком для Джеймса Барри, стоявшего в бульдожьей стойке вместе с другими коллегами.

Пурников, которому, как самому трезвому в посольстве человеку, доверили сопровождать Переверзева, протянул его паспорт.

— Советник Переверзев? — Джеймс удивленно поднял бровь. — Что с ним?

— Он упал и разбил голову, — ответил русский.

— Вам придется разбинтовать его.

— Но он болен. у него дипломатический иммунитет! — искренне возмутился Пурников, который не сомневался в истинности травм секретаря парторганизации.

— Мы должны идентифицировать личность! — упорствовал Барри.

— И вы хотите оголить его раны?! — вскричал Пурников, до глубины души пораженный хамством англичан, от волнения он даже начал заикаться и заслонил грудью больного. Жаркий спор продолжался, русские упорствовали, и дело чуть не дошло до драки, когда Джеймс оттолкнул

первого секретаря и попытался лично разбинтовать больного.

Тем временем к самолету подкатила машина с дипломатической почтой, откуда был извлечен крупногабаритный ящик. Ругань на контроле продолжалась, стороны уже отталкивали друг друга, и, если бы сам страдавший от унижения Переверзев не поднял руку и не начал разматывать себе голову, произошла бы стычка. Когда Джордж увидел перед собою унылую физиономию партийного секретаря, у него отпала челюсть. В растерянности он повернул голову и увидел, что из советской машины с дипломатическим номером, подкатившей прямо к самолету, выгрузили большой ящик.

— За мной! — заорал он, бросаясь в последний и решительный. Все за мной! — и целая орава ринулась к самолету и преградила восхождение по трапу.

Разбираться в дипломатических тонкостях уже не было времени, дипкурьеры, естественно, решительно отказались открыть и показать ящик, англичане сдаваться не собирались, началось яростное мордобитие, подкрепленное вмешательством летчиков. Исход боя решило явное численное превосходство англичан и неуверенность русских, боявшихся полностью разрушить англо-советские отношения.

Тенин, бледный как смерть, наблюдал, как завернули руки Червоненко (трусливый на ковре у начальства, он показывал чудеса храбрости), раскрыли ящик и извлекли оттуда дрожавшего Воробьева, который оказался в нормальной форме, хотя перед отъездом ему вкололи изрядную дозу снотворного. Дженкинс, попыхивавший трубкой недалеко от Тенина и тоже переживавший этот матч, с тонкой улыбкой на устах посмотрел на резидента, и взгляды их встретились, — они прекрасно знали друг друга, хотя никогда лично не встречались.

Взяв свою добычу под руки, англичане доволокли Воробьева до машины и тут же перекрыли движение с помощью полиции. Затем целая кавалькада со звуковыми и световыми сигналами победно полетела в сторону Лондона. Дженкинс и Джордж Листер ехали в одной машине, оба находились в превосходном настроении и сыпали шутками, посмеиваясь над глупостью русских.

— Английская пехота всегда отличалась упорством, это еще Фридрих Энгельс писал! — резюмировал итоги борьбы Дженкинс, блеснув своими университетскими познаниями в марксизме.

Первый допрос Воробьева проводил лично шеф русского отдела у себя в кабинете, держался он уверенно и сиял, словно неаполитанское солнце, приготовившись к благодарностям русского за вызволение из когтей КГБ.

Воробьев еще не оправился после всех потрясений, движения у него были замедленными, как у больного, только что вставшего с постели, и говорил он так, словно ему только что ухнули по голове мешком.

— Господин Воробьев, вы находитесь сейчас под покровительством Скотленд-Ярда (конспирация в МИ-5 всегда была на грани фантастики) и под опекой правительства ее величества. Если вы хотите получить политическое убежище, то мы можем уже сейчас приступить к оформлению некоторых бумаг. Мы рассчитываем на ваше сотрудничество и с удовольствием поможем вам с новой работой, — вещал Дженкинс торжественно и прочувствованно.

Воробьев, выслушав эту тираду, поморгал глазами, с трудом переваривая информацию. Наступила неловкая пауза, и Дженкинс даже подумал, что неплохо повторить речь в более доступной для русского форме, более отчетливо выговаривая каждое слово.

— Я не прошу политического убежища и не хочу ни с кем сотрудничать, — вдруг сказал Воробьев и снова замолк, словно впал в транс.

— То есть как? — оторопел шеф.

— Я ничего не хочу! — грубо сказал Воробьев и выпятил челюсть.

— Может, вас вернуть обратно в дипломатический ящик? — не без юмора заметил Джордж, находившийся в кабинете.

— Нет, я останусь в Лондоне и буду жить со своей женой и сыном, — ответил беглец просто. — С Джейн.

— И какой у вас будет статус?

— Я не хочу отказываться от советского гражданства.

— Конечно, это ваше личное дело. однако.

Дженкинс поправил итонский галстук, напомилавший о принадлежности к закрытому клубу гениев, и закурил трубку. Заявление повергло его в смятение, этого он никак не ожидал, и интуиция подсказывала ему, что этот негодяй принесет еще массу неприятностей. Ох уж эти русские! Он почему-то вспомнил героев Достоевского, жгущих деньги, непредсказуемого идиота князя Мышкина и прочих кретинов, слабо понимающих нормы западной жизни.

Он подошел к Воробьеву и ласково потрепал его по плечу:

— Сейчас вам надо отдохнуть. В интересах безопасности мы временно поместим вас в квартиру с нашей охраной. Думаю, вам и Джейн следует подыскать новую квартиру: я уверен, что КГБ не успокоится и попытается отомстить.

Дженкинс со значением пожал русскому руку, отпустил его в

сопровождении Джеймса Барри и прошел в свой кабинет, где выпил почти целый стакан неразбавленного скотча, кляня Воробьева последними словами. Ну и кретин! Правда, опыт подсказывал, что вода камень точит и время лучший целитель, ставящий все на свое место. Он побарабанил пальцами по столу и предложил Джорджу навестить Джейн, обрисовать ей сложившуюся обстановку и попросить повлиять на своего возлюбленного в нужном для правительства ее величества направлении.

Джордж, совсем недавно переживший унижения во время беседы со зрителем, не пришел в восторг от этого задания, но служба есть служба, на следующий день он купил букет хризантем и бодро направился на Бакстоун-гарденс. Начало не предвещало ничего хорошего: уже во дворе он наткнулся на Барбару, которая его уже давно простила и пребывала в убеждении, что он ее преследует, добиваясь счастья прошлых дней.

— Какие чудные цветы! Спасибо! — сказала она нежно и протянула руки к букету.

Джордж засуетился, шаркнул ногой, спрятал за спину букет и улыбнулся.

— Извини, Ба, я не к тебе. Тут живет мой приятель, у него сегодня день рождения.

Ответ был достаточно глуп и привел Барбару во вполне законную ярость: сощутив глаза, она закатила своему бывшему любовнику такую пощечину, что он чуть не рухнул на землю. Подождав, когда рассвирепевшая тигрица удалится, Листер решительно двинулся в апартаменты Джейн, отметив про себя, что неприятности имеют обыкновение бежать гурьбой друг за другом.

Джейн встретила его с сыном на руках и милостиво приняла букет. Лицо ее, как у сфинксов у колонны с Нельсоном на Трафальгарской, ничего не выражало.

— Извините меня, мисс Макдермот, но я из Скотленд-Ярда. Вчера русские попытались насильно увезти в Москву вашего мужа, вы, конечно, прочитали об этом в газетах. Сейчас он временно у нас, однако существует проблема: он собирается жить с вами и сыном, но не заботится о своем статусе и не хочет просить политического убежища. Не буду от вас скрывать, — Джордж сдвинул брови, — что в холодной войне его жест, пусть небольшой, имел бы определенный резонанс. Все это важно для нашей старой доброй Англии.

Джордж вел беседу улыбочиво и мягко, однако слабо представлял, с каким крепким орешком имел дело: Джейн органически ненавидела любое вмешательство в ее личную жизнь, и она даже порозовела от возмущения,

что превосходно сочеталось с рыжими распущенными волосами. К тому же от Листера нестерпимо пахло обожаемой им мускусной водой с Ямайки, эту воду она тоже не терпела после скоротечного романа с одним нестерпимо вонючим ямайцем.

— Во-первых, мы не женаты и Игорь мне не муж! — сказала она железным голосом. — Во-вторых, я не понимаю, на каком основании Скотленд-Ярд вторгается в мои дела и оказывает давление, в-третьих, я немедленно пойду к своему члену парламента и попрошу его направить запрос правительству по поводу ваших действий, в-четвертых, я направлю письмо в «Таймс», наконец, меня достала ваша добрая Англия, да здравствует свободная Шотландия! Мне продолжать?

Уже в начале монолога Джордж понял, что стучится лбом в каменные ворота, и он стал интеллигентно ретироваться, опасаясь, что слова перерастут в истерику с неожиданными последствиями.

— Спасибо, мисс Макдермот. Извините меня за вторжение.

И он побежал вниз по лестнице, в душе проклиная рыжую ведьму. Что случилось с Англией и ее народом, так любившим свои секретные службы, так лелеявшим их? Или все дело заключается в том, что Джейн — шотландка, а эти глупые горцы со времен Марии Стюарт ненавидят истинных англичан и даже мыслят о независимости? Или просто упали нравы и граждане перестали понимать, что, помогая секретным службам, они укрепляют государство и обеспечивают свою собственную безопасность?

Тем временем продолжались баталии на дипломатическом уровне, на сей раз огонь открыла английская сторона, и совпосол был срочно приглашен на Даунинг-стрит и все в том же темном костюме с ленинским значком на лацкане предстал перед английским министром иностранных дел. Было ясно, о чем пойдет речь, однако, хотя Тенин просил его занять наступательную позицию, он решил не ерепениться, проявить разумную нейтральность и косвенно дать понять министру, что варварские штучки секретной службы, тайно транспортирующей своих граждан в сундуках, ему не по душе. Сделать это нужно было тонко, не дай бог, в Форин офисе сидит какой-нибудь кагэбэшный «крот», который тут же настучит о предательстве государственных интересов.

— Ваши люди из КГБ грубо попирают английские законы, господин посол, — сухо начал министр. — Мы объявляем господина Червоненко персоной нон грата и требуем, чтобы он покинул Великобританию. Вот вам меморандум, почитаете на досуге.

— Спасибо, — сказал посол. — Мы, конечно, его изучим, однако сразу

же хочу заявить, что никакого КГБ в посольстве не было, нет и не будет!

При этом он весьма приветливо и даже с юмором смотрел на министра, который тут же вспомнил собственные слова об отсутствии в Англии контрразведки и позволил себе расхохотаться. Оба поняли друг друга с полуслова.

— Не хотите ли скотча, Павел? — министр был любезным и добрым человеком и не терпел обострения отношений, тем более личных.

— Спасибо, Гордон, — молвил посол, принимая из рук министра виски.

Министр тоже не выносил спецслужбы, чужие и свои, последние даже больше, ибо они за ним охотились, когда он был в оппозиции. Правда, он частенько попивал порт в клубе «Реформ» с руководителем МИ-5, своим школьным другом, но обсуждали они исключительно одну тему: виды и способы выращивания хризантем — оба были заядлые любители, не пропускали ни одной важной выставки этих цветов.

Посол и министр больше темы Воробьева не касались, а окунулись в воспоминания о славных днях, когда министр еще был в оппозиции и мог позволить себе съездить с послом на охоту в Шотландию.

Посол спустил все дело на уровень консула, начавшего упорно требовать личного свидания с украденным соотечественником. Сначала англичане мягко отказывали, но потерпевший держался вяло и не высказывался против визитов к нему соотечественников. Сначала явился сам советник посольства Тенин и повел с ним увещательную беседу о родине, о партийном долге, о советском народе. Беседу вел мягко, потцовски, ласково прищуривал глаза. Затем его почтил консул и говорил в том же духе, правда, с большой заботой о его детях, которым уже наверняка не устроиться в престижные институты в Москве, не говоря уже о работе.

— Вы пожалеете о своем шаге, Игорь, — говорил консул. — Родина у всех одна, как и жизнь. Вы измучитесь от тоски. А что скажут ваши дети? Ваши старые отец и мать? Подумайте о них.

Затем объявилась Ирина с сыном, убитая не столько бегством Игоря, сколько общественным позором.

— Как мы будем жить? — она громко сморкалась в платок, теребя мятые усики, насквозь промоченные слезами. — Что ты делаешь, Игорек? Ты бросаешь нас!

И сын, уже получивший в школе заряд о том, что нет ничего хуже предательства, интуитивно завывал ей в тон.

— Ира, все кончено, пути назад нет. — уныло повторял Игорь, и его голубые глаза блестели от слез.

— За что? за что? — всхлипывала она.

— Вернись, папуля! — тоже плакал сын. — Я люблю тебя!

Джордж, которому было поручено наблюдать за свиданиями, стискивал зубы, чтобы самому не разрыдаться от этих ужасных сцен. Игорь, как обычно, колебался и, возможно, вернулся бы, если бы не крики сына, фальшь которого его внезапно потрясла. Боже, снова жить с этой ужасной женщиной, вконец исковеркавшей мозги и душу ребенка своими идеологическими бреднями, оставить преданную Джейн и розовощекого младенца. нет! никогда!

Дженкинс и весь отдел ликовал по случаю победы над русскими в Хитроу, сражение называли русским Ватерлоо, где лавры герцога Веллингтона принадлежали Дженкинсу.

Вскоре с помощью контрразведки Воробьев переселился на охраняемую квартиру на окраине Лондона, Джейн с ребенком последовали туда и начали новую жизнь. Больше гуляли и смотрели телевизор, а еще больше времени проводили в постели, что совсем не так плохо, как некоторые считают.

— Вчера я был в школе славяноведения, мне обещают работу. Когда мы устроим свадьбу? Я хочу, чтобы мы обвенчались в церкви.

— Но сначала ты должен получить развод. К тому же я католичка, в какой церкви мы будем венчаться?

— Жена уже уехала в Москву. я даже не знаю, что делать. Видимо, напишу отсюда заявление в загс и найду адвоката в Москве. Но как, не выезжая в Москву, найти там адвоката? Может, если я попрошу убежища, меня автоматически разведут?

Иногда на Игоря наваливалась тоска и охватывало раскаяние, он скучал по детям, жалел брошенную Ирину, его, англофила, вдруг потянуло на селедку и черный хлеб, — в такие минуты он распечатывал бутылку московской водки, которую покупал вместе с другими русскими деликатесами в эмигрантской лавке, медленно пил ее до самого конца, неподвижным взором смотря в окно, где было безлюдно и тихо, лишь иногда, словно сенсация, возникал автомобиль. Умная Джейн понимала его славянскую душу, навеки привязанную к русским просторам с их безысходной печалью, она знала, что лучшее лекарство от тоски — это маленький Игорь, и вручала коляску. Гуляя с сыном, он все равно вооружался радиоприемником, чтобы послушать московские передачи, англичане начинали его раздражать, и он даже перестал читать когда-то любимый «Обсервер».

МИ-5 гордо ожидала, когда он сам попросит о сотрудничестве, а

резидентура КГБ не собиралась сдаваться и так просто принять оплеуху, полученную в аэропорту. Перед отъездом в Москву персоне нон грата Червоненко, обретший важность после своих подвигов на аэродроме и упоминаний его фамилии английской прессой, в последний раз навестил резидента.

— Вы должны гордиться тем, что они вас выгоняют: значит, боятся, а это самая высокая оценка работы чекиста, — торжественно говорил хитрый Тенин, думая, что невелика потеря, хорошо, что этого болвана выгоняют англичане, а не он сам: такая идея уже давно бродила в его голове.

— Спасибо, Олег Антонович! — сказал Червоненко с чувством, превращаясь от счастья уже в совершенно писаного красавца.

— Англичашки со свойственной им самоуверенностью думают, что утерли нам нос. Напрасно так думают: вчера я послал шифровку в Центр с предложением организовать встречу Воробьева с его родителями. Если жену с детьми он и в грош не ставит, то родителей, как нам известно, глубоко почитает. Я вас попрошу по прибытии в Москву взять все это дело под контроль.

— Обязательно, Олег Антонович. Желаю вам боевых успехов!

Они крепко пожали друг другу руки и трижды, как положено на великой Руси, облобызались.

В Москве Червоненко развил бурную деятельность, посещая сановные кабинеты в ЦК КПСС и в КГБ. Слушали его внимательно, особенно когда он в деталях описывал потасовку в Хитроу, умело всовывая себя в эпицентр событий. Англичан он рисовал подонками, которые только и мечтают перевербовать всех советских граждан, о резиденте отзывался скептически, акцентируя недооценку им сложной контрразведывательной работы, а инициативу с транспортировкой в Лондон родителей беглеца полностью приписывал себе и упорно пробивал во всех кругах. Он надеялся на скромную «Красную Звезду», в худшем случае на «Почетного чекиста», и потому сил не жалел: вернуть перебежчика — разве это не высочайший класс пилотажа? Наконец идею одобрили, и герой направился на свидание с родителями.

В далеком украинском селе Марьинка стоял полдень. Старуха Полина Воробьева закончила шить трусы своему мужу, и он, весьма довольный обновой, напялил их на себя и радостно крутился перед зеркалом. В новых трусах он выглядел помолодевшим и совсем выздоровевшим (только недавно перенес операцию), и от радости Лев Борисович несколько раз выбросил ноги в краковяке, который любил танцевать в молодости. Правда,

от танца началась одышка, и тут старина неожиданно громко перднул.

— Что ты сказал? — спросила глуховатая Полина. В этот момент к покосившейся избенке подкатил «газик» с милиционером и Червоненко, выглядевшим торжественно, как секретарь обкома, приехавший на посевную.

Страж порядка легко выскочил из машины и без стука запросто толкнул дверь.

— Здорово, Левушка! И ты, Поля, здравствуй! Трусы, что ли, новые меришь? Поздравляю с обновкой, надо бы обмыть.

Милиция в деревне — это редкость и большое начальство, с которым нужно всегда иметь добрые отношения, поэтому старуха засуетилась, Левушка быстренько натянул на себя выходные штаны, и на столе появилась бутылка самогона. Тут милиционер сбегал за Червоненко, который ожидал в машине, не желая появляться до прояснения обстановки. Все с удовольствием махнули по стаканчику, закусив соленым огурцом.

— А мы по важному делу приехали, — сказал милиционер. — Вас в Москву приглашают.

И посмотрел на Червоненко.

— Это еще зачем? — насторожился Лев. — Я — фронтовик, два ордена Славы имею.

— Да нет, ничего плохого там не задумали, — успокоил его Червоненко. — Хотят вас послать в Лондон.

— Куда?

Старики оцепенели от неожиданности.

— С Игорьком что-то стряслось, — запричитала Полина. — Сыночек, миленький, что с тобой? — и она зарыдала.

Потом Червоненко долго рассказывал своему начальству о том, с каким трудом ему удалось уговорить родителей Воробьева, на какие уловки ради этого важного дела пришлось пойти. Какую изворотливость ума проявить и сколько пережить, успокаивая плакавшую Полину и напившегося Льва, который, узнав об истории с сыном, вдруг превратился в Тараса Бульбу и посулил придушить Игоря собственными руками.

МИ-5 возражала против выдачи визы Воробьевым, но политические соображения Форин офиса, опасавшегося за репутацию Англии, как матери демократии, победили. Дженкинс и Листер лично прибыли в Хитроу, чтобы своими глазами посмотреть на родителей Воробьева и выработать план действий. Среди толпы западных пассажиров старики выглядели весьма экстравагантно: Лев по торжественному случаю надел сапоги и галифе, набросил потертый китель еще военной поры, а сверху — огромный

овечий тулуп, делавший его похожим на кавказского пастуха. Полину тоже не миновал такой же тулуп, голову она закутала в цветной платок, тулуп же расстегнула, чтобы все видели ее вышитое украинскими узорами платье.

— Из-за этих либеральных дипломатов мы можем очень крупно подзалететь, — ворчал Дженкинс. — Этот Воробьев уже давно у меня в печенках: проку от него никакого, по своим качествам он и на дворника не потянет! Может, плюнуть на все, отказаться от попыток сварить с ним кашу, снять охрану, пусть живет себе со своей безумной шотландкой!

— Все-таки это мы затеяли все дело, — говорил Джордж, думая, что если бы не дурацкая затея шефа с вербовкой, то отдел не трясло бы. — Нам нельзя терять лицо, мы должны довести до конца борьбу с КГБ и указать этим гадам на место!

Встреча Воробьева с родителями, проходившая под контролем Джорджа Листера, носила драматический характер. Слезы лились неиссякаемым водопадом, приступы любви сменялись лютой ненавистью, в комнате Скотленд-Ярда, специально выделенной для этого randevu, стояли такие вопли, что пришлось закрыть наглухо форточки, дабы не пугать прохожих на улице.

— Игорь, если ты не вернешься, я прокляну тебя! — тонким дискантом заходился папаша Лев. — Я не хочу быть отцом предателя, ты опозорил всю нашу семью.

— Игоречек, миленький, вернись домой! — рыдала Полина, встав перед сыном на колени. — Я убью себя, если ты не вернешься. Я обмотаю горло бечевкой и повешусь прямо на трубе. Или достану у аптекарши Сони мышьяк и сожру его, словно крыса!

Это доконало Игоря, всю ночь он не спал, тяжело вздыхал, кашлял, ворочался и иногда зарывался в подушку и плакал. Джейн делала вид, что ничего не замечает, но, после того как целый день он провалялся, хмыкая носом, в постели, она приняла решение.

— Тебе нужно вернуться, Игорь. Наша жизнь не будет счастливой, если ты будешь так мучиться. В конце концов, мы любим друг друга, я всегда смогу приехать к тебе, если тебя не выпустят.

Прощание с Джейн было тяжелым, хотя прекрасная шотландка и виду не подала, что переживает.

— Прости меня, Джейн, мне жалко родителей. они умрут без меня. я не могу этого перенести, — лепетал он, смутно осознавая подкоркой, что несет ерунду. — Мне сказали, что как только я разведусь официально, то смогу обратиться в президиум Верховного Совета с просьбой о воссоединении с семьей. Но до этого ты должна приехать в Москву, и мы

оформим наш брак в загсе. Знаешь, какие у нас красивые дворцы бракосочетаний? — он улыбнулся с гордостью и хлопнул носом. — Так что все будет нормально, ты не беспокойся. Ты же помнишь: «Расстаться нам велит судьба, не видно перемен, но буду я любить всегда мою малютку Джейн»?

Она помнила, она даже улыбалась, она вынула из коляски сына и протянула плачущему Игорю. О, если бы он знал, как она ненавидела и презирала его!

— Все будет в порядке, дорогой Игорь, — уверенно говорил Тенин уже в самолете (он лично отвечал за операцию по вывозу). — Я гарантирую вам, что вы останетесь работать в своем министерстве в Москве. Даю честное слово чекиста. Конечно, получите выговор по партийной линии, — все-таки вы дали промашку, но потом его снимут. Разведетесь с Ириной, дело-то ведь не политическое, а житейское, я сам разводился. Один раз, но трудно. Вступите в законный брак с Джейн, вернетесь сюда. А вдруг Джейн понравится Москва? — Тенин врал убедительно, ласково похлопывая Игоря по спине.

— А меня не посадят в тюрьму? — спросил Игорь на всякий случай.

— Да у нас что? Сталинские времена? За что сажать? Вы обо всем рассказали, как подобает советскому человеку, ничего плохого не сделали! Где работали, там и останетесь работать!

В МИ-5 примирились с отъездом незадачливого русского.

— Говорят, что человек не должен сам отличать победу от поражения. Как вы считаете, Джордж? — вопрошал Дженкинс, раскочегарив свой бриар.

— Кажется, мы достигли многого и сделали самое главное: показали с помощью прессы, что советский режим бесчеловечен и КГБ — это жестокий монстр. Уже многие недели дело Воробьева не сходит со страниц газет. — подыгрывал шефу умный Джордж, нежно поглаживая лысину.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Дженкинс безрадостно.

Самое главное — ощущать победу самому и не лишать этого чувства подчиненных. Победа это или нет, рассудит будущее. И контрразведчики выпили в ближайшем пабе по «Гиннесу» за свои успехи.

Советская власть действительно оказалась милостивой: в тюрьму Воробьева не посадили, правда, хорошенько допросили и поугадили на Лубянке, а затем исключили из партии за аморальное поведение, отметив заслуги посольства в профилактической работе с кадрами. Из министерства тоже не уволили, а назначили заместителем начальника речного порта в волжский городок Козмодемьянск, почти полностью сохранивший свое

дореволюционное очарование: деревянные домишки, раскинувшиеся на холме, сады с цветущими яблонями, шумный рынок, гуси и кошки на улицах. Поселился Воробьев в деревянной избе недалеко от маленькой пристани времен еще царя Гороха, важное название «порт» ничего ей не прибавляло. За окном радостно смеялись босые дети, и вообще жизнь была солнечной и прекрасной.

Такой прекрасной, что невозможно было не пить — но не как изнеженные джентльмены в клубах, а по-русски: мутно, безвылазно, безнадежно. Пить в одиночестве, когда в сигаретном дыму вдруг проступали контуры такого знакомого Биг-Бена, вздымались брызги от ударов весел во время регаты на Темзе, крутились холеные шпичи в Хемстеде, рядом с домиком Китса. «Приходи, мой грустный беби, приходи и не тоскуй!» — напевал он себе под нос по-английски, думал о Джейн и сыне, каменел от выпитого и падал в постель.

С Ириной он развелся, его попытки вызвать Джейн в Москву успеха не имели, письма до нее не доходили, телефонные звонки прерывались, да и от Джейн не поступало никаких вестей, словно она решила навсегда исчезнуть из его жизни, поддавшись давлению властей. Так он пил и бродил по городку в потертом пиджаке и тренировочных штанах, суда в этот порт заходили редко, больше торговые, на которых всегда находились собутыльники. Так и метался между домом и портом, заливаясь самогоном.

Начиная с мая, когда Волга уже сбрасывала лед и город окутывала весна, иногда заходили туристские суда, там бывали и англичане, и американцы, шумно и с любопытством выкатывавшиеся на берег. Они поражались просторной красоте города и застенчивой сдержанности жителей. Ухоженные и свободные заморские гости и подумать не могли, что повсюду за ними бдели чекистские глаза.

В такие дни Игорь оживал и брился, надевал штаны «Большевичка» вместо спортивных шаровар, в глазах у него появлялись искры жизни, и он старался держаться поближе к туристам, вслушиваясь в английскую речь. Ему грели сердце чисто британские диалоги о погоде, где одно и то же толклось в ступе, но каждый раз сверкало на новый манер, и о том, что волжский городок чем-то напоминает Брайтон, который он обожал и часто выезжал туда с Джейн и сыном. Подходить к туристам Воробьев не решался, опасаясь КГБ, да и вряд ли они пошли бы на контакт с человеком, похожим на бродягу, хотя подобных бомжей множество в Лондоне, и они даже склонны выступать с самодельных трибун в Гайд-парке. Туристы не замечали его, они не знали, как нежно он любит всех их и несравненный Лондон, и добрую королеву, и увлекательную охоту на лисиц в Шотландии,

и скачки в Аскоте. Он смотрел на них, и снова представлял себя вместе с Джейн и сыном, и уже заранее страдал, зная, что туристы скоро покинут городок.

Однажды он все же решил заговорить с добродушным джентльменом, мялся, топтался, но так и не вымолвил ни слова, правда, англичанин принял его за нищего и дал целый фунт стерлингов, который пришлось тут же запрятать, не дай бог, увидит кто-нибудь из соотечественников. Фунт он положил в «Письма лорда Честерфилда сыну», которые иногда перечитывал, прихлебывая из бутылки.

Во время захода очередного туристского судна к нему пришел капитан в сопровождении пожилой англичанки.

— Эта дама хочет тебя видеть, Львович! — сказал капитан добродушно, человек он был смелый, ветеран и пьяница, не боявшийся никаких контактов с иностранцами и уважавший Игоря за жизнь и работу в Англии.

— Мне очень приятно с вами познакомиться, — сказала англичанка, с трудом скрывая свое удивление всем видом этого странного человека. — Меня просили передать вам посылку.

Он даже не поблагодарил, схватил коробку и вихрем помчался в свою избенку. Руки дрожали, когда он судорожно распечатывал посылку, наконец, он вытащил баночку супа из бычьих хвостов, железные коробки с «Эрл Грей», стопку приложений к «Обсерверу» об искусстве, несколько пачек табака «Клан» и большую бутылку «Джонни Уокер» с черной этикеткой. Там же лежала фотография уже повзрослевшего сына и записка, которую он прочел вслух:

Расстаться нам велит судьба,
Не видно перемен,
Но буду я любить всегда
Мою малютку Джейн.

Подпись отсутствовала.

Он свинтил головку виски, налил полный стакан и залпом отправил в рот, вслушиваясь, как напиток течет по пищеводу, согревает желудок и кровь. Затем набил трубку присланным табаком и, откинувшись на стуле, долго курил и блаженствовал, поглядывая то на записку, то в темное окно. Еще раз оцупал все подарки, даже понюхал «Обсервер», он пахнул типографской краской, сугубо английской. Вдруг Игорь спохватился,

вылетел во двор, долго копался в сарае и вернулся с большим железным крюком. Встал на стул, вбил крюк в деревянную стену, разыскал толстую веревку, закрепил один конец на крюке, из другого сделал петлю, набросил себе на шею. Выпил еще стакан виски, снова встал на стул и двумя ногами отбросил его.

Рвануло, взрезало кожу на шее, — но вылетел крюк.

Он шлепнулся об пол, бессильно забил по нему кулаками, вскочил, добавил еще стакан виски, схватил записку со стихами и уже спокойно, словно отправляясь на обычную прогулку, вышел из дома. Еще светило заходящее солнце, и мутные воды Волги нежно коснулись его тела, мелкие рыбешки иногда выпрыгивали и тут же скрывались под водой, зазывающе играя блестящими хвостами.

Игорь медленно шагал по илистому дну и думал, что в это время красные двухэтажные автобусы мчат по Пикадилли, а Джейн с сыном кормят орешками серых белок в Гайд-парке.

Воробьев прибавил шаг, никогда в жизни он не был так решителен. Он шел и шел, пока зеленоватые воды безучастно текущей реки не накрыли его с головой.

Бумажка с расплывшимся текстом прощально дрожала на мелких волнах.

Расстаться нам велит судьба.

Драма английского гея

Моя прелестная роза, мой нежный цветок, моя лилейная лилия, наверное, тюрьмой предстоит мне проверить могущество любви. Мне предстоит узнать, смогу ли я силой своей любви к тебе превратить горькую воду в сладкую.

Из письма Оскара Уайльда

лорду Альфреду Дугласу 20 мая 1895 года.

В кабинет военно-морского атташе Великобритании Барнса, с картинным видом на Софийскую набережную на фоне кремлевских башен, вошел приятной наружности, застенчивый молодой человек, доложил о благополучном прибытии из Соединенного Королевства и замер, как положено начинающим.

Энтони Барнс оторвался от «Красной звезды», приветливо улыбнулся, поинтересовался погодой в Лондоне, настроением и жизнью (джентльменский набор), ибо джентльмен обязан быть одинаково учтив и с королем, и с простолудином, никогда не подчеркивать своего превосходства.

Джон Уоррен — так звали прибывшего клерка — что-то молот о Бристоле, где родился, о маме, о впечатляющих замках на побережье, но Барнс его не слушал, собственно, он уже прочитал его дело, присланное диппочтой из Адмиралтейства. Типичная биография серого клерка: провинциальное детство, папа-священник (к тому же пьяница), не блистал в школе, отслужил армию без всяких взлетов, затем — подготовительные курсы и первые шаги по службе в Адмиралтействе. Не хвалили, но и не ругали, приходил и уходил вовремя, начальству не дерзил, поручения выполнял исправно, интеллектом не поразил, впрочем, как можно оным паразитить, собирая вырезки из газет и подшивая в досье документы?

— Очень хорошо, что вы не кончали университет, — благодушно трубил Барнс, — приятно об этом говорить, имея за плечами Оксфорд. — Высшее образование портит людей, начиняя их излишними амбициями, а разведка, которой вам придется заниматься здесь, естественно в рамках технической работы, требует прежде всего добросовестности и

аккуратности. Со временем мы сделаем из вас настоящего разведчика-профессионала, ведь разведка — это стиль жизни, а на выработку его требуется время.

Барнс любил пофилософствовать о разведке и ее роли в мировой истории, тем более что дела у московского военно-морского атташата шли прескверно, все конфиденциальные контакты оказывались подсадными утками КГБ, а честные русские, заговорив с англичанином, тут же набирали воды в рот и прикидывали, когда и куда лучше дать деру и быстренько настучать.

Такое было времечко.

Барнс уже собирался завершить свой монолог пассажем о планах внезапного удара с советских подлодок в Северном море прямо по Англии и США, как дверь отворилась, и вкатился растрепанный, красномордый толстяк с сигарой в зубах, весьма напоминавший мистера Пиквика после интенсивного катания на коньках. Впрочем, несмотря на весь свой добродушно распухший облик, мистер Грегори Олби являлся ключевой фигурой в посольстве, будучи резидентом Сикрет интеллидженс сервис, прикрытым постом первого секретаря.

— Знакомьтесь, Грегори, — сказал Барнс. — Это наш новый технический помощник Джон Уоррен. Как говорят гомо советикус: превосходный кадр. А Сталин учил: кадры решают все!

Он порадовался и своему остроумию, и своей начитанности.

Новый сотрудник не произвел никакого впечатления на многоопытных джентльменов. Когда он удалился, Грегори лишь хмыкнул «красавчик!», Барнс неопределенно повел бровями, отметив про себя ухоженность нового сотрудника, его добротный, бельгийской ткани костюм и запахи крепкого одеколона, что не есть хорошо, ибо истинный джентльмен ничем не должен обращать на себя внимания, даже запахами.

Когда Джон вошел в комнату к секретарше Мэгги, уже затухающей брюнетке лет тридцати пяти, с выщипанными бровями, доведенными до тонкости мышинных хвостиков, то она влюбилась в него с первого взгляда и даже чуть покраснела, когда его ей представили. На ее компаньонку по кабинету, юную и белолицую машинистку Пэт, наоборот, отутюженный и до приторности вежливый Уоррен произвел ужасное впечатление: она нашла его дурно воспитанным и себе на уме.

— Посмотри, с каким вкусом он одет! — восторгалась Мэгги. — Наконец в нашей занудной колонии появился красивый мужчина!

— Может, он и красив, но ему не хватает мужественности, — возражала Пэт. — И вообще я не люблю, когда мужчины уделяют столько

внимания своей внешности.

— Конечно, тебе по душе такие толстые грязнули, как Грегори, — возмутилась Мэгги. — У него всегда такой мятый костюм, словно его жевала корова. И воняет изо рта!

— Конечно, Грегори не чистюля, — парировала Пэт. — Но это настоящий мужчина, с которым можно хоть на край света!

В коридоре Джона перехватил и затянул к себе Юджин Барановски, симпатичный молодой поляк в желтом твидовом пиджаке, уроженец первопрестольной и гражданин СССР, штамповавший в консульстве визы. Он приготовил кофе, угостил новичка рюмкой коньяка и грустно поведал о тяжести жизни тех англичан, которые варятся в собственном соку или на худой конец в английском клубе, где пьянствует и танцует вся шантрапа дипломатического корпуса. Барановски считал Москву городом веселым и значным, если, конечно, не ограничиваться Третьяковкой и Большим театром, а окунуться в живую жизнь, ключом бившую за бортом посольства. Конечно, английские инструкции этого не поощряли, но от этого общение с русскими не теряло своей привлекательности, более того, можно подзаработать, сбывая западные вещи и покупая в комиссионных магазинах сокровища, которые потом потрясут аукционы Сотбис и Кристи.

— Если возникнут проблемы бытового характера, я к вашим услугам. — и Юджин ласково, возможно даже слишком ласково, потрепал Джона по плечу.

В посольстве предстояло осваивать заковыристые дела военноморского атташата: положение в советских ВМС и его высшем руководстве, проблемы стратегии и тактики и прочее. Главный источник информации — официальные публикации, иногда удавалось заполучить газеты Севастополя или Мурманска, их прорабатывали, как сверхсекретные документы, выискивая жемчужные зерна. А что еще делать, если слезка наступает на фалды?

В ближайший четверг предполагалось посольское мероприятие, и Уоррен на всякий случай осведомился у шефа:

— Мне нужно быть на приеме?

— Конечно, ваше присутствие было бы желательно, — мягко ответил Барнс. — Но по этикету на приемах в посольстве бывают только дипломаты, а не технические работники. Но я уверен, что своей хорошей работой вы заслужите повышение.

Холодный душ. Самое обидное, что еще в Лондоне Джон пошил себе великолепный смокинг, и так хотелось опробовать его на деле! Он даже примеривал его перед зеркалом вместе с манишкой и черной бабочкой —

выглядел, как бывший премьер-министр сэр Энтони Иден в молодости, писанный красавец.

Барнс — симпатичный человек, но сноб до мозга костей, ходячее доказательство катастрофического раскола Англии на классы. Как будто не минули времена колонизаторов в пробковых шлемах и баронов, проводящих свои дни на верховой охоте на лисиц (существо безмолвное в погоне за существом несъедобным), как будто в стране еще не получили равные права женщины и не вышли на арену тред-юнионы. Уже с самого начала он подметил, что английское посольство разделялось на первый и второй сорт, в последний, увы, попадал он вместе с другими техническими работниками.

— Как поживаете, Джон? Где вас поселили? — это Мэгги с мышинными хвостиками.

— В доме, где живут наши коллеги. На пятом этаже.

— Очень мило! Значит, мы соседи, я живу на третьем. После работы тут очень тоскливо, мы с Пэт иногда ходим потанцевать в английский клуб. Надеюсь однажды вас там встретить. Вы хорошо танцуете?

— Мне трудно об этом судить — застеснялся Джон. — Дайте мне привыкнуть к разнице во времени, я уже один раз проспал работу. К тому же тут ужасные морозы.

— Советую вам купить лисью шапку, вам она будет к лицу. Но я спешу, гуд-бай!

Английский клуб, морозы за окном, танцы, лисья шапка — все это не вызывало никакого энтузиазма, а Мэгги просто была тосклива, как овсяная каша, другое дело — веселая компания джазменов, с которыми он дружил в Лондоне. Собирались ежедневно, говорили на одном дыхании. Славные были денечки, а тут.

Выйдя из посольства, Барановски поднял воротник, пытаясь защититься от морозного ветра, прошел по набережной, прыгнул в троллейбус и добрался до сероватого жилого дома, где на конспиративной квартире, в густом дыму от папирос «Казбек» его ожидал майор КГБ Виталий Громов. Особо не рассусоливали, налили чаю и сразу же перешли к обсуждению гнезда «дятлов» — так именовали англичан на конспиративном языке и даже пошучивали: «Как птички? Долбят?» — «Долбят, туды их растуды, аж клювья дымятся от усердия!»

Громов традиционно считал англичан исчадием ада: только на вид вялы и аморфны, а на самом деле лицемерны, коварны, жестоки и вербуют наших людей пачками, просто мы об этом не знаем! И вообще творят черт знает что, только три дня назад жена второго секретаря, совершенно

невинно выглядевшая девка, гуляя с ребенком, поставила на столбе мелом крест, явный сигнал тайному агенту. Такие вот пироги!

— На днях в атташат приехал новый сотрудник Джон Уоррен.

— Я знаю, мы даже успели его проверить через нашу резидентуру в Лондоне. Серая мышка. Эдакий денди, который пыжится выглядеть важнее, чем он есть на самом деле. Типичный английский сноб!

— «Дятлы» быстро поставят его на место, — засмеялся Барановски. — Я еще не раскусил его. но. я должен проверить свое первое впечатление.

По основным параметрам КГБ Уоррен выглядел как абсолютно бесперспективный: не пил, не бросился тут же в комиссионный, не поглядывал на девушек, плотоядно облизывая губы (наружка фиксировала и это), не гнался за наживой — последнее особо раздражало Громова, подобно Наполеону, он считал англичан нацией лавочников, готовых удавиться из-за одного шиллинга, и часто вспоминал случай, когда один дипломат торговал через посредника поношенными носками.

Верный агент КГБ Евгений Барановски только согласно кивал головой, слушая рассуждения Громова (его он считал законченным кретином и мечтал, когда его передадут на связь другому оперу), и удивлялся, откуда Громов набрался всех этих ветхих идей, возможно относившихся к Англии прошлого или начала этого века. Он не знал, что его куратор недавно стал секретарем парторганизации английского отдела и по-новому организовал партучебу, привязав ее к оценкам «дятлов», сделанным великими Марксом, Энгельсом и Лениным. Ильич особо крыл их за лицемерие («все люди лицемерны, но никто так не лицемерен, как англичане!», натерпелся от своей лондонской домохозяйки!). Недавно, прочитав марксово эссе о лорде Пальмерстоне, он очень удачно перенес анализ характера беспринципного и хитрого лорда на все посольство Великобритании в Москве, что вызвало восторг присутствовавшего на семинаре представителя «большого» парткома, который потом месяца три пропагандировал положительный опыт Громова на всех конференциях и собраниях.

Джон Уоррен скучал. Английское посольство жило размеренной жизнью, по воскресным дням старались вырваться за город, чаще всего в район Николиной горы, где гужевался под контролем УПДК весь дипломатический корпус. Выезды туда младших чинов вполне допускались, но не поощрялись, да и не хотелось Джону вновь видеть опостылевшие физиономии. Он закрыл книгу и посмотрел в окно: шел снег, и дворник, закутанный в огромный тулуп, сгребал его в кучу такой же огромной фанерной лопатой — на Альбионе такого чудо-идиотизма и представить себе было невозможно. А что делает сейчас мама?

Отец умер совсем недавно, и она еще не научилась жить без него, просыпалась и не знала, что делать. Наверное, пошла в церковь вместе с сестрой Маргарет, работавшей в муниципалитете Бристоля. Когда будет побольше денег, он обязательно пригласит маму в Москву. Хотя бы на неделю, ведь она редко куда выезжала. Попытался читать — не смог, раскрыл альбом с марками, полистал и закрыл. Включил телевизор — на экране ухоженная тетя рассказывала о новом постановлении партии и правительства, говорила так мудро, что Джон со своим русским ничего не смог уловить. Посмотрел на себя в зеркало, вздохнул.

И тут раздался телефонный звонок — на проводе была Мэгги, черт побери! Поговорила немного о том, как прекрасны воскресные дни и как пушисты снега за окном, посетовала, что он убивает свое время в одиночестве, а потом предложила развеять его в английском клубе. Представил себя танцующим с Мэгги, и его передернуло. Господи, кто придумал этот идиотский ритуал, когда мужчина бессмысленно, как конь, трется о женскую грудь и стучит ногами? Отвратительные касания бедер, духота в зале, теплый пар от тела. фу! Нет, он неважно себя чувствовал, спасибо. С облегчением повесил трубку, налил виски, выпил и прилег. На душе было гнусно, вдруг остро захотелось в Лондон, особенно в клуб Ронни Скотта, куда хаживала их компашка, а потом в укромный ресторанчик в Челси, где пиршествовали одни особы мужского пола и приход женщины вызывал шок.

Барнс возлюбил своего подчиненного, поручил ему регистрировать все секретные документы и даже составить справку о военных объектах в Ленинградской области. Попутно наставлял: во всем необходимо чувство меры, осторожность в контактах с русскими, о каждом докладывать, однако не следует бояться их как черт ладана, надо изучать врага, ходить в театры и музеи, в то же время не отрываться и от родного английского коллектива.

Легче всего Уоррен чувствовал себя с Барановски, тот пару раз угощал его коньячком в кабинете и советовал смотреть на жизнь проще: она дается один раз, она прекрасна, и надо уметь использовать каждую секунду, сплин — это удел безмозглых, и в России можно великолепно устроиться: русские — беззаботны и легкомысленны, в отличие от американцев не живут, чтобы работать, а работают, чтобы жить, они не заботятся о будущем, беспечны, готовы пропить последнюю копейку — и в этом их прелесть. Разве это не прекрасно и не напоминает заветы знаменитого георгианца доктора Самуэля Джонсона? Барановски подошел совсем близко, его теплое дыхание обдавало Джона, мутило ему голову, вдруг их колени встретились, Уоррен подался вперед, но Барановски отступил в сторону и выпил еще

рюмку.

После ухода англичанина Юджин срочно связался с Громовым и попросил о встрече, на которой и поведал ему свои экстраординарные наблюдения.

— Не может быть! — не поверил Громов. — Вы в этом убеждены?

— Все-таки у меня большой опыт, Виталий Григорьевич, вы же знаете мою биографию. Честно говоря, я уже при первом знакомстве почувствовал, что он гомосексуалист, но решил это перепроверить. Это самый настоящий пассивный тип.

— А как вы это угадываете? Есть какие-то признаки? — заинтересовался Громов, подавляя отвращение к извращенцу, глубокое и искреннее, как и у большинства советских людей.

— Вам этого не понять, все это происходит на уровне интуиции, — уклонился от детального ответа Барановски.

— В любом случае это большая удача, Женечка, рыбка сама идет в сети. Впрочем, в Англии в правящих кругах очень много гомиков. Говорят, все это идет от частных мужских школ, где нет девочек, и потому мальчики живут друг с другом. А потом это становится генетическим кодом, вся нация, точнее, правящий класс постепенно становится «голубым» и медленно деградирует. — Громов захохотал, представив страшную картину полного падения Англии.

Барановски деликатно указал на могущество Греции и Рима, где в ходу были мальчики, на величие известных гомосексуалистов — Оскара Уайльда и Андре Жида, тут он имел неосторожность добавить несколько слов по поводу Петра Ильича, но патриотизм Громова не выдержал такого удара, и он прервал агента:

— Все это глупости насчет Чайковского! Но давайте подумаем, как лучше организовать разработку.

Вскоре Барановски пригласил Джона к себе на квартиру, обставленную шведской мебелью, с небольшой коллекцией картин полуопальных советских художников. Закусывали на кухне, ничего не пили, кроме дурманящего, крепкого Эрл Грея из настоящего Веджвуда, улыбались друг другу, само собой перешли в спальню, и было прекрасно. Так счастливо закончилось одиночество Джона Уоррена, жизнь стала простой и легкой, все проблемы ушли на задний план, Барановски оказался большим оптимистом и превосходным рассказчиком, блестяще знавшим и английскую, и русскую историю.

— Да, коммунизм жесток, но разве не была жестокой диктатура Кромвеля? Русские просто не доросли до англичан и переживают период,

который вы прошли еще во времена Алой и Белой розы. Вся разница между нами и вами — лишь во времени.

— Я счастлив, что мы встретились. — Джон был взволнован и не скрывал этого.

— Нам обоим повезло, — не остался в долгу Барановски. — Если хочешь, я познакомлю тебя со своими друзьями. Это талантливые честные люди, тебе будет интересно с ними. У меня только одна просьба: не рассказывай ничего своему начальству. Ни обо мне, ни о моих друзьях. Иначе меня могут уволить из посольства.

Это было хорошо понятно, еще в Лондоне он привык держать язык за зубами, когда дело касалось его личной жизни, в конце концов, он был частью небольшой тайной секты, презираемой грубым большинством. Не боится ли Барановски КГБ? Тот не скрывал, что боится, но зачем «голубые» нужны органам, если они ловят шпионов? У западников психоз проник в кровь: повсюду им мерещится КГБ с микрофонами и злодеями, а ведь чисто технически невозможно прослушивать всех, как Большой Брат у Орвелла!

Уоррен улыбался и счастливо кивал головой — он верил каждому слову своего нового друга.

В здании на Лубянке шла обычная работа.

Высокий и худой, торчавший над столом, как пальма в кадке, генерал Чикин листал дело Уоррена. Человек он был обстоятельный, пришел в органы с партийной работы, в свое время окончил знаменитый Институт философии и литературы и до сих пор дружил со многими известными литераторами. К тому же он, подобно Набокову, коллекционировал бабочек, имел пятерых детей от одного брака (!) и отличался не свойственным начальникам добродушием. Генеральский кабинет из красного дерева был вывезен в свое время из Германии, точнее, его отобрал шеф Смерша Абакумов у одного строптивного генштабиста, которого посадил: полированный стол, старомодные книжные шкафы, набитые классиками марксизма-ленинизма и конфискованными справочниками и энциклопедиями вроде Брокгауза или Ефрона.

Над генералом висел традиционный портрет Ленина с рукой, воздетой к коммунистическим небесам, на столе рядом с массивным бронзовым прибором стоял бюст железного Феликса, а вообще-то облик Чикина в очень советском, плохо пошитом светлом костюме не вязался с озабоченными и вдохновенными физиономиями вождей.

О гомосексуализме Петр Иванович Чикин был наслышан еще на лекциях по древней истории в ИФЛИ и относился, как ни странно, к этому

позорному занятию с юмором и терпимостью.

— Значит, согрешил! — смеялся он. — Так кто же он? Девочка или мальчик?

— Девочка, товарищ генерал, как я и предполагал. На их языке — пассивный! — разъяснил Громов.

— Будто я не знаю! — Петр Иванович даже обиделся. — С пассивными легче работать. Они влюбчивы, как школьницы, из них можно хоть канаты вить. Скажу честно, я до работы в органах и не подозревал, что в нашей стране еще сохранились «голубые». Правда, однажды, когда работал в тамбовском райкоме, поехал в командировку и оказался в одном гостиничном номере с армянином, кажется председателем какого-то совхоза. Однажды он угостил коньяком, поговорили и легли спать. И вдруг чувствую, что кто-то залез ко мне в постель... да я ему, извиняюсь, чуть всю штуку с потрохами не оторвал!

Ходом дела генерал остался доволен, однако не советовал спешить, подключить к Уоррену моцартов своего дела, а Барановски вывезти, чтобы зря не светился. Громова эти указания в восторг не привели, затяжек он не любил и, главное, очень хотел получить орден к очередному юбилею ЧК-ОГПУ-КГБ. Какая разница, сколько моцартов трудятся над объектом? моцарты они или сальери? в любом случае компромат уже налицо и нечего тянуть кота за хвост.

Между тем влюбленная Мэгги страдала и делилась своими муками с Пэт. Мэгги влюблялась часто, и в основном в женатых мужчин, что обычно сопровождалось тайными свиданиями с их нервной спешкой и заканчивалось одинаково трагически: о преступной связи узнавала жена и брала бедную Мэгги в оборот. Появление холостого Джона вселяло надежды. Однажды они поужинали в «Метрополе», но от приглашения домой на рюмку шерри он уклонился, эту явную аномалию Мэгги объясняла провинциальностью своего кумира, его старомодностью и даже — о боже! — невинностью в двадцать восемь лет! Как же еще объяснить его отказ зайти к Мэгги?

— Может, у него венерическая болезнь? — засомневалась совсем не романтическая Пэт. — Или он импотент? У меня этот красавчик не вызывает никаких эмоций. Иногда мне даже кажется, что это женщина, переодетая в мужчину.

— Тебе лишь бы сказать гадости, Пэт. Просто это неординарный, очень сложный человек. Наверное, поэтому я и люблю его. Через полгода меня собираются перевести в Вену, я не представляю, как буду жить без него.

Джон Уоррен жил совсем в других эмпиреях, дружба с Барановски изменила его, жизнь в Москве вдруг заиграла всеми цветами радуги, да и работа спорилась лучше, что не укрылось от глаз Барнса.

Изучали вместе Москву. Барановски показал Джону и переулки Арбата, где жили гении, и дворянские особнячки, где гостили великие, и причудливый дом архитектора Мельникова — ничего подобного не было даже в Лондоне! — сводил к сероватому особняку на Вспольном переулке, там жил сам шеф тайной полиции Лаврентий Берия, сравнительно недавно расстрелянный за сотрудничество с английской разведкой и необузданный разврат.

Однажды наслаждались «Гаянэ» в Большом, после спектакля пошли за кулисы, там их встретил Владлен, длинноногий красавец с точеной фигурой, звезда балета стирал пот и грим со счастливого лица большим цветным полотенцем, благосклонно выслушал комплименты визитеров и тут же пригласил домой на незатейливый фуршет, — ах, артисты любят ночь, нервы на спектакле разыгрываются и долго не утихают, подобно разбушевавшемуся морю.

У Барановски заболел отец, к которому он обещал заехать, Джону неудобно было идти одному, но Барановски убедил: отказ гению выглядел неприлично. К тому же с великими мира сего Уоррен почти не встречался, правда, однажды познакомился с поэтом Дайлоном Томасом, приехавшим из городишка Логхорн в Бристоль и тянувшим пиво в пабе, поэт был пьян, невнятен, ничего гениального не изрек и больше болтал с двумя рыжими шлюхами потасканного вида.

Владлен вез англичанина на своем «Бьюике».

Гравюры Бердслея, этрусские вазы, порочный полумрак, подсвеченный красным, бронзовые напольные подсвечники, хорошо одетые мужчины, лишь шампанское в бокалах венецианского стекла, красота и снова красота, и совсем не пахло серыми московскими улицами, по которым бродили озабоченные и такие же серые советские граждане.

В холле их встретил Леонид, жгучий брюнет с твердым подбородком и темными кругами под глазами, в профиль — вылитый кондотьер Бартоломео Коллеони, что на Сан-Дзанироло в Венеции, Уоррен обожал этот город и несколько раз выезжал туда во время отпуска. К тому же английский у брюнета был безупречен, даже читал наизусть Уайльда, целый кусок из «Баллады Редингской тюрьмы», куда заточили великого писателя после раскрытия его страстной любви к мальчику из хорошей семьи.

Ведь каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один — жестокостью, другой —
Отравой похвал,
Коварным поцелуем — трус,
А смелый — наповал.

Тут появился толстый скрипач во фраке, глаза его блестели, ямочки на щеках излучали добродушие, взмахнул смычком, и все притихли.

Музыка медленно вливалась в полутьму, взлетала все выше и выше. Выплыл обнаженный Владлен, лишь полоска черного шелка змейкой окручивала талию, ниспадая по животу, словно дрожащий на ветру листок. Соло великого артиста захватило всех, вдохновенный гимн любви, дерзкой и сметающей все преграды, любви чистой, прозрачной — скрипка стонала, появились еще двое и слились в одно нежное трио.

Праздник души.

Леонид обнял Джона за талию и, раздевая на ходу, утянул в спальню, где к ним присоединился длинноволосый блондин с мохнатыми бровями, пахнувший духами Диор, затем еще несколько благообразных мужчин (один поразил Джона своей волосатостью, словно он только что произошел от обезьяны).

Оргия получилась на славу, и Джон стал любимцем всей компании.

Наверху, потея и холодея от броских сцен, под руководством Громова трудилась команда оперативников, снимавших и отдельные кадры, и целый фильм.

Не совсем в новинку, но все равно интересно и забавно, особенно при участии известных стране персонажей. Посмеивались, беззлобно честили счастливых «голубых» последними словами, кто-то заметил, что лично расстрелял бы распутного скрипача, к тому же члена КПСС, покрывавшего, словно племенной баран, почти всю компанию, остальных выслал бы на необитаемый остров — пусть веселятся вдоволь!

Наблюдая за сценами Содома и Гоморры, Громов вдруг почувствовал, что брюки его оттопырились — это привело его в ужас: неужели он. ответственный сотрудник Комитета. секретарь парторганизации. неужели? Он с большим трудом оторвался от глазка, повернулся спиной к остальным, попытался снять возбуждение, но ничего не выходило, просто черт знает что! пришлось срочно побежать в туалет.

Новая жизнь Джона Уоррена оказалась необыкновенно радостной, о

таким и во сне не снилось, Москва превратилась в восхитительнейшую столицу мира, и даже советский строй, который на себе он ощущал слабо, но все-таки не одобрял, вдруг приобрел привлекательные черты. И депрессию сняло как рукой (ах, как был прав папаша Фрейд, все болезни у нас от несвершившихся плотских желаний!), и настроение исправилось, и по работе все шло гладко.

— Вы просто молодец, Джон, я очень доволен вашей последней справкой, — говорил Барнс. — Я очень рад, что у вас прошел сплин, он, наверное, объяснялся этой ужасной русской зимой. Как вы проводите свободное время?

— Часто хожу на русский балет.

— Очень хорошо. Посетите исторический музей. Тогда вы поймете, что мы с русскими — исторические враги, ведь они всегда угрожали нашим колониям в Индии и Афганистане. Первые англичане появились в России во времена Ивана Третьего, они мудро подметили, что русские — весьма грязны, жуликоваты и ленивы. Правда, вывозили мы у них много рыбы, древесины, меда и воска.

— А мне русские нравятся! — искренне заметил Уоррен. — Они добры, великодушны, особенно когда выпьют, очень любят искусство. А вот одеты они ужасно!

— На этот счет есть хороший анекдот, — хохотнул Барнс. — Портной сшил заказчику костюм, в котором один рукав был в два раза длиннее другого. Приятель посоветовал заказчику изогнуться так, чтобы этого не было заметно. Идут они по улице и слышат реплику англичанина: «Наконец-то в России научились шить костюмы! Посмотри на этого горбуна, как чудесно сидит на нем пиджак!»

Ах, если бы все время быть в интеллектуальной компании русских, но своих!

Мешала колония, серое окружение, пустые дипломаты, мнившие себя богами, их жены, вечно озабоченные грядущими покупками, в сущности, никогда не испытывавшие высот любви (даже лесбийской!).

Однажды, возвращаясь со свидания, встретил Мэгги, бледную и грустную.

— Как рада вас видеть, Джон! Где это вы пропадаете по вечерам?

— Прогуливался.

— А я как раз сейчас думала о вас. — и смотрела на него, как кот на сало, хотелось повернуться и уйти. — Обнимите меня, мне холодно. подумалось: боже, какая омерзительная баба!

Он обнял Мэгги, вспомнил великолепный профиль Владлена и

отдернул руку, словно дотронулся до скользкой змеи. Заставил себя вновь обнять ее, добрались до посольства, пришлось имитировать груды неотложных дел, иначе не отвертеться от чашки кофе у Мэгги. достаточно того жуткого ужина в «Метрополе» и грубых поползновений затянуть его к себе.

На Лубянке прорабатывали все варианты вербовочной беседы.

Громов изобрел новую тактику в отношениях с Чикиным: зная его дух противоречия, выдвигал чикинские идеи. На этот раз настаивал, чтобы не спешить с «голубым» Джоном. Петр Иванович уже не помнил своей последней диспозиции и настоял на форсированной вербовке, резонно заметив, что хватит тянуть кота за хвост. Заодно он заботился о своей репутации: дошли слухи, что подчиненные считают его тряпкой и партийным выскочкой, ничего не понимавшим в чекистских делах, — вот и проявил решительность.

— Зачем нам тянуть? Вывалить все компры сразу! — наступал он на хитрого Громова. — В вас говорит либерализм — именно вывалить все, шокировать, оглушить, деморализовать, не оставить ни одного спасительного выхода!

— Я не уверен, что он поведет себя правильно. — для вида возразил довольный Громов.

— А вам и не нужно быть уверенным, — отрезал Чикин, властно сверкая глазами. — Операцию буду проводить лично я.

Это был сюрпризик. Шеф неожиданно обыграл Громова, теперь и все лавры урвет, оставив его с носом, получит орден, а секретарю парторганизации выгорят лишь медалишка или почетная грамота, черт ее побери! С другой стороны, в случае крушения вербовки (тут Громов вспомнил, как дико хохотал один гомик, когда ему предъявили фотографии в постели с партнером, и не только хохотал, но и молил подарить их на память, чтобы показать жене), вся ответственность падала на шефа.

Конец мая, зелено и свежо, до приватной дачи, запрятанной близ писательского городка на Пахре, добрались на трех «волгах», покачивались патриархально на сиденьях, посматривая на разноцветные, словно сарафан русской красавицы, смешанные леса, за которыми мелькали обширные и запущенные поля.

Владлен сидел за рулем, рядом с ним откинулся на сиденье скрипач, а позади — Джон и Леонид.

— Посмотри на эти березки — символ России, на эти просторы, — говорил Леонид, нежно глядя руку Джона. — Наш последний царь считал, что обилие пространства — это несчастье России. Но избыточность

природы рождает избыточность души.

А сам думал: боже, как осточертел мне этот английский идиот! Скорее бы от него отвязаться, выполнить свой долг, а то закроют, сволочи, выезд за границу или подложат другую свинью, это они умеют, вот когда помочь надо, сразу ретивость пропадает: сколько намучился в прошлом году из-за постройки бани на собственном дачном участке! Конечно, знал, что запрещено, но думал, что органы помогут. подумаете, преступление!

Вывернули на шоссе, зажатое зелеными заборами государственных дач, еще повиляли, проехали пару «кирпичей» и прибыли на точку. На даче к делу перешли не сразу, не спешили, создавали атмосферу, пили шампанское, слушали Баха, вели беседы о культуре и ее роли в истории цивилизации. Почему греческое искусство осталось самым великим в мире? Потому что красоту можно понять лишь из обладания мужчиной мужчины. Женщина, по сути дела, — это совсем другое существо, с ней нелегко найти общий язык. Женщины — это другое племя. Греки вообще предпочитали мальчиков, но у нас в стране даже подумать об этом страшно. А как все было красиво и благородно во время афинских ночей! Тогда вообще люди жили разнообразней, понимали, что любое усреднение ведет к смерти, больше радовались жизни, осознавая ее быстротечность, — чудесное качество, погибшее с появлением христианства и веры в жизнь загробную. И терпимости было больше: с одной стороны, бесконечные мальчики, с другой — процветающий остров Лесбос, с каждым веком на людей наваливались условности, а теперь и не продохнуть. Нет, античный мир был удивителен, и колонна с фаллосом в храме Дионисия — лучшая ода человечеству, и вообще фаллос — центральная тема античности, и никуда от этого не деться нынешним фарисеям. И пьяный Силен со своим безумно огромным — тоже гимн. А разве не великолепны камни с головами Гермеса или Приапа, обычно стоявшие в вишневых садах для отпугивания скворцов, из середины которых торчит напружиненная мощь? Разве ученик, придерживающий голову блюющего учителя, не человечнее всех гуманистов Просвещения? Мальчик, юноша — идеал греческой красоты, а у нас на родине лишь за одни эти мысли можно загреметь на Колыму.

Объятия Леонида, сильные и медлительные. Яростно, до потери сознания.

И вдруг.

Загремели двери, и на сцене уверенно появились хмурые милиционеры, вошли спокойно и без стука, застав всех участников в разгаре действия.

Общая паника, возгласы негодования.

Напрасно, товарищи, возмущаетесь. Чем вы тут занимались? не знаете Уголовного кодекса?

Функционировали четко — никто и пикнуть не успел, — в один момент полуодетых и растерянных затолкали в черный «воронок» и повезли в ближайшее отделение милиции, где рассовали в разные комнаты, выставив охрану, а через час развезли каждого в отдельности (конспирация!) по домам, отблагодарив и выдав за труды денежное вознаграждение.

Всех, кроме англичанина.

Как внезапно на смену счастью приходит беда!

Запахи гуталина, грубые окрики, сняли часы, очистили карманы. Он тихо молился Богу и обещал ему регулярно ходить в церковь и постоянно поминать родителей, он обещал ему делать все, что угодно, — лишь бы весь этот ужас прошел и не возвращался никогда.

Наконец втолкнули в кабинет, где каменно возвышался над столом товарищ Чикин, а товарищ Громов сидел сбоку на стуле, его физиономия отливала такой исключительной свирепостью, что у Джона от страха отнялся язык, а тут он еще обнаружил незастегнутость ширинки (удар в сердце джентльмена!), попытался привести себя в порядок, но руки дрожали, «молнию» заклинило, и все выглядело крайне нелепо.

— Садитесь, господин Уоррен, — приказал Чикин, одетый в форму полковника милиции, и Джон, оставив безнадежную возню с ширинкой, покорно сел и утер платком пот со лба. — Что ж, вы захвачены с поличным вместе со своими соучастниками. Все это пахнет судом и суровым приговором.

Стеснительный Петр Иванович, давя комплексы, сдвинул брови и сделал такую свинцовую паузу, что отяжелел весь кабинет, кстати, по паузам он был большой мастак еще на партийной работе, не раз опробовал их на собраниях: от внезапно наступившей тишины аудитория сразу напрягалась, разговорчики смолкали, взоры заострялись на ораторе, и любая банальность превращалась в монументальный афоризм.

— Я английский подданный, у меня иммунитет, — слабо пикнул Джон, с трудом вспомнив завет внутрипосольской инструкции на случай задержания властями, — я прошу вызвать английского консула.

— Английского консула? — нарочито развязно хохотнул Чикин, чувствуя себя не в своей тарелке. — Да он в обморок упадет, если узнает, чем вы тут занимались. Может, и посла сюда вызвать? Или королеву?

Хотя Чикин слабо представлял себе английскую монархию, но попал в точку: в семье Уорренов королевский дом боготворили, в детстве мальчика

специально возили из Бристоля к Букингемскому дворцу полюбоваться сменой караула, да и потом чувства сохранились, и после последнего сеанса кино он торжественно вытягивался при звуках гимна вместе с колониальными полковниками. «Правь, Британия, правь.»

— Не отчаивайтесь! — вставил Громов, игравший роль добряка со злодейской физиономией (на этом настоял Чикин, вспомнив, что на допросах в тридцатые годы арестованных ломали именно таким дуэтом).

— У вас есть выход. Разумеется, если вы обладаете здравым смыслом. — чикинский тенорок звучал загадочно и грозно, направлял мятущийся ум в нужную колею.

Но в ней, в колее, было все настолько размыто, что не выбраться, мысли метались, ударяясь о стенки черепа, и оседали в безвыходности, горло перехватывали спазмы, и под левым глазом неожиданно задергалась, запульсировала кожица, разрушая почти Аполлонову красоту лица.

— Отпустите меня. я ни в чем не виноват. это мое личное дело. — мычал Джон.

Тут силы Добра добродушно поведали некоторые истории, описанные в британской прессе, не зря Громов провел целый вечер в служебной библиотеке, просматривал газеты, рылся долго и безуспешно в каталоге, пока вдруг счастливо не высветился некий безумный немецкий профессор Иван Блох, создавший «Сексуальную жизнь в Англии» с целой главой о педиках: о седовласом министре, засеченном в отеле с прыщавым подростком, о трех выдающихся членах парламента, погрязших в оргиях и бегавших по комнате с черными повязками на изнеможенных фаллосах.

Все это добряк и вывалил арестованному.

Изложенные факты свежестью не блистали, но впечатляли.

— Что же делать? что же делать? — мычал Джон, обращаясь в пространство.

Чикин согласно роли злодея нахмурился, как океан перед всемирным потопом, чуть похрустел челюстями (попутно ощутил, что новый «мост» шалит и дантистам в поликлинике КГБ еще далеко до цековских высот) и пальцами прошелся дробью по полировке стола.

— Нам придется пойти на нарушение советских законов, чтобы спустить на тормозах ваше дело. Это мы можем сделать лишь в том случае, если вы тоже пойдете нам навстречу. От вас потребуется немного: честное сотрудничество, разумеется, тайное. — К концу этого невыразительного экспозе Чикин неимоверно устал от роли злодея и думал: чем же все это закончится?

Красивое лицо англичанина скривилось в дьявольской судороге, и он,

словно Ворон у Эдгара По, неожиданно проорал:

— Никогда! Никогда!

Этот крик, словно плетью, хлестнул Чикина, к лицу прилила кровь, он набычился и покраснел, таким Громов никогда не видел своего бледного босса.

— Молчать! — Тенор сорвался на визг. — Молчать, сволочь! (Вспомнил какой-то военный фильм, кажется «Радугу», там гестаповец пытал партизанку.) — и Чикин, вне себя от праведного гнева, расстегнул портфель и вывалил из него на стол кипу фотографий, они рассыпались в разные стороны.

Джон и под, и над, и с двумя, и с тремя, и с полузакрытыми глазами в экстазе, и с широко раскрытым ртом, и с улыбкой блаженства, и в прочих видах.

Он и смотреть не стал — сразу понял, пот лил по лицу, заливал глаза.

— Никогда!

— Превосходные фотографии! — не терял темпа Чикин, выдержав малую паузу. — Если желаете, можем показать вам и кино. Если мы вам не нравимся, то разошлем фотографии вашим друзьям, на службу. (Пауза, пауза.) Особенно будет рада ваша мама, когда получит их по почте!

Чикин почувствовал себя совсем гадом, слава богу, что его не видела сейчас Капитолина, педагог и женщина твердых правил, она такого не перенесла бы, наверное, подала бы на развод.

Уоррен плакал, всхлипывал, как маленький, и вытирал глаза очень модным носовым платком, совсем не соответствующим драматичности ситуации.

Тут включились силы добра, извлекли из ящика стола скотч, налили немного, подбавили воды, пододвинули поближе к сидящему Уоррену и попытались обволокнуть.

— Вы подумайте, вот мой телефон, — вкрадчиво говорил Громов, — мы всегда вам поможем, и вы будете продолжать встречаться с вашими друзьями.

— Вы подлецы! — Джон обливался слезами. Он вскочил, но вдруг сдавило грудь, плеснуло в голову, и он рухнул на пол, вызвав суматоху.

Чикин, воспитанный в традициях коммунистической морали, попытался было сделать ему искусственное дыхание, но потом вспомнил, что не совсем приличествует передавать кислород из генеральского рта в педофильные уста, и вызвал подчиненных. Перенесли на диван, взбодрили нашатырным спиртом, вывели из дачи на дорогу, где, к счастью, попало такси (естественно, дежурная оперативная машина).

Прямо у подъезда он столкнулся с Мэгги.

— Джон, привет! Вы не хотите ли. — она осеклась, увидев его смертельно бледное лицо и красные заплаканные глаза. — Что с вами, Джон?

Он слабо улыбнулся и прошел к себе. Что делать? Все кончено, финита ля комедия, позорное увольнение, скандал, что делать, что делать? Прямо пойти к послу и исповедаться. Он все поймет, конечно, будут неприятности, его отошлют обратно в Англию и, наверное, уволят, но сделают это тихо. Только к послу! Решительно привел себя в порядок, позвонил в резиденцию посла и осведомился о местонахождении его превосходительства. Обнаружилось, что оно отдыхает на подмосковной даче (мелькнуло: вдруг в той же!) и осчастливит персонал своим появлением лишь в понедельник утром. Взглянул в окно, мрачная, тяжелая, как чугун, ночь, проклятая Москва, выхода не было, прилег на тахту и закрыл глаза. Все равно позор! Не посол, так его приближенные разболтают обо всем по посольству, все будут пялить на него глаза, хихикать между собой и шептать: «Вот идет выдающийся педераст, который спутался с такими же ублюдками из КГБ и чуть не продал Англию!» Достал из письменного стола пистолет, взвел курок, решительно приставил дуло к виску, но палец словно онемел. Бросил пистолет, упал на постель и зарыдал. Что делать? Может, признаться во всем Барнсу? Да разве поможет этот оксфордский хлыщ?! Шума и позора будет еще больше. Что делать? Нет, в доме находиться невозможно, нечем дышать, он тут сойдет с ума.

Вышел из дома, темень непролазная, проклятые русские, вечно у них плохо с освещением, доплелся до Софийской набережной, грязная Москва-река, под стать Темзе, поблескивала в огнях фонарей, мужик в ватнике (он же пост наружного наблюдения) ловил рыбу, отчаянно курил, плевал на тротуар, тут же передал по рации, что источник вышел на улицу. Служба не дремала, держала под контролем. Звонил в резиденцию посла, значит, хочет доложить? Или по другому вопросу? Явно в отчаянии, нервничает, бродит по набережной. Вернулся домой. Успокоить, сбить нервозность, ввести в обычный ритм. Громов тут же позвонил Барановски, которому приказали в этот вечер не отлучаться из дома.

— У него была неприятная встреча, и он переживает. Пригласите к себе, вы знаете что делать. даю вам полный карт-бланш!

Звонок раздался сразу же. «Как поживаешь, Джон? Давно не виделись, хотя и работаем в одном месте. Что-то пасмурно сегодня на душе, захотелось позвонить тебе, соскучился.» Уже через час Джон наслаждался

сибирскими пельменями на квартире у Юджина. Плохое настроение проходило, выпили шампанского — и на одном дыхании Джон выложил все: и как его подвел дружок Юджина Владлен, и как всех захватили на даче, и нет сомнений, что все подстроено КГБ, и ясно, что милицейские чины — его сотрудники, и вообще все мерзко, и нет выхода!

— Не может быть! — Барановски перепугался не на шутку — ведь Громов не сказал ему, что в комбинации участвовал Владлен (значит, и он агент! елки-палки, куда ни сунешься — всюду агенты, просто ужас какой-то!). Если Уоррен расскажет обо всем начальству, то Юджина наверняка выпрут из посольства как агента КГБ, а место ведь хлебное. Ну и мерзкая организация, плевать ей на собственные преданные кадры, все уничтожит ради своих целей! Эх, надо поскорее выехать с ее помощью в турпоездку и дерануть там подальше от этих сукиных сынов! Но это эмоции. что делать?

— Они знают все, они предъявили мне фотографии, значит, за мной все время следили. Ты не представляешь, какие там позы!

Барановски занервничал, выпил рюмку водки.

— Там не было наших с тобой фотографий?

— Нет. Слава богу, что нет. Я не знаю, что делать.

— Главное — не делать из мухи слона. И вообще все это звучит, как анекдот. Ерунда!

— Ты что? — возмутился Джон. — Что тут смешного?

— Ситуация непростая, но ты слишком ее драматизируешь. В худшем случае тебе придется уехать в Лондон, разве это так уж ужасно?

— Если бы только это! Они обещали скомпрометировать меня! Я хочу доложить все послу.

— Самое глупое, что ты можешь сделать. Выгонят, сломают всю жизнь. А жизнь — главное всего, главное всех правительств и тем более какого-то КГБ. Зачем портить с ними отношения? Ради чего? Почему бы немного не поиграть с ними, что-то пообещать? Во всяком случае, не бежать от них, как нашкодивший кот!

Успокоил, придержал.

И действительно — ничего не случилось, Уоррен продолжал исправно служить, так никому и не доложив о ЧП, более того, Лондон, с подачи Барнса, продлил командировку на год.

Конечно, он ожидал, что грозная пара позвонит или возникнет перед ним на улице, он уже подготовился к этому, а они тянули. Может, вообще о нем забыли, закутились в своих заботах?

Ха-ха.

— Господин Уоррен? — спросил голос по-английски, но со знакомым

акцентом. — Вам удобно со мной говорить? Это ваш знакомый Виталий, с которым вы недавно встречались на даче. Я хотел бы пригласить вас на ланч в «Арагви».

Он уже давно решил: почему бы не встретиться? Это ведь не предательство. Лучше, чем идти на конфронтацию...

В «Арагви» его тут же препроводил-утянул в кабинет метрдотель — вот и Виталий, фонтанирующий дружелюбие. Выпили, закусили, заговорили о балете — Громов оказался большим любителем балета и знатоком (специально проработал несколько монографий накануне встречи, даже мемуары Лифаря прочитал).

— Вы нас извините, если что не так, — как бы мимоходом, между прочим. — Мы никоим образом не хотели вас обидеть, не расценивайте нашу встречу как шантаж. Наоборот, мы стоим за укрепление отношений между английским и советским народами, мы выступаем за мир и видим в вас патриота Британии и искреннего друга Советского Союза. Разве это не так?

— Да, мне здесь очень нравится.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Громов. — Мы никоим образом не намерены вмешиваться в вашу личную жизнь. (хотел добавить, что все арестованные партнеры — на свободе, но решил, что поручит Владлену самому заявить о своем благополучии.)

— Чего же вы от меня хотите?

— Да ничего! Ровным счетом ничего! Нас вообще мало интересует Англия, она — не враг дела мира, а вот Соединенные Штаты.

Об антиамериканских настроениях Джона сообщал не раз Барановски, конечно, они были неглубоки: штатники раздражали своей мощью, и вообще после войны влияние Англии усыхало.

Громов развил: страна превращается в 49-й штат, экран забили идиотские американские боевики, разве не ужасно?

Как ни странно, Уоррену весь этот ход мысли показался новым и интересным, даже некоторым откровением, Громов увлекся, крепко насел на американский империализм, правда, вовремя спохватился, вспомнил, что не на партучебе.

Закончил патетически:

— Знаете что, Джон? Давайте просто будем друзьями! Будем иногда встречаться, в этом нет ничего предосудительного. Хотя вы и не дипломат, но ваше мнение имеет особый вес. У меня только одна просьба: никому не рассказывать о наших встречах.

Последнее — залог успеха, что стоит разработка, если источник о ней

болтает?

Расстались друзьями, а тут еще приятный сюрприз: прямо навстречу шел блистательный Леонид (злился необыкновенно, ибо прождал около памятника Долгорукому целый час, боялся пропустить, а тут холодный ветер, черт бы его побрал!).

— Боже мой, Джон! Куда же вы исчезли? Я так соскучился по вам, так соскучился! Вы знаете, в тот раз произошло недоразумение, нас приняли совсем за других людей. Послушайте, что вы делаете сейчас? Поехали ко мне!

С корабля на бал. И что в этом плохого? Разве он виноват в чем-то перед королевой и отечеством? Как повезло, что встретил Леонида.

Разработка клерка атташата подняла авторитет Петра Ивановича, сняла еще один немаловажный синдром: высокий генерал имел тридцать восьмой размер ботинок, продавщицы улыбались, услышав об этом, поэтому ему приходилось шить обувь в цековском ателье, тоже неприятно. Так вот, после победы в деле Уоррена синдром исчез. Правда, Петр Иванович удивил свою Капу вопросом, существовал ли в Древней Греции остров вроде Лесбоса, но наоборот, где одни мужчины и мальчики. Такого жена припомнить не смогла, хотя рассказала, что Платон был гомосексуалистом и утверждения о пылкой связи Сократа с проституткой Аспазией полная чушь, ибо он тоже развратничал со своим учеником Алкивиадом.

— А Приап? — поинтересовался муж.

— Хорошо бы, чтобы у тебя стоял, как у Приапа! — разозлилась Капа.

И на Громове благотворно отразилась разработка: со стыдом ловя себя на интересе к гомосексуализму (о, эта страшная сцена во время съемок!), он решил подетальнее ознакомиться с вопросом и купил учебник «История Древней Греции» в издательстве «Высшая школа», правда, по существу проблемы ничего не обнаружил, зато узнал, что первое классовое общество появилось на острове Крит.

Человек привыкает ко всему, привыкает к войне, к голоду, к нищете, привыкает к «Мерседесу», особняку с охраной, к бесконечному счастью, к нелюбимой жене, к вымогателю-бандиту. Человек привыкает и к секретному сотрудничеству, есть такой закон. Пришел декабрь с сильными морозами, Джон аккуратно приходил на конспиративную квартиру, от «Арагви» и прочих шикарных ресторанов отказались: нечего баловать и зря светиться. Никаких деликатных поручений ему не давали, Громов выслушивал его мысли по поводу международного положения (весьма скучные), по ходу дела ставил вопросы о жизни посольства, об отдельных

сотрудниках, о разведчиках. делал это как бы между прочим, легко и ненавязчиво, да и сведения эти не несли на себе печати секретности.

На Рождество с благодарностью за труды Громов вручил книгу о балете, шикарно изданную, с конвертиком внутри.

Джон раскрыл и ахнул.

— Нет-нет, я не возьму денег, ни в коем случае!

— Дорогой мой, я мог бы купить вам какой-нибудь подарок на эти жалкие две тысячи долларов, но гораздо лучше, если вы сделаете это сами.

Умели убеждать.

Взял деньги! — это тоже этап, это тоже праздник! Не каждый берет, на свете хватает чистоплюев, надо еще уметь дать, делать это не грубо, мягко, словно это интересная книга, взял деньги! — теперь нужно от артобстрела переходить к атаке, яблоко созрело и вот-вот упадет на землю.

Решающей встрече предшествовал целый шквал сборищ с Владленом и другими.

Громов на очередной встрече:

— У нас уходит масса времени на обсуждение политических вопросов. Конечно, ваша информация очень интересна, однако гораздо удобнее, если бы вы приносили на встречи со мной документы. Я снимал бы копии, и мы могли бы всласть поесть и поболтать.

— Но нам запрещено выносить секретные документы.

— Я же вам их тут же верну. Вас же никто не проверяет. Кроме того, как я много раз вам говорил, нас прежде всего интересуют Соединенные Штаты.

Коготок попал — всей птичке пропасть.

— Но самое главное — это ваша безопасность, она дороже всего. Извините меня за нескромный вопрос, Джон: какие у вас отношения с Мэгги?

— С Мэгги? Честно говоря, она не вызывает у меня никаких эмоций.

— Извините, но было бы очень полезно для дела, если бы вы. как сказать?.. нашли бы с ней общий язык.

У Уоррена от изумления брови полезли на лоб.

— Мы располагаем различной информацией об английском посольстве. там о вас отзываются по-разному и не всегда в выгодном свете. Многие считают странным, что вы не интересуетесь женщинами. Нам бы не хотелось, чтобы этим заинтересовалась служба безопасности.

О, эта чертова Мэгги! Нет, это не в его силах.

Но хотя бы провести вдвоем рождественский вечер дела ради.

Уговорил.

Джон купил индейку в магазине посольства, Мэгги самолично обработала ее, засунула в жарочный шкаф и отдалась во власть любви на целых два с лишним часа, пока птица не созреет и не покроется золотистой корочкой.

Первый поцелуй оказался не таким жарким, как она предполагала (Джон чуть не потерял сознание от отвращения!), все последующие события носили несколько необычный характер. Тем не менее она осталась довольна и решила воспитывать Джона, дабы превратить его в полноценного любовника.

- Почему ты раньше меня не приглашал?
- Считал неудобным.
- Ты любишь меня?
- Наверное. А ты?
- Очень. Ты правду мне говоришь?

Неожиданно на главном направлении Уоррен обнаружил недюжинные способности: ухитрялся приносить на встречи с Громовым не только материалы военно-морского атташата, но и всего посольства, перефотографировал документы миниатюрным «миноксом» или обыкновенной «минолтой»: материалы — на сиденье стула, аппарат — на спинке, притаскивал и оригиналы, которые перефотографировались на консквартуре и тут же возвращались — не рисковали.

Вошел во вкус, получал по труду.

Но всему имеется конец, и в посольство прибыла шифровка о завершении командировки Уоррена, весть печальная: уезжала курица, несущая золотые яйца. Боже, как жалко отдавать ее чужакам в лондонскую резидентуру! Да разве они это заслужили? Сидят и чешут задницы, эти разведчики, к тому же еще презирают чернорабочих контрразведки. Но приказ есть приказ, разработали условия связи на все случаи жизни: и постоянные, и даже если грянет война, понатаסקали на тайниках, научили разбираться в схемах, использовать тайнопись и всевозможные сигналы на столбах, скамейках и стенах домов.

Специально в Москву призвали для инструкций нового куратора в Лондоне.

— Будьте постоянно бдительны, следите за своим поведением. Тратьте осторожно те деньги, которые мы вам передаем, нежелательно, если ваше окружение обратит на это внимание! — инструктировал Джона посланец из Лондона, покуривая черчиллианскую сигару, к которым пристрастился в процессе своего заграничного загнивания. — Жить нужно скромно и по средствам. Будьте осторожны и в своих связях с мужчинами — в

адмиралтействе, где вам предстоит работать, существует отдел безопасности, проверяющий кадры по всем параметрам.

И Мэгги наконец-то после проволочек отбывала в Вену.

— Ах, как я люблю Вену, — говорила Пэт, попивая вместе с Мэгги кофе, — повезло же тебе! Какой красивый неповторимый город! Бельведер, Хофбург, пирожные в кафешках на Кернтнерштрассе. я однажды там влюбилась, и красавец австриец катал меня на фиакре, он был похож на Штрауса, такие же длинные волосы.

— Знаешь, милая, дело не в городе, каким бы красивым он ни был! все это тлен, счастье внутри нас и не зависит от места.

— Ты опять о своем красавчике? — удивилась Пэт. — да он тебя и в грош не ставит!

— Неправда, ты ничего не понимаешь! Он любит меня. мы даже собираемся пожениться, когда я вернусь из Вены.

Последнее свидание с Джоном, непродолжительное, но с рыданием у него на груди (как хотелось ее тут же придушить!), пообещала вечно любить, иногда приезжать к нему в Лондон (только этого и не хватало!) и конечно же писать, писать чуть ли не каждый день.

Уехала, скатертью дорога.

Наступил и его час.

— Нам искренне жаль, что вы уезжаете, Джон, — говорил Чикин важно, выдерживая паузы. — Вы — друг нашей страны и настоящий патриот, понимающий важность англо-советской дружбы! За ваше здоровье!

— Англичане, как известно, не умеют говорить тосты, — отвечивал Уоррен. — Но я хочу выпить за вас и за всех людей, которые сделали мою жизнь в Москве счастливой. Это были незабываемые годы. — слезы показались у него на глазах, чекисты были поражены: вот тебе и извращенец!

К концу прощания изрядно налился сам Чикин, лобызался с Джоном, вдруг сказал, что педики — хорошие ребята, и если бы вернулась древнегреческая демократия, то в мире расцвела бы культура. Громов не верил ушам своим, ничего себе разговорчики на переходном этапе от социализма к коммунизму!

Прощальный банкет дал и Владлен, стол был необыкновенный, собрались все друзья, грустно рыдала скрипка.

Последний проход по Софийской набережной, Кремль прощально кивал золотыми башенками, грустно звенели куранты, и ласково мерцали красные звезды. Около «Ударника» повернул в Замоскворечье, к

старокупеческим особнякам и уютным церквушкам, думал, что Москва — это тайна, которую сразу не раскроешь, но, вникнув, привязываешься и не можешь забыть.

Лондон моросил мелким дождем, дорога от аэропорта Хитроу была опасно-скользкой и долгой, как бесцветная жизнь, — забито все было наповал, не продохнуть. Остановился в недорогом отеле на Эрлс-корте, через пару месяцев, плюнув на инструкции, снял меблированную квартиру в фешенебельном районе Пимлико, на первом этаже сверкал дорогой ресторан с бассейном.

Хорошо!

Не жить же в дерьме из-за проклятой конспирации! И это при его доходах!

Болтался в отпуске, гулял по тихому Пимлико, по солидной Белгравии и разноцветному Челси, скучал по Софийской, по Замоскворечью и больше по друзьям — тут все разбрелись, переругались, где ты, старая компашка, в которой не могли существовать друг без друга? Опять одиночество, проклятая пустота, одна услада — покупки дорогих костюмов и рубашек в самых лучших магазинах. Даже пошил пару троек на заказ в знаменитом Сэвил-роу. А может, поднапрячься и купить особнячок в Челси? Вполне реально, если выплату растянуть на несколько лет, русские обещали повысить вознаграждение.

В Адмиралтействе встретили его прохладно, но не враждебно, сошка мелкая, никому поперек дороги не становился и дурным характером не отличался. Правда, невзлюбил его сосед по кабинету, причем из подлой зависти: не по нутру ему были дорогие пиджаки и шелковые галстуки Джона. Распустил слух, что папа оставил большое наследство. Домой не приглашал никого (еще увидят бассейн и хоромы!), не распространялся о своей частной жизни, прослыл бирюком.

Одиночество давило, но спасла всесильная фортуна: случайно в коридоре поговорил с новым заместителем министра и по взгляду его сразу почувствовал, что он из своих, или как это назвать? Действительно, на следующий день замминистра вызвал его, поинтересовался жизнью в Москве, попросил консультировать по некоторым нюансам англо-советских отношений. Вскоре Уоррен получил приглашение в имение замминистра в Шотландии на уик-энд, где и начал новую, вполне приятную жизнь, причем не только для себя, но и для патронов в Москве, возликовавших по поводу его новых информационных возможностей.

От замминистра Джон остался не в восторге: далеко ему было до неистовости Леонида, угнетали размеренность и даже вымученность,

словно ответственный пост высосал из босса все соки, к тому же служебная зависимость сковывала, альянс по расчету — и только.

Работать приходилось много, к документам Адмиралтейства добавилось множество секретных бумаг, которые замминистра увозил с собою для прочтения в имение, для облегчения плодотворной деятельности КГБ изготовил миниатюрную камеру, заделанную в пачке из-под «Мальборо».

С русским разведчиком Уоррен встречался раз в месяц в далеком Джерардс Кросс, сравнительно недалеко от Кливдена, где в свое время беспутствовали военный министр Профьюмо, советский разведчик Иванов и сногшибательная проститутка Кристин Килер. Джон заваливал куратора секретными документами, в резидентуре еле успевали их обрабатывать, куратор вновь и вновь предупреждал о конспирации и бдительности.

Легко сказать, если жизнь прекрасна и открыты двери самого лучшего в мире отеля «Риц», где нежны омары по-термидориански и великолепен редерер, и кофе в отеле «Парк Лейн» почти рядом, там по-старомодному далеко отстоят друг от друга столики и бесшумно склоняются официанты, словно обращаясь к самому фельдмаршалу Монтгомери. Ночь хороша в баре «Океанская волна», запрятанном в низинах Мейфер-отеля, там полинезийские чудеса, там живые крокодильчики в бассейне в приятной компании питонов и удавов, весь бар словно зарос тропическими джунглями, единственная беда — это поющие индонезийские красавицы, они мешали, — всюду эти проклятые бабы! — и тогда спешил в интимный клуб в Челси, там совсем другая компания.

Однажды, когда Джон прихорашивался у зеркала, собираясь на балет в Ковент-Гарден (приятно было впервые надеть только что сшитый в Сэвил-роу смокинг), в дверь позвонили и на пороге появилась сияющая Мэгги, внезапно нагрянула из Вены, дура, с ходу бросилась на шею, он ласково ее отстранил, стараясь не обидеть, но она все-таки затащила его в спальню и стала раздеваться. Это было невыносимо, он не знал, как себя вести.

— Извини, Мэгги, я спешу в Ковент-Гарден.

Ужасно.

Лучшие чувства повержены в грязь и безжалостно растоптаны.

— Но я специально ради тебя приехала из Вены. — губы ее дрожали, голос срывался, запахло истерикой. — Ты бесчувственный негодяй, ты грязная свинья, ты и не мужчина вовсе, а пидр, мерзкий, злой, уродливый пидр! Откуда у тебя такая роскошная квартира?!

Нашла коса на камень, в нем мигом поднялось все, что накопилось за время мучительных свиданий с нею, когда, стараясь подавить ненависть к

ней, он воображал, что рядом с ним Леонид, и даже ее крашеная-перекрашенная головка на миг казалась смолисто-черной, античной. О, эти мышинные хвостики, эти бесцветные глаза! Чего она лезет? Кто приглашал ее в Лондон?!

И он ударил ее по лицу, один раз, другой, лупил, словно очищал душу, с огромным наслаждением, а потом грубо вытолкнул в дверь — о, если бы она еще покатила по лестнице!

Нет ничего мстительнее оскорбленной любви, и уже на следующий день заплаканная Мэгги появилась в отделе безопасности Адмиралтейства, она очень волновалась и не находила слов.

— Бывший сотрудник военно-морского атташата в Москве Джон Уоррен является гомосексуалистом, об этом говорили многие в колонии. Я могу засвидетельствовать, что в Москве по вечерам он очень часто отсутствовал дома, приходил поздно и неизвестно с кем встречался.

Дело закрутилось, моментально подняли все архивы, нащупали прежние контакты Уоррена в Лондоне (они не скрывали, что он был в их «голубой» компании), запросили атташат, который дал ему отличную характеристику.

Выставили наружное наблюдение, обнаружили, что он ведет жизнь богатого сквайра, иногда делит ложе с замминистра (тот уже давно был на крючке, хотя трогать его боялись) и не вылезает из зланных гомосексуальных мест. Откуда деньги? Никакого солидного наследства папа не оставил. Последовал тайный обыск роскошной квартиры, там нашли и обилие денег, и контейнеры для тайников, и условные пометки тайнописью.

Работали осторожно, боялись спугнуть птичку. Моментальную встречу Джона с куратором засечь не удалось, но человек явно славянского вида в долгополом макинтоше, крутившийся в районе Аксбриджа, куда внезапно выехал Уоррен, был моментально опознан как сотрудник советского посольства.

Оставалось получить ордер на арест.

На допросах Уоррен подробно все рассказал и покаялся.

Суд в Олд Бейли проходил при огромном стечении народа, прокурор потребовал дать подсудимому сорок лет, судья вздыхал и временами читал мораль, в результате подсудимому дали двадцать.

— Я полностью признаю свое преступление, — сказал Уоррен в последнем слове. — Но хочу добавить: годы, проведенные в Москве, были лучшими в моей жизни, никогда я не имел столько искренних и добрых друзей.

Могучие своды Олд Бейли чуть не рухнули, тихий шорох пронесся по залу, заколебался, затрепетал воздух: это трудолюбивые московские геи, перевоплотившись в ангелов, влетели в помещение и нежно аплодировали голубыми крыльями.

Первый учитель

*Предательство! Предательство!
Души неумирающий ожог.*

Александр Городницкий

Отель «Националь» пригож в любые времена, а в шестидесятые считался самым модным и комфортабельным. Именно там и остановился английский журналист Вальтер на пути из Лимы в Лондон, юркий, любезный, с милой родинкой на щеке, любимец и гордость резидентуры в Лиме, где он нес золотые яйца в огромных количествах, и все радовались, и получали ордена, и ходили, высоко подняв голову. Всему приходит конец, и редакция газеты отозвала Вальтера на родину. Он и сам уже начинал скучать по Англии, которую, как писал англофоб Гейне, «давно поглотил бы океан, если бы не боялся расстройства желудка».

Вальтер был не только политической Кассандрой, но и заядлым садоводом, жил он в двухэтажном коттедже в Рединге, где в прославленной тюрьме воспел свои и чужие пороки Оскар Уайльд. Он не просто любил свой сад до самозабвения, он обожал его как собственное дитя, он скучал по нему и на встречах с суровыми разведчиками в Лиме вновь и вновь перечислял и подробно описывал каждый кустик, каждое дерево, каждый цветок. Даже советский резидент в Лиме заразился его страстью к садоводству. О, ритуал подстригания вечнозеленой травы, когда жужжит машина и стоит наготове лейка, а в дрожании приседающего солнца обостряются краски, превращая в сказочную картину все вокруг! О, жизнь, прекрасная жизнь! и как приятно махнуть рукой через улочку соседу в подтяжках и клоггах, который тоже топает по зеленому бархату, и бросить умиротворенный взгляд на вытянутый колпак истинно англиканской церквушки! Догорел день, сад наполнился новыми, вечерними запахами, и самое время, натянув габардиновые брюки и ярко-клетчатый пиджак, неторопливо пройти по истертым веками булыжникам в скромный паб «Голова сарацина», приют окрестных жителей, где хозяин, с улыбкой и не задавая вопросов, сразу наливает клиенту именно тот самый, самый-самый, всегда желанный сорт виски.

Вальтер свалился на меня как снег на голову: я и не мечтал о таком крупнокалиберном агенте, и очень удивился, когда шеф вызвал меня в

кабинет, передал досье и объявил, что сама судьба привела Вальтера в Москву, и мне предстоит и поработать здесь, и договориться о связи в Лондоне. Англия занимала все мои мысли, я прилежно осваивал суровый Альбион по газетам и книгам, я даже знал, что в Эшборне раз в год весь город играет в футбол прямо на улицах (уже потом, в Англии, сажал в калошу всех англичан, никто не знал об Эшборне), а сноб — это человек, который посылает свою собаку в Альбион, чтобы она научилась правильно лаять. Я выписывал в заветную тетрадку английские пословицы и поговорки (чего стоило «Может ли леопард сменить свою шкуру?», означавшее: «Горбатого могила исправит»), дабы ослеплять ими носителей котелков и орденов Подвязки. Я работал над собой как вол, я бился над картой Лондона, нет, не над замком Тауэр или симфоническим залом Альберт-холл, а над дальними районами типа Аксбриджа или Кройдона, где предстояли тайные встречи. Я с лупой в руке прослеживал маршруты метро и автобусов, которые следовало беспрестанно менять. Особенно ужасными казались автобусы загородной «зеленой линии», на них по ошибке можно было умчаться вообще из Англии в Сен-Жермен-де-Пре и загулять с богемой на Монпарнасе, в то время как издерганный и измученный агент мокнул бы под дождем у памятника жизнелюбу Фальстафу, что в Стратфорде-на-Эйвоне. Осваивал и западные привычки: учился снимать шляпу в лифте, если туда впархивали дамы (это американское, не английское пижонство я подметил еще в юности в веселом фильме «Джордж из Динки-джаза»), пытался вкрапывать тонкий юмор в тосты — с этим было сложнее, но хотелось иметь успех, а я вычитал, что человек, имеющий успех на лондонском банкете, способен управлять всем миром. Скромное желание юнца.

В те времена в разведке работали основательно, и уж если агент попадал вдруг на территорию любимого им государства, то использовали его на всю катушку — и по местным иностранцам (заодно и проверяли, на что он пригоден), и тренировали его на случай мировой войны, всеобщего землетрясения и апокалипсиса, когда разведке, как предполагалось, пришлось бы работать в особых условиях. Итак, я уверенно прошел в «Националь», в ответ на церберовский оклик швейцара «Вы к кому, гражданин?» бросил несколько английских фраз, вполне в пандан с заграничным костюмом, заменившим пару лет назад брюки «клевш» и мешок-пиджак с кривыми надставными плечами, поднялся на этаж, где жил Вальтер, убедился, что в коридоре безлюдно, и постучал в дверь. Устроили Вальтера в шикарном люксе (на всякий случай поставили номер на слуховой контроль). Мыслил он в Москве пошляться по музеям и

соборам, поестъ черной икры, поволочиться за девушками — в общем, отдохнуть после тяжких трудов в Лиме.

Но не тут-то было! Я в твердых тонах изложил ему программу: каждый день с 10 до 12 часов уроки тайнописи и элементарного шифровального дела, вечером работа с секретаршей французского посольства, которую Вальтер знал по Англии (она, по данным нашей контрразведки, до того страдала от одиночества, что интересовалась русскими мужчинами, хотя офицер безопасности посольства не раз предостерегал ее, и даже не советовал ходить в английский клуб, куда, несмотря на закрытость, все равно легко проникали подсадные гуси-утки КГБ).

— Когда вы договоритесь с нею о встрече, не забудьте купить букет цветов, — учил я, ощущая свою мудрость. — Женщины, знаете ли, любят цветы, и это поднимет ваши шансы.

— Неужели вы думаете, что я идиот и потащу через весь город букет, словно веник? — возмутился Вальтер и показал, как нелепо торчит букет, если его прижимать к животу.

— А как же еще? — растерялся юный Песталоцци.

— Молодой человек, букеты приносят дамам посыльные при цветочных магазинах, а джентльмену остается только вложить визитную карточку.

— Ну, уж эти капиталистические замашки.

— Зато удобно! — отрезал Вальтер.

Впрочем, тайнопись и шифродело он изучал с удовольствием, задавал много вопросов, не без юмора принял из моих рук «Книгу снобов» Теккерая и выбрал пассаж, которой лег в основу шифрования. Дело с секретаршей, однако, двигалось туго, она бурно отдалась Вальтеру без всяких цветов, но тянуть из нее секреты он счел преждевременным. («Давайте я приглашу ее в Лондон, повожу по ресторанам, сделаю хорошие подарки, естественно, для этого потребуются кругленькая сумма»). Я чуть было не возмутился, но шеф охладил мой пыл: «Этот Вальтер совершенно прав. Не надо спешить!» И Вальтер уехал в Лондон, вскоре за ним последовал и ваш покорнейший слуга.

В Лондоне наши встречи проходили в глухой конспирации, даже не в пригородах Лондона, а в пределах 25-мильной зоны, разрешенной для свободного передвижения дипломатов, подтачивающих остров фарисеев. В микрогородках, у магазинов, где без подозрений можно было топтаться, рассматривая в витринах шляпы или чулки, затем переходили в паб, забирались в угол и там неторопливо обсуждали шпионские дела. Правда,

роли в Лондоне поменялись: теперь уже Вальтер учил меня: правильному произношению английских улиц (читаются совсем не так, как пишутся, сам черт ногу сломит!). Особенно недоволен он был покроем моего плаща, который выдавал «человека с континента» (плащ был шведский, хотя куплен в Лондоне). Любой полицейский глаз, как стращал Вальтер, сразу фиксировал плащ и вполне мог вычислить меня среди миллионов сновавших по улицам джентльменов.

Однажды, когда я оставил в пабе на столике выкуренную пачку из-под «Мальборо», Вальтер устроил жуткую сцену: ведь на пачке отсутствовала налоговая наклейка, и хозяин паба мог догадаться, что в его заведении упивался пивом либо контрабандист, либо дипломат, освобожденный по общим правилам от налогов. «Вы загубите не только себя, но и меня!» — шипел он.

Вдруг Вальтер исчез. Я одиннадцать раз (!!) выходил на запасные и экстренные встречи, на ежемесячные явки — система связи была разработана на все случаи жизни и смерти и, конечно, исключала телефонные звонки. Мрачно бродил в туманах и под ливнями, ожидал под козырьками у кинотеатров и на скамье под вязами, раздраженно рассматривал витрины, и уже казалось, что весь район давным-давно обложен бандами английской контрразведки. Дико хотелось выпить, рвануть эдак граммов двести виски, но заходить в паб. лишний раз светиться. Что такое ожидание, знают лишь влюбленные и шпионы — только одни могут ждать до бесконечности, мечтательно глядя в небо, и даже писать стансы на манжетах, усевшись на ступеньки под башенными часами, а другим запрещено ожидать больше пятнадцати минут, дабы не примелькаться лавочникам, продавцам газет, агентам полиции и просто любопытствующим бездельникам. Но какая тоска на исходе пятнадцатой минуты, какая печаль! Такая печаль и не снилась больному Прусту в его «В поисках утраченного времени»! сколько потрачено часов на проверку по маршруту и на подготовку к встрече, сколько сил души ухлопано на этого гада с длиннющим хитрым носом! и снова топать через неделю по запасным условиям! Полгода я жил в кошмаре, словно бродил по катакомбам, наконец, на очередной встрече длинный нос все-таки вынырнул из-за угла. Я чуть не покрыв его румяные щеки поцелуями, он же объяснил, что попал в больницу, хотя с такой загорелой физиономией не болеют, а греют кости на Канарских островах. Ясно, что он крутил мне мозги, но почему? Посоветавшись с Центром, я решил, что Вальтер таким образом намекал на желательность добавочных золотых дукатов за взрывоопасность своей работы в Лондоне, где шпионам жилось не так

привольно, как в Лиме. Пришлось отвалить Вальтеру чуть больше положенного, потребовав взамен грызть крепости с секретами, об этих штурмах разговоры шли непрерывно. Однако Вальтер снова стал пропускать встречи, и я снова кусал свои неаристократические ногти, мучился на пустынных площадях и ждал! ждал! ждал! а взбешенный Центр с завидным постоянством молотил меня цепом, обвиняя в неумении организовать работу с ценным агентом, лупил так, что пух и перья летели.

Но судьба сменила гнев на милость, Вальтера редакция направила в Джакарту, а через год в Москву отозвали и меня!

К тому времени я уже англизировался (не последнюю роль сыграли уроки Вальтера), с иронией относился к европейскому стилю одежды (только серые, только приглушенные тона, как у нас в Англии!), поправлял новичков, говоривших «букингем» вместо «бакинэм» и ломавших язык, произнося «вустерский соус» (Worcester). Причесывал волосы щеточкой из модного магазина «Дерри энд Томс», иногда надевал шейный платок (интеллектуал из Блумсбери), тормозил на «зебрах» и из-за этого в Москве чуть не попал в катастрофу, виски разбавлял водой только из-под крана, подшучивая над янки, хлебавшими его с содовой, и утверждал, что ботинки английской фирмы «Черчиз» — лучшие в мире.

О своем первом учителе Вальтере вспоминал редко и очень удивился, когда меня вызвал шеф и предложил срочно выехать в Восточный Берлин на встречу с Вальтером, летевшим в отпуск из Джакарты в Лондон. Резидентура в Джакарте сетовала, что Вальтер потерял свои бойцовские качества, обленился и даже тяготился работой с нами (!), и все мечтал о возвращении в редингский садик с розовыми кустами. И тут на пути в отпуск Вальтер попросил встречи со своими товарищами по борьбе с коварным Альбионом, и не с кем-нибудь, а со мною самим, героем его прошлых подвигов. Шеф передал мне шифровку — сердце взволнованно забилося! Как приятно сознавать себя и самым умным, и самым всезнающим и вообще — великим разведчиком!

Поезд Москва — Берлин, путешествие по социализму, который все улучшался от полного запустения в родной стране, через более сносную, но достаточно грязную Польшу в нечто жирное и благоустроенное на восточнонемецкий лад, бездушное и от этого еще более паскудное. Романтично подняв воротник английского плаща (шведский подарил папепенсионеру), я расхаживал у кинотеатра совсем недалеко от «пункта Чарли», разделявшего две мировые общественные системы, хмурил лоб, курил мягкую голландскую сигару, всматривался в силуэты вдали и ощущал себя Джеймсом Бондом. Нервничал не на шутку, но — звон

победы раздавайся! — вынырнул из-за угла знакомый нос, сверкнула родинка, мы прижались друг к другу разгоряченными щеками, стремительно прошли по улице и быстро опустились в гостштетте.

— Черт побери! — сказал Вальтер. — Глупо приехать в Берлин и не съесть хорошего айсбайна. Это кусище свинины, рулька, — пояснил он с обычным видом учителя, — конечно, нужно худеть, но что может быть прекраснее айсбайна с пивом? Как мне хочется, дорогой мой, чтобы вы увидели мой сад в Рединге. Как мне надоела конспирация! Так хочется пригласить вас, старого друга, сесть в саду на солнышке за пинтой пива и поговорить по душам! Я посадил отличные рододендроны, которые улаживают взор.

Впрочем, дела оперативные, которых накопилось невпроворот, не давали прочувствовать чудеса айсбайна. Я включил портативный магнитофон, дабы потом не утратить ни единого слова, выпорхнувшего из золотого рта Вальтера. Обсудили и планы создания вербовочной группы в Джакарте и потом в Лондоне, и даже будущий переход Вальтера из газеты в Форин офис, где у него имелись солидные связи.

Вальтер только и рвался в бой.

— Передавайте привет всем товарищам в Москве, — сказал он на прощание. — Я мечтаю снова туда приехать, и уж тогда мы поработаем над кем-нибудь посерьезнее, чем секретарша, которой вы советовали дарить цветы (не забыл, гад, помнил о венике). Москва — это моя любовь, а наше общее дело — смысл всей моей жизни. До свидания, советую вам разводить в своем саду рододендроны, они красивы и неприхотливы (я пропустил это мимо ушей, ибо дачи тогда презирал как частную собственность — пережиток капитализма).

Мы по-русски расцеловались, и я подумал, какие прекрасные люди живут на земле и как они помогают моей стране, побольше бы таких агентов, как Вальтер!

К шефу я вошел с чувством солдата, исполнившего свой долг, вручил кружку с симпатичным берлинским медведем и замер у начальственного стола. Обычно кислотоватое лицо шефа на этот раз было окрашено в хмуро-уксусные тона.

— Ну, как там дела в Берлине? — начал он издалека.

— Все в порядке, — отвечивал я. — Агент прибыл на встречу вовремя, беседовали мы часа три, все обсудили, я записал на пленку. Впервые в жизни я попробовал айсбайн.

Последняя улыбочивая фраза была рассчитана на воодушевление шефа: он любил поесть, всегда выпрашивал детали меню на докладах о встречах

с агентами, сомневался в правильности выбора и его сочетании со следующим блюдом, вносил поправки и добавления и конечно же вспоминал, что он ел в подобных обстоятельствах и какой маркой вина запивал.

Однако шеф пожевал губами и хмыкнул.

— Вы ему верите? — спросил он внезапно.

— Конечно, — ответил я. — У нас нет оснований ему не верить.

— Мы его проверяли?

— Конечно. В деле есть отметки. Я и сам помню все эти операции в Лондоне.

И я поведал начальнику, как Вальтера раз пять проверяли на тайниках: он вынимал и передавал нам контейнеры, и каждый раз наши технари внимательно изучали, не вскрывались ли они английской или иной контрразведкой, — к счастью, все проходило гладко, и никто не сомневался в честности Вальтера. Да и в беседах я не раз возвращался то к связям Вальтера в прошлом, то к другим мелким деталям, зафиксированным в деле, — чтобы врать, как известно, нужно иметь хорошую память, — ни одной осечки, ни одного противоречия, все без сучка без задоринки.

Шеф слушал меня спокойно и без всякого интереса.

— В Джакарте его тоже проверяли, и тоже все гладко, Ваш Вальтер с самого начала работал на англичан, это их опытный агент, тонкая подстава, а мы — круглые идиоты!

Шеф резанул рукой прокуренный воздух.

— Не может быть! — удивился я. — Он так к нам хорошо относился (первый учитель! — мелькнуло в голове).

— Точная информация от немецких друзей. Какой я идиот! Зачем я клюнул на предложение совсем из другого региона! — убивался шеф. — Кому нужна была поездка в Берлин? Работал бы он себе в Джакарте. и черт с ним! В конце концов, это другой отдел. а тут конец года, отчет, и думаете, меня погладят по головке за английскую подставу?! Вечно беда с этими энтузиастами-фрицами (имелись в виду немецкие друзья из «штази»), вдруг проявили инициативу, мудаки, стали его проверять и докопались! А вы тут со своим сраным айсбайном. Что мне теперь с вами делать, куда направлять на работу? Вы же расшлепаны, причем давно!

Я вышел из кабинета словно оплеванный. До сих пор я никогда не испытывал горечи предательства, я чуть не плакал, я ненавидел предателя и готов был убить его. Я не знал, что впоследствии меня не раз предадут и чужие и свои, и все это опротивеет, и станет привычным, и не будет вызывать совершенно никаких эмоций.

Проворный кролик

*Старею. Я старею.
А может, я клубничку съесть посмею?
Плешь зачесать, натянуть панталоны?
По набережной гоголем пройтись?
Русалок слушал я во время оно.*

Т. С. Элиот

Среди величественно-однообразных парижских дворцов только Эйфелева башня настойчиво узнаваема, и в голову лезет суровое мужское затворничество в разведывательной школе, вечерний треп в накуренном холле, когда взводный, «слуга царю, отец солдатам», спрашивал коллегу: «О чем ты думаешь, глядя на Эйфелеву башню?» «О сексе!» — со слезою подыгрывал тот. «Почему именно о сексе?» — пучил глаза взводный и делал вид, что хочет схватить подчиненного чуть пониже живота. «Я всегда о нем думаю!» — признавался начинающий шпион.

Вот и сейчас эта Эйфелева словно выпрыгивает из Парижа прямо ко мне в объятия.

— Мы обязательно должны пойти в оперу, просто стыд, что мы ни разу не были в Гранд-опера, — говорит Татьяна, обволакивая меня своими серо-зелеными глазами. — В прошлом веке русская аристократия не вылезала из Гранд-опера.

Татьяна — это моя бесподобная жена, и она, как всегда, права, черт побери. Правда, Татьяна не знает, что я лечу в Париж не для развлечений в Гранд-опера, а для выполнения важного разведывательного задания: тайной встречи с ценнейшим агентом КГБ.

Боже, если бы она только знала, как долго мы дискутировали на Лубянке, брать ее в Париж или не брать, выставляя все pros & cons! если бы она представляла, что мой седовласый шеф с сияющим красным носом, словно у шекспировского Бардольфа («Когда спускаешься с Бардольфом в винный погреб, не надо брать с собою фонаря»), видел в ней страшную помеху для всей операции из-за присущего проклятому прекрасному полу безудержных любопытства и эгоизма («Она затаскает тебя по магазинам!» — вопил он не без оснований) и все-таки уступил доводам замначальника разведки — лукавого мудреца: поездка туристом с женой — это самая

лучшая разведывательная легенда, только глупейшая контрразведка узрит в таком супружеском вояже зловещий шпионский смысл. И вот меня, заслуженного генерала (хотя я в возрасте, но по утрам приседаю двадцать раз, выгляжу как огурчик и даже раз в две недели встречаюсь с одной вдовушкой), направляют с боевым заданием (разумеется, как туриста-пенсионера).

Пусть турист разевает рот, пялясь на кафедралы и дворцы с «мушиного кораблика», бегущего по Сене, мне эти тривиальности до фени, и каждая прожилка на моих щеках дрожит, когда дует ветерок с острова Сен-Луи — там на Анжуйской набережной, около дома номер 17, у входа в отель «de Lauzun», где когда-то жили величайший художник Домье и не менее великий, но сумрачный поэт Шарль Бодлер, там у рокового входа и должна состояться моя встреча с ценным агентом.

Кому придет в голову, что в этом районе, недалеко от музея Адама Мицкевича и резиденции маркиза де Ламбер, крутится не дурак-турист, а прожженный шпион? Встреча с агентом подобно тайному свиданию с чужой женой, когда образ разъяренного мужа постоянно перед глазами, он крадется с кинжалом или дубиной в руке и ничем не отличается от злобного контрразведчика, засевшего в кустах с пистолетом и наручниками...

Расстояние от нашего отеля до центра достаточно велико, удобно для проверки, и я даже не сержусь, что Татьяна уже успела ухватить прелестные туфли в соседнем обувном магазине, ах, если бы КГБ еще и оплачивал покупки жен, выбранных в качестве «крыши»!

Но пока мы неразрывны, мы связаны одной цепью, не расставаясь ни на миг, и моя задача — тайно от Татьяны втирать очки контрразведке (наверняка я на крючке), а для этого отпустить вожжи, немного расслабиться, ни о чем не думать и никуда не спешить — все остальное приложится само собой. Мы заходим в «Closierie de Lilac», что на Сан-Мишель (достопримечательность, где пивали все разгильдяи от Виктора Гюго до Хемингуэя), прямо рядом с памятником во весь рост наполеоновскому маршалу Нею, принцу Московии, и там выпиваем по бокалу вина, посматривая со столика на маршала, получившего титул за то, что прикрывал своим арьергардом бегущую из Москвы армию. Ничего себе герой!

Обняв друг друга, вываливаемся на Сан-Мишель прямо к памятнику Оноре де Бальзаку, чуть зеленоватому то ли от времени, то ли от выпитого нами вина, между прочим, оригинал лихо шпионствовал в России, а заодно и покорял сердца русских и польских красоток — все они исходят похотью,

эти иностранцы! Заходим в дешевое бистро и добавляем пару бутылочек бордо.

Мэри Игрек, родом из обеспеченной еврейской семьи, отец состоял в Коминтерне, ненавидел Гитлера и с конца тридцатых годов стал активным агентом НКВД, который посоветовал ему в целях конспирации полностью отойти от коммунистического движения. Однако атмосфера в доме оставалась марксистской, дочка много читала и жаждала спасти человечество от пороков капитализма. Вполне естественно, что в двадцать лет она была привлечена к сотрудничеству советской разведкой, решившей внедрить ее в госдепартамент. Через пять лет после непрерывных попыток эта задача была решена.

Ценность Мэри была настолько велика, что в забитых стукачами ФБР Соединенных Штатах встречаться с ней не рисковали, связь осуществлялась через тайники, куда Мэри запрыгивала пленку со снятыми секретными документами, денег она не брала, ибо служила Идее, освещавшей, словно факел, всю ее жизнь.

Время от времени требовался и личный контакт, ибо трудно работать, не чувствуя настроения агента, не видя блеска в его глазах и сдерживаемой страсти совершить подвиг.

Но и даже в этих случаях Мэри не вызывали на встречи в соседних с США странах, а, используя ее служебные командировки по линии госдепа, ловко пристраивались к ее вояжам, чтобы и комар носа не подточил.

В Париж она выезжала на десять дней, встречу с нею вменялось провести с повышенными мерами предосторожности: перед контактом со мной (дом на Анжуйской набережной!) она проходила через две точки контрнаблюдения, расположенные в разных местах Парижа (площадь Вогез и район дома инвалидов), за этими точками мне вменялось наблюдать: нет ли за дамой «хвоста»? В случае появления за нею подозрительных машин или мерзких людишек с поднятыми воротниками пальто, крадущихся, словно зловредные коты, мне следовало нанести красным мелом черту на фонарный столб рядом с Нотр-Дамом, недалеко от памятника Карлу Великому, мимо которого она должна была пройти.

Я незаметно взглянул на фотографию (не дай бог, засечет Татьяна и решит, что даже в Париже я не могу без карточки любовницы): брюнетка малого роста в темном костюме и с американской газетой под мышкой, этого вполне достаточно для идентификации. Пароль: «Простите, как мне пройти к Комеди Франсэз?» — «Я не знаю Парижа, я живу в Филадельфии» (фигню эту придумал не я, а какой-то начинающий придурок).

Но это все завтра, а сейчас утро, вчерашнее вино еще приятно переливается в черепе, Татьяна необычно стремительно приводит себя в порядок, предвкушая все прелести французского завтрака, и подгоняет меня, покрикивая, в ванную, где я тщательно выбриваю свои щеки, грустно поглядывая на биде.

О биде! Сколько саг сложено о том, как русские путают его с толчком или просят гарсона на смеси французского с нижегородским принести в номер пирожное «бизе», а гарсон притаскивает биде! Так и входит в номер с огромным биде на вытянутых руках, нехорошо думая о русских.

Через час мы взлетаем туда, где глухо звякнул великий афоризм Генриха IV «Париж стоит мессы», где короновали Наполеона и отпевали генерала де Голля: Нотр-Дам! Нотр-Дам де Пари. На месте ли фонарный столб близ Карла? Не вырыли ли? Я кручусь вокруг Нотр-Дама, водя видеокамерой по его величественным сводам и порталам, по его контрфорсам и зловещим чудищам на крыше, похожим на Квазимодо, я уже начинаю нервничать и бросать взгляды в сторону Сан-Луи. Надо заранее взглянуть на место предстоящей встречи: вдруг оно разрыто из-за каких-то ремонтных работ? или затоплено? вдруг улица перекрыта? вдруг исчез дом, где творил Бодлер?

— Какой миленький Сан-Луи! — напеваю я на ушко Тане, словно соловей. — Давай пройдем туда через мостик, там так красиво. так живописно.

— О, Сан-Луи, Лос-Анджелес, объединились в один колхоз, — вторит она.

Татьяну не нужно уговаривать, после кофе с круассанами она податлива и добродушна, она готова идти со мной хоть на край света, не то что в Сан-Луи.

К счастью, не снесли, не взорвали, не окружили забором, не обнесли колючей проволокой.

До завтра, Анжуйская набережная!

— Завтра у тебя напряженный день, — говорю я Татьяне, улыбаясь, как популярный диктор телевидения. — Пойдешь по магазинам, даю тебе карт-бланш.

— А ты?

— Но ведь я не люблю магазины.

— Очень даже любишь, когда это касается тебя. И что ты будешь делать? — не понимает Татьяна.

— Позвоню Владимиру (приятель, которого я не видел лет двадцать и готов еще не видеть столько же), вдруг он дома, возможно, он покажет что-

нибудь интересное.

— Да он сбежит из дома, если узнает, что ты в Париже. Такого скопидома я не встречала!

На ночь принимаю таблетку снотворного: нервы, братцы мои, работа в разведке даром не проходит. Татьяна колдует над купленными устрицами и совсем не собирается спать. О, одиночество, вечный спутник шпиона — «молчи, скрывайся и таи и думы, и мечты свои!»

Ночью вдруг слышу судорожное бречание цепи, открываю глаза и вижу, что на меня мчится разъяренный черный кобель с пеной на клыках. Понимаю, что это сон, закрываю глаза и мысленно отгоняю мерзкого кобеля.

С утра чуть пошаливает грыжа, да и состояние нервов сказывается на желудке. Тут страшная мысль: вдруг прихватит во время операции с агентом? Приходится смирить грыжу, полежав на спине, и на всякий случай отказаться от завтрака.

Придет ли Игрек или нет? — вот в чем вопрос.

Привожу себя в божеский вид, надеваю светлый клетчатый пиджак и шелковый алый галстук, ростом невысок, но элегантен, усики подстрижены, бобрлик ухожен, и мисс Игрек будет приятно прогуляться с таким джентльменом по улочкам Сан-Луи и посидеть в тихом кафе.

Мы выходим с Татьяной под руку, словно всю жизнь упиваемся семейным счастьем и ни разу не перегрызали друг другу горло, мы проходим по переулкам и залезаем в метро. По пути я разыгрываю небольшой проверочный трюк и вытягиваю супругу на станции Сан-Сюльпис, заявив, что отсюда — ближайший путь до лучшего магазина Самаритэн. Выйдя из последнего вагона, смотрю на впереди идущих — вдруг у сыщика не выдержат нервы и он повернется? Зорко наблюдаю за людьми, вяло бредущими к эскалатору, им явно не до меня. Наверху признаюсь жене, что все напутал: дурак, ваше благородие, к магазину добираться следует иначе!

Но Татьяна довольна моим признанием, надо почаще бить себя в грудь и называть себя дураком. Отпускаю Татьяну на самостоятельный маршрут; путаясь в схеме путеводителя и плюясь от злости, добираюсь до площади Вогез.

Мисс Игрек должна появиться в интервале 12–12.15 около магазина La Chore de Vosges; пройдя через аркаду с улицы Сан-Антуан, она будет рассматривать витрину около минуты, а затем преспокойно удалится на вторую точку контрнаблюдения у Дома инвалидов. Прошел какой-то вшивый мальчишка в джинсах, но это явно не она, дряхлая пара

остановилась у магазина.

12.15. Никого нет. Жду для страховки еще десять минут. Возможно, у нее произошла накладка, в разведке это бывает, пора аккуратно переместиться на вторую точку, где агентесса должна явить себя в 13.15–13.30.

Перемещаюсь туда на такси, смотрю на часы.

13.15. Руки мои мокры, хотя совсем не жарко. Из-за решетки превосходно обозревается пересечение двух улиц, где вот-вот должна появиться Мэри. Что же она не идет? Боже, молю я, пусть она придет, пусть непременно пройдет, сделай так, чтобы она появилась.

13.30. Меня чуть поташнивает от волнения (надо по приезде в Москву пройти обследование в поликлинике КГБ, не псих ли я?), а тут еще брызнул легкий дождик, и сидение под дождем на скамейке — как купание в Ниагаре. Будем смываться. Итак, два варианта: либо Мэри что-то угрожает и она решила не выходить на встречу, либо по какой-то причине, возможно даже связанной с ее работой, она не смогла выйти на точки контрнаблюдения. В любом случае следует двигать на Анжуйскую набережную, где агентесса должна возникнуть в 14.15.

Вокруг тихо и спокойно, но я не даю уснуть свою бдительность, проверяюсь в метро, выхожу в Ситэ, прохожу мимо фонарного столба (на нем и Мэри, и я должны чиркнуть красным мелом в случае опасности) и, прокрутившись по переулкам, занимаю позицию недалеко от пристанища Бодлера. Что-то случилось, какое невезение! Значит, запасная встреча через три дня, нет ничего хуже ожидания, черт бы его побрал!

И вдруг я вижу миниатюрную брюнетку в темном костюме с газетой под мышкой.

14.15. Это она! Милая, дорогая, несравненная Мэри Игрек, какое счастье, что ты пришла! Любовь моя! Радость моя!

Мэри чуть задерживается у мемориальной доски на доме Бодлера, но проходит мимо, видимо, хочет сделать еще один круг, чтобы убедиться в отсутствии слежки, очень здравый ход, если не смогла выйти на точки контрнаблюдения.

Сейчас она появится снова на набережной, но никого нет. Что случилось?

Я бегу по набережной, сворачиваю вправо и вижу спину Мэри. Почему она уходит, почему не поворачивает обратно на место встречи? Надо остановить ее, вокруг же все спокойно, черт побери, не летает же французская наружка на самолетах, не следит же с неба! Оставим осторожность, вперед — нужно срочно установить с ней контакт. Я бегу к

Мэри, я задыхаюсь от бега и вспоминаю, как один мой приятель совсем недавно помчался за отходящим троллейбусом и упал замертво прямо у дверцы. Вдруг тормозит такси, Мэри легко впархивает в него, рывок вперед, поворот направо, и автомобиль исчезает.

Может быть, это была не Мэри? Позвольте, но и рост, и костюм, и лицо (вроде бы точно такое же, как и на смутном фото), и газета под мышкой, толстая газета, явно американская.

Я возвращаюсь на Анжуйскую набережную: а вдруг Мэри специально взяла такси, чтобы еще раз провериться? вдруг она возвратится на место нашего randevu?

14.30. Никого нет.

14.40. Прошли двое мальчишек арабского вида.

14.50. Сухонький старичок в канотье продефилировал мимо дома, даже не взглянув на мемориальную доску. Невежа.

Дольше оставаться опасно, кто-нибудь из жильцов проявит неожиданную бдительность и стукнет в полицию о праздношатающемся дяде в светлой летней куртке с капюшоном, вся куртка усеяна медными пуговицами и различными веревочками, что придает ей необыкновенный вид (как и предмету, на котором она покоится).

Au revoir, Quai d' Anjou! Ну и бл. ище эта чертова Мэри! Если за ней была наружка, то зачем она выползла на место? Если все было чисто и гладко, то зачем так поспешно убегать? Что у нее? Гвоздь в заднице? Противная баба, со стороны уже видно было! Что стоит один костюм, сидящий как на корове седло! Да и морда явно несимпатичная, аморфная, с выпученными глазами, как у дохлой рыбы, хотя это, возможно, мне показалось издали.

Как я смотрюсь со стороны?

Шпионаж накладывает отпечаток на личность: у мужиков появляется вкрадчивая походка и харя становится непроницаемой, как у моржа. Глаза бегают, ищут врага. Ухудшаются здоровье и характер: сказывается нервная беготня без размеренного питания, как сегодня, колит, гастрит, геморрой. Переживаний хватает, а потом инсульты и инфаркты, спи спокойно, дорогой товарищ! Но я все же держусь, изящен в своей куртке с прибабасами. Вперед, мон генераль, вперед и к звездам!

У баб от шпионства морда тоже становится гнусной. Вытягивается нос, утолщаются уши, появляется лисья улыбка, и зад крутится волчком. Если бы я вдруг узнал, что Татьяна работает на чужую разведку. Удушил бы наверняка, взял бы полотенце и удушил! Представил ее, совершенно голую, помахивающую соблазнительной грудью, и себя с огромным

банным полотенцем. Татьяну стало жаль, бедная баба.

Мрачно еду в гостиницу. Французы меня раздражают: во-первых, почти не говорят по-английски (о русском молчу), причем этим гордятся, как национальным достоинством, во-вторых, в толпе они просто невыносимы, галдят, словно стая воробьев, и бессмысленно мечутся. В-третьих, страшные жлобы. Удавятся из-за одного еврея (так я называю евро). Наконец, где же прославленная парижская кухня? Неужели это жалкие багеты? Чтобы попробовать буйабез — знаменитый рыбный суп, я должен мчаться в Марсель, чтобы отведать утку по-руански, естественно, — в Руан, мясо по-бургундски — в Бургундии, счастье, что в Москве пока можно съесть котлеты по-киевски, не выезжая в Киев.

Наши головы забиты стереотипами: американцы — хорошие мужья (аж тошно от такой идиллии), американки — требовательные жены (склочные бабы), англичане холодны, как рыба (просто хитрые и экономят силы), у русских вообще нет секса (хотя трахаются как коты), немцы — без чувства юмора (хочется рыдать).

В номере ожидает Татьяна с покупками.

— Ну как дела у Володи?

— Какого Володи?

— Ты разве не встречался с этим крохобором?

— Знаешь, я ему позвонил, у него какие-то дела, и пришлось перенести встречу. — я краснею от стыда, как будто весь день соблазнял невинных школьниц.

— У тебя такое выражение лица, словно ты провинился. Почему ты покраснел?

— Я не покраснел. может, это от вина. — и я в доказательство отхлебываю из бутылки, чувствуя, что пламенею, как закатное солнце. Вино панически бежит по пищеводу, словно за ним гонится разъяренная Татьяна.

С мыслью о Мэри в ослабевшей голове шумно плюю в биде, долго ищу очки, зло выпиваю бутылку красного каберне, ору Татьяне, не видела ли она мои очки. Она зло посылает меня подальше, где очки, черт побери? Ползаю под столом и под кроватью, неожиданно натываюсь на использованный презерватив (чужой ли?!), хреново убирают в этом сраном Париже! Где очки?! Обнаруживается, что очки сидят у меня на носу. Немая сцена. Татьяна не упускает случая, чтобы объявить меня дураком, который уже успел напиться, ор, крепкий мат. Внезапно получаю прямой в нос. Око за око, зуб за зуб, наношу оплеуху (легкую) по левой щеке Татьяны. Протяжный вой раненой волчицы, сильный удар в ухо. В голове шумит,

однако тяжела рука Танечки. Откуда такая злоба?

Выпиваю залпом еще бутылку и валюсь без сил на постель.

Ночью снова звенит ржавая цепь и за мной гонится черный кобель, сейчас ухватит! сейчас загрызет! Просыпаюсь — жены рядом нет. Провокация контрразведки? Кража? Осматриваю покои, словно провожу обыск, но никого нет. Даже Татьянинных одеяла и подушки.

Заворачиваюсь в простыню, выхожу из номера и обнаруживаю ее спящей на деревянной лестнице. Неужели вчера мы так разругались? В ужасе бужу ее, выдерживая проклятия в свой адрес. По закону бутерброда дверь защелкивается, ключа, естественно, нет, Татьяна начинает скрестись в дверь и плакать от злости (от этого она хорошеет), я спускаюсь на лифте к консержке, ощущая себя гордым римлянином в тоге. Она ошарашенно смотрит на простыню, но дает запасной ключ.

Может, все это было сном?

Утром я думаю об этом, но стучит консержка и просит вернуть ключ.

Так напились, что забыли о ссоре, думаю я за завтраком (хотя какой это к черту завтрак — кусочек сыра и жалкий круассан!).

Сегодня у нас д'Орсе, бывший роскошный вокзал, который покровитель искусств президент Жорж Помпиду превратил в новый художественный дворец. Д'Орсе завален импрессионистами и прочими алкашами, от которых у меня уже судороги, да еще из головы не идет неопределенность с Мэри. К счастью, в музее открыта выставка семьи Крезо, великого промышленника Франции, там плятятся с многочисленных фото все его родственники, заживевшие от важности и богатства, их окружают блестящие модели паровозов, со стен свисают картины, на которых обозленные рабочие швыряют лопатами уголь в топку, все это гораздо интереснее, чем окровавленное ухо психа Ван Гога, откушенное олигофреном Гогеном.

И вдруг я вижу Мэри. Я вижу ее у картины члена семьи Крезо в кожаном кресле. Я вижу Мэри, и сердце мое холодеет: что делать? неужели не воспользоваться моментом? почему она тогда ушла от меня, прыгнув в такси? выйдет ли она послезавтра на встречу у дома Бодлера? А если за мною следят? Финита ля комедия. Да что я раздумываю, идиот, когда сама судьба играет мне на руку!

Делано рассеянно подхожу к ней, если следят, это ничего не значит, — вдруг я интересуюсь, где расположен туалет?

— Мэри, я ждал вас позавчера у дома Бодлера. Можем мы встретиться завтра в два у знаменитой таверны «Проворный кролик», что на Монмартре?

Она на миг каменеет, как перепуганный сфинкс, дымка сомнения пробегает по ее лицу, она смотрит на меня, она сверлит меня взглядом (не такая уж уродина, между прочим).

— Хорошо, — говорит она. — Я приду.

Я отскакиваю от нее, словно от горячей домны, я поступил правильно: самое ужасное в разведке — это нерешительность и неопределенность.

— Зачем ты приставал к этой гнусной бабе?

Это Татьяна, кудрявенькое дитя, нестареющее и нетленно красивое, оно выглядит агрессивно и прожигает меня взглядом.

— Я просто поинтересовался названием картины, я не понял, что там написано по-французски. — блею я, как жалкая овца.

— Знаю, чем ты интересуешься. — ноздри у Татьяны раздуваются. — Представляю, как ты клеил баб, когда я ходила в магазин! Хоть бы выбирал приличных, непременно нужно найти кривоногую!

Но я добродушен, я всепрощающ и остроумен. Какое счастье, что я встретил Мэри! «Как мало в этой жизни надо нам, детям, и тебе, и мне. Ведь сердце радоваться радо и самой малой новизне!»

О, ангел Мэри! Кажется, я начинаю петь.

Вечером в разнеженном состоянии (традиционно захвачено в гостиницу лукошко с устрицами под божественное белое Puilly fume) происходит следующий диалог:

Я (словно решаю судьбу человечества): Неудобно быть в Париже и не посетить кладбище Пер-Лашез...

Татьяна (вытянув трубочкой губки, выпивает залитый лимоном устричный сок из раковины, он приятно леденит язык, которому потом приходится еще окунуться в золотистое пюи): Что ты там не видел? Хочешь поклониться праху коммунаров? Правильно сделали, что их ухлопали. Если бы наших вовремя ухлопали, не появился бы Сталин! Если хочешь, тащись туда один, а я просто погуляю по Парижу!

Жалкая шпионская душа моя ликует: проведена блестящая провокация, одержана незримая победа — я ведь прекрасно знаю, что Татьяна ненавидит кладбища, особенно в дождь, она становится от этого зеленой, словно ее выворачивало несколько дней, глаза ее начинают тупо блуждать в поисках солнца и других признаков жизни. Я же на кладбище словно вновь обретаю жизнь, я расцветаю, сыплю остротами, прыгаю, посвистывая, от могилки к могилке, а иногда и хлебаю коньячок из плоской фляжки.

Победа. Желая жене спокойной ночи, выпиваю немного валерьянки и сплю сном праведника.

С утра на меня наваливается мандраж, болит живот, и не покидает мысль о явке с Мэри, я гоню ее к черту из головы, но она сверлит, сверлит!

Мерзкий гастрит! Уже в день приезда я поинтересовался у проходящего старичка, где найти туалет, и он с улыбкой ответил: «Идите в любое кафе!» Ха-ха, ему, наверное, это просто, но для меня — это подвиг. Стоит мне только зайти в кафе, как, словно мустанг, подбегает метрдотель с меню в руках, улыбается, изгибается, как червь, источает любовь, отодвигает столик, манит официанта. О нет! он ничего не говорит, когда я интересуюсь туалетом, но лицо его становится кислым и презрительным, а я сам чувствую себя жалким паупером и полным дерьмом.

Бреюсь и мандражу. Ответственная встреча. Проблемы, проблемы и еще раз проблемы, как говорил турецкий султан, рассматривая свой огромный гарем.

Татьяна еще нежится в ванной, проверяя прелести новоприобретенной ароматной соли, а я уже спешу по своим кладбищенским делам.

Сначала, конечно, энергичная проверка на метро, затем — на автобусе, потом снова на метро. Бонжур, грохочущий нижний Монмартр, заставленный туристскими автобусами! Боже, какие стада человек! Проститутки еще не проснулись после бессонной ночи. Конечно, место я назначил не лучшее, хотя оно и в уединенном «Проворном кролике», что в тихом верхнем Монмартре.

С отвращением смотрю на Мулен Руж, днем он просто уродлив, словно снял с себя все румяна. А ведь когда-то в деревушке Монмартр царили истинный кайф и божья благодать, потом приперлись все эти художники, все эти алкаши и развратники: горбун Тулуз-Лотрек писал до умопомрачения свою возлюбленную, прожженную профурсетку Гулю, его дружан бездарный певец Аристид Брюан перематывал горло красным шарфом, напяливал черный плащ, брал Гулю на вздыбленные колени и кое-что еще и тоже позировал до утра, всю эту мерзкую богему прославляла та же нищая богема, подняли друг друга до небес и вошли самим себе на удивление в историю. А вот мы, невидимые рыцари плаща и кинжала, всегда в тени, всегда на обочине, хотя и дня не проводим без подвигов.

Хорошо, что я сгоряча не назначил Мэри встречу в этом кипящем котле — все-таки я умный и опытный и знаю, что чертям лучше встречаться в тихом омуте.

Проворный кролик весело улыбается с расписанной стены кабака. До randеву осталось пятнадцать минут, вокруг все спокойно (или так только кажется), несколько туристов стоят у кассы. Оказывается, что внутри ресторана нет, а старые актеры разыгрывают некий спектакль — значит,

туда мы с Мэри не пойдём. Не проблема, рядом полно быстро. Скоро придёт мой ангел Мэри.

И тут. о боже!

Нет, не призраки наружки, не полицейские с наручниками, не фоторепортеры!

О, живот, будь ты трижды проклят! И это при полном отказе от завтрака! Чертов живот, прогнивший желудок! Переламываюсь от боли, но не настолько, чтобы стукнуться головой о землю, вижу вдали стальную тумбу туалета, лечу туда! о, радость! она свободна! Дрожащей рукой, уже скорчившись, бросаю в щелку два франка, дверь открывается, медленно ползёт обратно, но не доходит до конца. сейчас не до нюансов, я прыгаю на унитаз, по лбу катится пот, капли падают на хорошо отмытый пол. дверь так и не закрылась, дама в мексиканской широкополой шляпе с интересом смотрит на меня через широкую щель, какой-то вертлявый мсье застыл рядом, тоже, видимо, душа горит.

Натягиваю брюки, отвернувшись от щели, и вдруг у клозета появляется Мэри, она дрожит от нетерпения, расталкивает людей, протискивается через щель ко мне и начинает бурно и громко писать. О, боже! Что случилось? Я пытаюсь вылезти из щели, рву дверь на себя, но не пролезаю. Вдруг чувствую удар двумя ногами по заднице — это Мэри исхитряется мне помочь. Лечу прямо в траву. Однако пикантная ситуация. Просто сцена у фонтана. Лежу, и тут выходит Мэри. Я вскакиваю и подхожу к ней.

— Здравствуйте, не будем терять время и сразу пройдем в ресторан. Если у вас с собою секретные документы, то передадите их после встречи (правило разведки: документы до конца встречи должны быть в руках их обладателя — вдруг внезапный налет?). Надеюсь, что вы проверялись и не привели с собою слезки. — говорю быстро, стараясь вложить побольше смысла в свои фразы (хотя ситуация идиотская, и от Мэри пахнет совсем не Диором — бедняжка настрадалась).

Чем больше говорю, тем выше поднимаются брови Мэри, тем больше растерянности во всем ее облике. Вдруг она странно дергает головой и быстренько отходит от меня, каблучки, как лошадиные копыта, цокают по асфальту, Мэри уходит от меня, я бросаюсь за нею, но она отмахивается и говорит: «нет! нет!»

И тут опять подлетает такси и миглом уносит ее к низким домишкам с красными черепичными крышами.

Что случилось? Может, она увидела наружку?

И вдруг игла пронзает мне голову: я забыл обратиться к ней по

паролю! Идиот, тебе не в разведке работать, а говновозом! Как же я забыл? Что делать? Где ее искать?

Депрессия наваливается на меня, хочется броситься вниз с башни или купить канат, смазать его салом, обвить вокруг горла, привязать к трубе, а дальше — тишина.

В метро привязываются два пьяных клошара, оба в мятых фетровых шляпах и джинсах, каждый держит в руках по бутылке дешевого вина, оба прихлебывают из горлышка, что отвратительно (как будто никогда сам не хлебал!), и вымогают деньги. Аргументация проста до безумия: у меня есть деньги, у них — нет, а им тоже хочется пить, любить и прочее, так что если я добрый человек, то я просто обязан поделиться своим богатством. Оба жестикулируют и не пускают меня к подошедшему поезду метро, один уже схватил меня за пиджак. Я вырываюсь и впрыгиваю в вагон, они грозят мне кулаками и хохочут.

И тут я соображаю: так это наружка! я все время был под слежкой, они пытались проверить мою реакцию, возможно, в отеле меня арестуют!

Спокойно, мон генераль, и еще раз спокойно. Не арестуют, для этого нужны веские основания. А вот выслать с позором — это они, гады, вполне могут. Ну и что? Неужели за это меня выгонят из КГБ? Ну и фиг с ним! Пойду по миру нищим! Стану поэтом. Я умен, я талантлив. Уйду и буду бросать на ветер свое сердце.

В отеле пожилой консьерж важно сообщает, что мне звонил некий Гастон. Сообщение вызывает трепет: это условный вызов на экстренную встречу с сотрудником парижской резидентуры, об этом мы договорились в Москве на случай форс-мажорных обстоятельств. Через час я уже около ворот Сен-Дени, там я пожимаю руку надменному типу, одетому, словно на прием к президенту, один его хлыщеватый вид вызывает у меня отвращение, я прекрасно знаю эту породу, которая десятилетиями протирает зады в посольствах и международных организациях, давно забыв об оперативной работе. И копят, и экономят, питаюсь кошачьими консервами, и строят шикарные дачи под Москвой, и получают роскошные квартиры для себя и для своих чад и домочадцев.

Холодно прозвучал, словно звякнул, пароль, наши симпатии взаимны, чувствую это всей своей чекистской шкурой.

— Пришла шифровка из Москвы. Вам приказано срочно вылетать домой. Поездка вашего человека в Париж отпала по не зависящим от него обстоятельствам.

Замираю от удивления, превращаюсь в соляной столб: не инопланетянка ли спустилась с небес, приняв обличье Мэри? А может, все

проще: спецслужбы ее раскололи и вместо Мэри прислали специально подобранную бабищу, придав ей сходство с оригиналом? Но почему она тогда убежала от меня? Кто же выходил на Анжуйскую набережную? С кем я был в клозете? Может, это какое-то совпадение? Дьявольская игра случайностей? Почему незнакомка согласилась на randevу со мной у «Проворного кролика»? Может, я просто ей понравился?

...Мы уже прощаемся с Парижем, луковый суп, знаменитые бараньи котлетки на косточках, плавающие в винном соусе. Сегодня только виски, только скотч; бурбон и прочую американскую гадость мы, русские шпионы, не пьем.

Татьяна нашла себя в самом неподдельном шампанском надежной марки «Вдова Клико», она счастлива, она на вершине блаженства, а я разрываюсь от неразрешимой загадки бытия: что это была за баба?! О, Мэри, еще скотча, можно и полбутылки, чтобы не мараться.

Ослепительные парижские сумерки принимают нас в свои объятия, летят, разрывая воздух, дьяволы-автомшины, все рябит, моргает, мы тонем в огнях. Татьяна держит меня под руку, мы оба веселы, как дети. Я вижу наглого маршала Нея на постаменте, он смотрит свысока, словно он действительно принц Московии, а я — его крепостной, которого он ежедневно посылает на встречи с агентурой. Пытаюсь забраться на него и прилепить к его роже кусочек булки, прихваченной из ресторана (не пропадать же, коли уплачено?), предварительно жую ее и поливаю слюной, чтобы мякина обрела необходимую клейкость.

Лезу вверх по маршалу Нею, Татьяна пытается стащить меня, и какие-то расплывчатые галлы с любопытством наблюдают за этой сценой.

Сука Ней, как ты смел пойти походом на Россию? Недотепа ты и придурок, разве ты не слышал о наших морозах? Разве тебе невдомек непобедимость русской армии и тайной полиции? Вот и прокакал всю войну, дуралей!

Наконец приклеил прямо к глупому носу, ура!

Призрачные галлы радостно аплодируют.

Татьяна оттягивает меня от униженного маршала.

— Что с тобой, милый? — спрашивает она. — Что-нибудь случилось? У тебя на глазах слезы, я таким тебя никогда не видела. Милый, перестань плакать!

Мы медленно и грустно идем к Сене.

— Мне хочется сжечь Париж! — говорю я.

И он горит, и манит сумасшедшими мятущимися огнями, и уходят и боль, и обида, уходит все.

Как охмурять послов

*Где пышных бедер полукруг,
Приподнятых в любовном раже,
Упругий зад, который даже
У старцев жар будил в крови,
И скрытый между крепких ляжек
Сад наслаждений и любви?*

Франсуа Вийон

Осенний ветер, урча и погоня обрывки газет и желтые листья, выпорхнул из-за угла улицы Горького на Тверской бульвар и насмешливо дунул в юбку Шахназ, только лишь затворившей дверцу своего бежевого «Пежо». Роскошный агрегат и его не менее роскошная обладательница, словно магнитом, притянули к себе взоры всех бабушек и мам с чадами, расположившихся на скамейках бульвара.

Москва пятидесятых в чреве своем выглядела отнюдь не убого: оптимистично высились «Известия», переглядываясь с мухинской скульптурой на другом здании, барские особняки слабо сопротивлялись новой архитектуре и выглядели приживалами, Пушкин на Тверском навевал лирику, в Елисеевском порой торговали слабосоленой семгой и крабами, которые тогда не котировались у населения, по Горького редкой струйкой текли «Победы» и трофейные «Опели», кособокие костюмы с накладными плечами, крепдешин, креп-сатин, шифон.

И тут бежевый «Пежо» с элегантной турчанкой в белых, по локоть перчатках — с ума сойти!

И не просто элегантной, но и умопомрачительно красивой, и без всякой чадры и прочих азиатских выкрутасов. Богачка, вкусившая Сорбонну по совету папы — бывшего премьера, чуть не ставшая феминисткой, если бы не брак с Кемалем Туркменом, тогда заместителем министра иностранных дел, вскоре назначенным послом Турции в Москве.

Конечно, Москве ох как не хватало парижского лоска и раскрепощенности, однако Большой, Третьяковка, постоянные банкеты и — что немаловажно для эрудированной турчанки — эмансипированные нравы делали жизнь в холодной столице вполне сносной, а порою даже великолепной. Вот и сейчас Шахназ добралась на грохочущем лифте до

седьмого этажа, испытывая вполне приятные ощущения, ибо ей предстояло примерить платье у портнихи Марии Николаевны, великой русской искусницы, рекомендованной ей женой одного важного министра.

Искусница уже ожидала высокую гостью, лучась от счастья: в те славные времена к редким иностранцам относились трепетно и считали их друзьями первого в мире государства рабочих и крестьян. Растягивая наслаждение, Шахназ любовалась собой в зеркале, поворачивалась и разворачивалась, крутясь на каблуках, Мария Николаевна, словно Гойя, завершающий портрет короля Фердинанда, наносила мелком последние мазки на картину и манипулировала булавочками, радушно улыбаясь всем своим открытым русским лицом.

Лишь только дверь за прелестной турчанкой затворилась, как лицо портнихи мгновенно приобрело пинкертоновские черты, она подлетела к телефону и сдавленным голосом выдохнула: «она уже вышла». Сей важный сигнал был принят человеком на втором этаже того же дома, который тут же помахал из форточки газетой, знак этот привел в боевую готовность молодого человека, который уже минут пятнадцать, профессионально спустив колесо у «Пежо», болтался неподалеку и разглядывал щебечущих актрис, выбегавших после репетиции из служебного входа театра, разжалованного из Камерного в имени Пушкина.

Молодой человек выделялся из народной массы беретом — признаком принадлежности к интеллектуальной среде — и белым, явно заграничным плащом, не говоря уже об исполненной дум физиономии с неспившимися чертами и густой шевелюрой.

Взгляд темных очей турчанки, вышедшей из подъезда, тут же упал на спущенное колесо, она растерянно открыла багажник, сняла белые перчатки и разыскала насос. Гораздо сложнее дело обстояло с домкратом, о необходимости которого прекрасная дама слышала, но никогда не видела в глаза. Уже решила вернуться обратно и по телефону поднять на ноги посольскую службу, когда услышала за спиной бархатный баритон:

— Могу я вам помочь?

— Что вы! нет-нет! зачем? — Шахназ засмушалась и замахала руками, но баритон не отступил, энергично сбросил белый плащ, обнажив рыжий вельветовый пиджак, достал домкрат и насос и опытной рукой за пять минут восстановил статус-кво колеса.

Все это время супруга посла мучилась в сомнениях: каким образом отблагодарить неожиданного спасителя — ведь в посольской инструкции для служебного пользования отмечалось, что загадочные русские денег от иностранцев не берут, и вообще бегут от них, как от огня, опасаясь

железной пяты КГБ. Как увязать все это с традициями бакшиша?

Тем не менее в душе Шахназ победил Восток, и она взрыхлила содержание своей сумочки, мурлыча слова благодарности.

— Нет-нет! — вскричал молодой человек и театрально замахал руками, словно ему, как Иуде, предлагали тридцать сребреников. Пришлось сунуть смятые бумажки ему в карман, но по лицу его бродила такая печаль, что турчанке стало неудобно: в конце концов, он действовал бескорыстно и, судя по внешнему виду, совсем не нуждался в лишних рублях. Шахназ порылась в сумочке и достала свою визитную карточку, молодой человек принял ее, внимательно изучил, вздев свои смолистые брови, еще больше засмутился, поняв, с кем имеет дело, и суетливо вырвал из записной книжки листочек, на котором и начертил свои координаты.

— Меня зовут Дмитрий Колосков, я — художник.

— Очень приятно. Надеюсь увидеть вас на одном из приемов в нашем посольстве. Муж и я будем очень рады.

Размен улыбок, поклонов и прощальных помахиваний.

Прилетевшая из сказки помчалась дальше на «Пежо», «живут же, сволочи!», подумал Колосков, быстренько поднялся туда, откуда махали газетой, и предстал перед волчеобразным (до такой степени, что однажды, когда он заболел флюсом и обмотал щеки, дочка приняла его за серого волка) мужчиной, явно родившимся со знаком руководителя на лбу.

Геннадий Коршунов им и был, возглавляя отдел второго главного управления КГБ, — за этим невинным названием скрывалась советская контрразведка.

— Что ж, старт дан. — довольно сухо заметил Геннадий Николаевич, остудив Колоскова, рассчитывавшего на поздравления по поводу успешно проведенной комбинации.

— Она обещала пригласить меня на прием, — сказал Колосков, все еще не теряя надежд на похвалы. — И сунула какие-то рубли.

— Есть повод, — заметил немногословный Коршунов. — Сбегай в Елисейский.

Колосков не заставил себя упрашивать, тем более что желание начальства — это закон.

Восточные женщины уважают мужчин и не бросают слов на ветер, подобно их западным эквивалентам: через месяц Дмитрий Колосков обнаружил в почтовом ящике нестандартный конверт с приглашением на прием в турецкое посольство — еще один маленький успех. О приеме Колосков был наслышан через агентуру в министерстве культуры, именно это почтенное заведение явилось виновником торжества, подготовив

проект соглашения с маленьким соседом, которого можно было разнести в порошок одной атомной бомбой — вот бы порадовались предки, натерпевшиеся от янычар и в защите Балкан, и в Крымской войне.

Посол и Шахназ приветствовали гостей недалеко от входа, зал уже наполнился тонким духом культуры, особенно хорошо пахли артистки в самых немислимых нарядах (одна даже сжимала в руках сумочку из серебряной кольчуги, наследство прабабки), мужчины, как на подбор, надели темные костюмы и такие же галстуки, один Колосков позволил себе явиться в вельветовом пиджаке и бабочке, — все-таки вольный художник.

Подошел к послу с Шахназ и был обласкан.

С чисто восточной любезностью посол обрушил на художника, точнее, майора КГБ, целый водопад благодарностей за вызволение жены из беды и даже пригласил в Стамбул на уик-энд, что привело художника-майора в страшное смущение.

Светская Шахназ, взяв Дмитрия под руку, повела его к другим гостям, что может быть приятнее представлений, улыбок, расшаркиваний и соединения бокалов в едином аккорде?

В свете рампы лучились от счастья знаменитая чета Ивановских: классик советской литературы Николай Иванович, в строгом костюме, со значком лауреата Сталинской премии и звездой Героя Социалистического труда, и Римма Николаевна, стареющая, но вполне съедобная актриса Малого театра, в черном платье со смелым декольте и в бриллиантах с головы до пят.

Друг турецкого народа и его литературы Николай Иванович, кстати, не прочитавший ни одного турецкого автора, но хорошо знавший многие имена, как вице-председатель общества советско-турецкой дружбы, развивал последнюю с послом.

— Как работается, дорогой мой? — спрашивал Кемаль, тоже не читавший ничего советского и тем более Ивановского, но осведомленный, что Россия дала миру Толстого и Достоевского. — Надеюсь, ваш следующий роман получит Нобелевскую.

— Ради бога, Кемаль, не накликайте беду. Неужели вы хотите, чтобы меня постигла судьба этого бездарного Пастернака? Вы читали его «Доктора Живаго»? — небольшого роста, худощавый Ивановский очень напоминал постаревшего петушка с хохолком.

— Увы, не успел. Говорят, что хороший роман.

— Что вы! Типично антисоветская стряпня! Ни композиции, ни художественных образов, вообще ничего! — Ивановский не читал запрещенный роман, однако уже не раз выступал в «Правде» с его острой

критикой, попробуй не выступи: отрежут не только от третьесортного турецкого посольства, но и от всего Запада, и особенно от Парижа, который так любила чета.

Серьезный разговор о литературе несколько затянулся, на рукопожатие к послу устремились новые гости.

— Скоро мой вечер в Колонном зале. Надеюсь, вы почтите меня своим вниманием? — с этими словами Римма Николаевна, кокетливо изогнувшись, утянула супруга в сторону, да и бриллианты заслуживали показа самой широкой публике.

На прощание Колосков любезно пригласил чету Туркмен к себе в мастерскую, на скромный бал бедных художников.

— Вас не будет смущать присутствие иностранцев? — деликатно поинтересовался посол, неплохо знавший советские нравы. — Ведь власти, если я не ошибаюсь, не поощряют контактов с иностранцами.

— Боюсь, что эти слухи преувеличены, господин посол. Власти, естественно, не поощряют тех, кто борется с советской властью. Меня же политика не интересует, есть проблемы жизни и смерти, искусства и любви. вот это моя стихия.

Тут Колосков говорил истинную правду, не до политики было: он держал на связи дюжины три красивейших и умнейших актрис, служивших Отчизне не на живот, а на смерть, если, конечно, последнее не понимать буквально, а рассматривать как жертву в виде визита с иностранцами в ресторан, а иногда и в апартаменты.

Работа, между прочим, адская, по четыре-пять встреч в день иногда приходилось проводить Колоскову, нагрузка колоссальная, если учесть дамские капризы, опоздания, вечные жалобы, стремление что-нибудь урвать и даже горячие неподдельные слезы.

Через пару недель посольский «Мерседес», тяжело переваливаясь в арбатских переулках, въехал во двор с голубятней посредине, куча битого кирпича перекрывала подъезд, и посол еще раз проверил правильность адреса. Сливкам турецкого общества были невдомек изощренные вкусы московской богемы: сначала нечто вроде кромешного ада, вонючий подъезд, исхоженные со времен Рюрика ступени, лужи мочи, возможно собачьей, заплыванный лифт, разрисованный ругательствами, обшарпанная дверь. И сразу же сущий рай, пир красок и запахов духов, музей антиквариата, что и в Лондоне не сыскать!

Потрясенная чета Туркмен проследовала через хаос скульптур и картин, мимо стола времен Петра Великого и гладильной доски того же периода, турки и вообразить не могли, что в строго регламентированном

социалистическом обществе могли существовать раскрепощенные бородачи в заграничных модных одеждах, не говоря уже о разодетых и полуголых дамах с американскими сигаретами в зубах, и все в диорах и карденах, в Анкаре такого не увидишь, да и модный Париж отдыхает перед этим изыском.

Веселы и пьяны, но не забулдыжно и тяжело, как бывает в России, а словно на пленэре в «Завтраке на траве» Эдуара Мане, шедевр этот, кстати, тоже присутствовал на стене то ли в оригинале, то ли в копии.

Кемаля и Шахназ закрутили, дамы общались с послом особенно нежно, в доказательство потрагивая его бюстом, оного было в избытке, и все хотели. Любезный Колосков подвел к нему надменную, тонкогубую, с серыми глазами.

— Мария Бенкендорф-Лобанова, заслуженная артистка РСФСР, звезда Большого театра. — представил он игриво.

— Ну, полно, полно, Димочка, не то сглазишь. — прервала она, блеснув зубами.

— Позвольте, но это старинная дворянская фамилия (посол тщательно изучал русскую историю), а говорят, что коммунисты всех. — он лишь сделал неопределенный щелчок пальцами, тут же испугавшись своей смелости.

— Как видите, я уцелела, — улыбнулась она, вызвав у него некую томительную сладость в животе. — Я хорошо стреляю из пулемета.

Юмор сей был неожиданно смелым, и посол подумал, что турецкий МИД сильно преувеличивает страх советского народа перед правительством, идея эта созревала у него давно, и он даже поручил военному атташе составить на этот счет справку в нейтрально-осторожных тонах и направить ее в Анкару.

Колосков не только знакомил, но и забавлял анекдотами.

— Француз, англичанин и русский говорили о женах. «Когда моя Мэри садится на лошадь, ее ноги достают земли, — хвалился англичанин, — но не потому, что в Англии низкорослые лошади, а потому, что у англичанок — самые длинные в мире ноги». Француз парировал: «Когда я танцую с Николь и держу ее за талию, то мои локти касаются друг друга, но не потому, что у французов длинные руки, а по той причине, что французенки имеют самые тонкие талии в мире». Дошла очередь и до русского: «Когда я ухожу на работу, то хлопаю свою Таньку по жопе, а когда возвращаюсь домой, жопа еще трясется. Но это не потому, что все русские бабы имеют жирные жопы, а потому, что у нас самый короткий в мире рабочий день!»

Апартаменты взорвались от хохота, шум медленно перетек в звон

бокалов.

Шахназ тем временем обволакивал добродушный великан с белой кудрявой шевелюрой до плеч, предлагавший прогулку на яхте по восхитительной Москве-реке, обнимал очень осторожно за спину, а она увиливала, ссылаясь на морскую болезнь мужа, а великан настаивал и соглашался вместо мужа принять ее на борт с подругой и устроить настоящий спортивный праздник.

— Я подумаю.

К полуночи гости начали расходиться, кое-кто надрался и тоскливо блевал в туалете, ванную оккупировала влюбленная парочка, и отправлять естественные потребности приходилось во дворе.

Вечеринка пришлась Кемалю по душе — вот именно так нужно познавать национальный характер, быт и нравы! Не по книгам, не по отчетам, а именно с помощью обыкновенного человеческого общения! Утром он вызвал в кабинет военного атташе Назыма Денизджиерова.

— Нам следует активнее общаться с русскими, особенно с интеллигенцией.

— Согласен, однако боюсь, что все они связаны с КГБ, — отвечал атташе.

— Опять этот КГБ! — нахмурился посол. — Иногда мне кажется, что этим мы оправдываем свою пассивность. Кстати, мою жену пригласили в поездку на яхте, и мне хотелось бы, чтобы ваша супруга составила ей компанию.

— Может быть, и мне поехать с ними? — военный атташе был гораздо бдительнее посла.

...И снова бал, и снова блеск бриллиантов, на этот раз в Колонном зале в честь бенефиса Риммы Ивановской.

В черном бархатном платье, с розовой камеей на груди, она читала Блока под музыку Грига, волшебная зажигательная смесь, слезы на глазах, непрерывные аплодисменты и «браво!». В финале хлопали до умопомрачения, Ивановская, утопая в розах, сдержанно раскланивалась с публикой, ее голубые глаза, чуть загрязненные временем, блестели от счастья.

Затем пышный фуршет, где собрался цвет нации, друзья дома и сам министр культуры.

Николай Иванович честно сотрудничал с органами безопасности еще с тридцатых годов и подложил немало коллег-литераторов, не считая чиновников от культуры, иногда пересекавших ему дорогу. Сотрудничество это он считал естественным гражданским долгом и настолько им гордился,

что на узких встречах друзей (между прочим, тоже агентов КГБ, о чем он не догадывался, веря в свою исключительность) провозглашал тост за героев-чекистов, скромно добавляя, что считает себя тоже чекистом. Это производило впечатление, и в литературных кругах ходили слухи, что он давно произведен в генералы и иногда, выезжая в святую обитель на Лубянке, надевает форму и ордена.

Римма тоже помогала органам чем могла, однако как самостоятельная единица котировалась невысоко, поскольку не обладала оперативной хваткой и не могла похвастаться высокой политической подготовкой, мешала ей и артистическая сумбурность, так что использовали ее лишь в паре с мужем, как своего рода декорацию.

Комплименты в адрес великой актрисы великолепно пережевывались вместе с осетриной и молочными поросятами, трупики которых устлали длинный стол.

— Я начал изучать русский и скоро буду читать ваши романы. — радовал Кемаль великого писателя.

— Русская культура затягивает, Кемаль, не боитесь ли вы, что, полюбив наш язык, вы захотите остаться в Москве навсегда? — опытный Николай Иванович без особого труда вел политический зондаж объекта разработки.

— Я слишком люблю рахат-лукум, — засмеялся посол и отправил в рот кусок осетрины.

Вдруг Ивановский засуетился, задержался, превратился в выходящую за все горизонты улыбку и затряс (двумя руками! как еще выразить свою любовь?) короткую толстую руку наголо бритого человека, затем галантно поцеловал руку его молодой спутницы в алом костюме, судя по пресному выражению лица супруги.

— Я хочу сделать вам приятное, дорогой Кемаль, и познакомить с Григорием Бесединым, личным помощником нашего председателя Совета министров.

Учтивые рукопожатия, банальные восторги по поводу бенефиса. Товарищ Беседин оказался отнюдь не тупым сановником и тут же процитировал стих Есенина «Никогда я не был на Босфоре, ты меня не спрашивай о нем.». Кроме того, он еще сказал несколько теплых слов об Ататюрке, которого приветствовал сам Ленин.

Тут подошла Шахназ с красавцем Колосковым, сменившим по случаю бенефиса незамысловатые вельветы бедного художника на гладкий, мышинового цвета костюм (сшитый по заказу в ателье КГБ).

— Надеюсь, вы не абстракционист? — снизошел Григорий Петрович,

словно никогда и не видел мастера живописи на утренних совещаниях в своем кабинете.

Колосков в ужасе замахал руками, конечно же он твердо стоял на позициях соцреализма и честно отражал торжествующую реальность, точнее, пытался, ибо слишком высока тема домн, вечно блестящего потом человека труда, недостижима красота березок и бескрайних полей, на которых хочется торжественно исполнять гимн.

— Абстракционизм — это все равно что окунуть в краски хвост осла и мазать им по холсту! — дал он боевой залп по всем этим малевичам и шагалам.

Беседин кисло улыбнулся, вспомнив, что то же самое Колосков говорил на партучебе (сам Григорий Петрович вел семинар), посол же поддержал беседу.

— Я тоже предпочитаю ренессанс или Коро, — заметил он, хотя лишь смутно помнил и то, и другое. И правильно делал: куда приятней покупать по дешевке ковры в Бухаре, а затем сплавлять их в Стамбуле, благо что это позволяет дипломатическая почта. — Доброе старое вино всегда лучше американских коктейлей.

— Это относится и к американской политике? — сквозь молочного поросенка Беседин тоже не упускал случая ненавязчиво позондировать — чекистская болезнь, вербовать и ночью, и днем, вербовать всех, чем больше, тем лучше.

— Мы — союзники, но не слепцы, бредущие за богатым поводырем, — мягко ответил посол.

Гибок и умен, подумал Григорий Петрович, дурак сразу бы начал честить американцев в хвост и гриву, лишь бы потрафить представителю советского правительства, Колосков не ошибся: явно охоч до баб, зыркает по сторонам, в основном по задницам, ну ладно, пора двигаться, кроме бенефисов и пьянок существуют и серьезные дела на Лубянке, главное сделано.

От Колонного зала они с женой по Кузнецкому прошли пешком прямо до грозного здания, Григорий Петрович, поднимаясь, пружинил ноги, стараясь дать им побольше нагрузки (сидячий образ жизни требует физкультуры, не забыть и об эспандере в кабинете!). Вошли через второй подъезд дома номер два, шефа контрразведки (помощником в СМ СССР он числился по прикрытию), известного в лицо охране, пропустили беспрепятственно, а вот его спутнице пришлось предъявить удостоверение (порядок есть порядок, даже если идешь рядом с шефом!) на имя Аллы Проскуриной, секретаря-машинистки.

Быстро прошли в просторный служебный кабинет, там Беседин сбросил парадный пиджак, провел Аллу в примыкавшую комнату отдыха с диван-кроватью, телевизором и баром, чекистка привычно разделась и приняла душ в примыкавшей к комнате ванной.

Осетрина, поросята, холодная водочка способствуют.

Освобожденный от стресса Григорий Петрович выдал звонок домой (Алла деликатно ушла в ванную на новое омовение): сын совсем отбился от рук и приносил ужасные отметки. И все почему? Нет заботливой отцовской руки, да разве можно заниматься воспитанием ребенка, если приходишь домой в два-три ночи и не имеешь выходных? При Сталине вообще являлись под утро, когда вождь засыпал. Жена плакала: опять принес двойку — это уже ЧП! Надо вразумить, может, даже выпороть, без папы тут не обойтись.

Пришлось закруглиться и отбыть в домашний круг.

Утром ровно в десять Григорий Петрович, облачившись в генеральскую форму (ношение ее на работе не было обязательным, однако в ней он себе нравился гораздо больше: обритая голова становилась значительней, да и ростом он казался выше), провел оперативное совещание.

В кабинет осторожно, словно боясь побеспокоить больного, вошли Колосков, одетый в обыкновенный, без всяких штучек-дрючек костюм, и худой волк Геннадий Коршунов. Процессию завершала Алла, молчаливая, как уставший призрак, с блокнотом и карандашом в руках — помимо всех прочих достоинств, она еще и стенографировала.

Беседин уже не походил ни на доброго дядюшку, похохатывавшего на банкете, ни на отрешенного от служебных дел любовника, ни на другие маски, которые он менял с величайшим умением, — теперь он был в главной роли: начальник, голова, мастер.

Докладывал Коршунов, волчьи глаза поблескивали, словно предвкушая удушение ягненка:

— На сегодняшний день Осман (кличка посла) имеет контакты с тремя нашими агентами и тремя агентессами, их ввод в разработку не вызвал у него никаких подозрений, более того, по данным подслушивания, он считает, что Анкара склонна серьезно преувеличивать роль КГБ.

— Ну и умница! — заметил Беседин. — А как он по части клубнички?

Мужчины одобрительно хохотнули, а Алла сдержанно улыбнулась, вспомнив татуировку на животе шефа, не дававшую ей покоя: точно такая имелась и у ее собственного мужа, причем и тот, и другой уклонялись от разъяснений, это раздражало, и вообще ей нравился лейтенант Пурник из

хозяйственного управления.

— Псих, как и все турки, — категорически заметил Коршунов, набивший руку на южных соседях. — При виде женщины у него уже сперма в глазах. Однако он сдерживает себя, понимая, что мы можем подsunуть ему свою девку. Агентура продолжает собирать информацию о его политических настроениях.

— Интересно, какую политическую информацию могут собрать ваши б. ди? — прервал его Беседин. — Ведь они даже газет не читают и считают, что Турция — в Аргентине.

— Кесарю кесарево, Григорий Петрович. — оскалился своей волчьей улыбкой Коршунов. — У них свои задачи.

Что верно, то верно, каждый должен тянуть свой воз. Как там воз Колоскова — Шахназ? Особого прогресса пока не наблюдалось, хотя в принципе согласилась покататься на яхте, правда с подружкой.

— Восток есть Восток! — заметил Колосков.

— Очень удобно! — зло сощурился Беседин. — Восток есть Восток — и точка! И работать ни хера не надо! А я вам скажу другое: человек есть человек во всем мире. Везде любят, везде изменяют, везде жадничают. и хватит вам прикрываться национальными особенностями! Работать надо! Уконтрапупить — и точка!

Приняли как указание, хотя и не неожиданное, встали, стараясь не греметь стульями, осторожно вышли.

Алла задержалась и выжидающе смотрела на шефа, прижав к груди блокнот, словно голову возлюбленного: тонкая женская душа чувствовала настроение и оказалась права: Григорий Петрович запер дверь и увел секретаря-машинистку в комнату отдыха.

Живем в спешке, думал он, живем словно коты, правда, им легче, их не гложет мысль, что именно в эти четверть часа позвонит сам председатель КГБ. Почему никто не подходит? Где Гриша?! Куда исчезла правая рука? Он прислушивался к прямому телефону, это отвлекало и мешало счастью.

Прогулочный катер летел по Москве-реке, играя фейерверком брызг на хвосте.

Идиллические берега с сосновыми лесами, уютные поляны, бабочки над ромашками, государственные заборы. Как хорошо в стране советской жить и как она широка, родная!

Дмитрий Колосков и богатырь Марат, овевавший кудрями посллицу в мастерской, соединяли воедино красоту и интеллект. Дмитрий упирал на последнее, рассказывая о глубине реки и ее исторических истоках, Марат

работал с шампанским, между прочим, пропуская для души водочки.

— Шахназ, если вы не выпьете, я обижусь! Ну как вам не стыдно! Вы не хотите выпить за нашу дружбу?

Не пили проклятые мусульманки, прикрывались Кораном. Восток суров, хотя и не до фанатизма: Шахназ позволяла Колоскову целовать ей руки, а тот страдал и готов был утопиться.

— Как вы красивы! — шептал он, вспоминая почему-то бритую лысину Беседина. — Я погибну от вашей красоты! Вам не холодно? Может быть, спустимся в каюту?

— Что вы, Дмитрий! Разве здесь плохо? — отбивалась Шахназ, которой Колосков весьма нравился.

Уже надравшийся Марат держал жену военного атташе в объятиях, ему казалось, что они уже в соитии, штаны его неприлично оттопыривались, и он блаженно покачивался. Оставалось финализировать дело в каюте, он поднял ее на руки, покачнулся и рухнул за борт в набежавшую волну. Слава богу, вместе с турчанкой, просто известная песня о драме Стеньки Разина.

Крики, спасательные круги, любопытные рожи на берегу.

Конфуз.

Генералу Беседину решили не докладывать, обошли вопрос, мол, старались, но ничего не вышло...

Новая радость: подписание советско-турецкого культурного соглашения, в том числе и о поездках в Турцию классика советской литературы и гордости театра.

Посол двинулся в министерство культуры, там за круглым столом в гостинной восседали заместитель министра Растегин, говоривший искренне и долго (всегда так!), переводчица Оксана — умеренная толстушка, большие влажные глаза, выдающиеся бюст и зад, изобилие волос, ниспадавших на первое и даже чуть-чуть на второе, — сжигавшая посла горячими бедром и дыханием, и Римма Ивановская (супруг уже вылетел в Стамбул), которая уже мысленно набрасывала доносик об аморальном поведении переводчицы.

Затем — скромный фуршет, старания Оксаны не прошли даром, и посол вызвался прокатить ее по столице и доставить домой, что он и сделал. По дороге заскочили в «Националь», там джигит блеснул мощной, но переборщил со спиртным, Оксана вначале истерически хохотала, хватая посла за руки, но разом стихла и запросилась домой, что было радостно воспринято, как приглашение на счастье.

Но в машине совсем сдала, впала в транс — такого и в страшном сне

не увидеть. Отвратительная, пьяная баба.

Он высадил Оксану у ее подъезда и тут же умчался подальше от ласк.

— Вот б.! — неистовствовал Колосков в квартире этажом выше Оксаны, где уже была установлена техника для съемки, — просто какой-то рок невезения! и все пьянки, не страна, а корабль алкашей! Понятно, что Марат набрался — он вообще не просыхает, — но эта. ведь закончила Институт востоковедения. аспирантуру, елки-палки! Алкашка!

Опасаясь очередного всплеска гнева Беседина, Дмитрий представил все дело в спокойных тонах: мол, посол торопился по делам службы, не успевал и потому вынужден был отказаться от тесного общения с агентессой.

И прошел бы у него этот номер без всякого труда, если бы не горячая восточная душа, которая полыхала и искала выход из тупика, бесновалась и толкала на подвиги. Отделавшись от Оксаны, распаленный посол приказал водителю держать путь к престижному и широко известному «дому на набережной», что рядом с кинотеатром «Ударник».

Римма Ивановская уже завершила агентурное донесение о вызывающем поведении переводчицы Оксаны, несовместимом с моральным обликом советского человека, и размышляла, каким образом донести его до органов: лично или через супруга.

Томительный звонок отвлек от мыслей, и без всякого макияжа и в домашнем халате она задумчиво открыла дверь, думая, что это дура-министерша, у которой вечно кончались спички.

Окаменела, словно перед шаровой молнией, — турецкий посол улыбался, мышинный хвостик усов антрацитом чернел над белоснежными зубами.

Далее шокирующий темп, от которого уважаемая актриса уже отвыкла: ухватил в охапку твердыми, как ятаган, руками, сорвал халат, покрыл неистовыми поцелуями и поволок в спальню, где и свершилось, причем быстро и без всякого согласия, до неприличия бездуховно. Хотя. хотя это было хорошо, Римма увлеклась, правда, мешала мысль: как же так? Нет-нет, не в муже дело, не в морали, а совсем в другом — в санкции. Ее не было, даже и намек на это от Беседина она не слышала. Но гнать было неудобно — так ведь можно и подорвать нерушимую советско-турецкую дружбу.

Неожиданно Кемаль безмолвно натянул штаны, поцеловал ей руку и улетел так же стремительно, как и появился.

Что делать? Наверняка все просматривали и прослушивали! Дом ведь этот особенный, всегда под оком. что делать? Она набрала заветный номер,

который хранила в памяти, как самое святое.

— Григорий Петрович, здравствуйте! Это Ивановская! — волновалась, задышалась. — Только что у меня был турецкий посол. — замолчала, ожидая расплаты.

— Ну и что? — Беседин готовил бумагу в ЦК, и все эти бабьи причитания только раздражали.

— Муж в командировке в Стамбуле. посол был очень возбужден. вы понимаете?

— Не понимаю, — сухо бросил Григорий Петрович, не обладавший ни ассоциативным мышлением, ни артистическим чувством подтекста.

— Как вам сказать. — размазывала кашу по тарелке Ивановская. — Ну, в общем, вы должны понять, как мужчина.

Это уже было яснее солнца.

— Что вы хотите? — подавился он от смеха.

— Я просто хотела проинформировать. — Римма сидела красная и распаренная, словно выскочила из бани.

— Я занят, извините.

И положил трубку, больше не мог сдерживаться, ну и говно у нас люди! Бздун на бздуне, всего боятся, даже самих себя, бесконечно стучат, отвлекают от дел.

Он презирал агентов, работавших из-за страха, он бы их всех пришил, если бы партия приказала, именно из-за них у органов столько лишней работы: и на соседа по квартире настучат лишь потому, что он лишний час проводит на толчке, приплетут ему любовь к Би-би-си и начальнику пришьют роман с секретаршей, черт знает что!

Тут же связался с Коршуновым.

— Так почему же сорвалась встреча с Оксаной?

— Разве Колосков вам не докладывал? — юлил волк. — Все шло прекрасно, но он был занят и после ресторана уехал по делам.

— И вы знаете, какие у него дела? — подбираясь мягкими лапками, так нежно, что Коршунов сразу понял: ничего хорошего ожидать не следует.

— Нет. Наружку мы за ним не ставили. чтобы не спугнуть.

— Дело у него было важное: он уконтрапутил старушенцию Ивановскую, вот так!

— Как это понимать, Григорий Петрович? Как шутку? — растерялся Коршунов.

— А так, что у вас не агентура, а мудаки! Один напивается на катере и чуть не тонет вместе с бабой, от другой жопы — уж не знаю почему —

мужик бежит, как черт от ладана, к климактерической бабуле. Елки-палки, вы будете работать или нет?!

Короткие звуки в трубке, ужасный тип этот генерал, все знает, все чувствует, такого не проведешь.

Кемаль осмелел, теперь он был уверен, что никакой КГБ его не пасет, но тем не менее решил придерживаться принципа внезапности, рассчитывая на неповоротливость секретной службы.

Римма только распалила его своими неуверенными ласками, впереди был целый вечер, он направил стопы в «Националь», где почти сразу положил глаз на скромную девицу лет двадцати, поглощавшую бульон из большой скучной чашки.

Подсел и не ошибся: попал на профессионалку по имени Галя, представился как богатый турецкий купец.

— Тогда давай хилить отсюда, — сказала практичная Галя. — Тут полно ментов.

С некоторой опаской она залезла в посольский лимузин с русским водителем, по дороге обсудили проблему стоимости, причем Галя заломила таксу, о которой ей и самой не снилось, и правильно сделала: на Востоке любят поторговаться.

Заскочили в Елисейский магазин, там закупили шампанского, семги и прочих яств, оттуда двинулись прямо на Петровку, в огромную коммунальную квартиру, где проживала юная красотка.

Явление Галины с восточного вида человеком не возбудило обитателей коммуналки, богатых грузин и армян — ухажеров Галины — там понасмотрелись, ее в квартире любили за добрый нрав и за то, что давала займы.

В комнате с огромным желтым абажуром и иконой Николая-угодника в углу, доставшейся от покойной бабушки, посол и провел несколько полноценных часов, омраченных лишь блужданием по коридору в поисках туалета и возвращением обратно, когда он заблудился в лабиринте и попал в другую комнату, где его послали на.

Вернулся Кемаль домой в полночь, ощущая глубокое удовлетворение прожитым днем, воистину Рубиконом в его советской жизни.

Счастье одних всегда балансируется несчастьем других: прибыв домой утром из Стамбула, Николай Иванович, взвинченный гнусными вопросами турецких студентов по поводу свободы ислама в СССР, натолкнулся на взбудораженную супругу, не пожелавшую раскрывать причин своего настроения.

Слово за слово — и совершенно неожиданно разразился скандал

неописуемых масштабов, с упреками и криками, со взаимными оскорблениями — и тут, дабы ткнуть Николая Ивановича мордой куда надо, Римма и рассказала мужу о своей измене, причем подала все это как мерзкое насилие, и добавила, что не ждет защиты от такого подонка, каким, по ее словам, являлся великий писатель.

— Да! Я давно не испытывала такого оргазма! Это не твои жалкие поглаживания старого импотента!

Он тут же начал нервно разыскивать Беседина, дабы излить душу и прояснить отношения.

Григорий Петрович устраивал для Туркменов дружеский ужин якобы у себя дома, а на самом деле на конспиративной квартире КГБ.

Ослепительно сияли хрустальные люстры, на трофейных буфетах мореного дуба стояли фарфоровые овчарки, зайцы и слоны, на стенах висели картины немецких мастеров в мощных рамах, мерно тикали высокие английские часы, и в углу сидел огромный бронзовый Будда.

— Какой у вас дивный дом! — восторгался Кемаль хоромами.

— До революции все это принадлежало одному богатею-купцу, — поясняла Алла.

— А теперь все ваше?! — удивлялась Шахназ.

— В СССР все квартиры являются народной собственностью, — равнодушно пояснил Беседин.

Настроение у него было неважное, сын продолжал приносить тройки и двойки, никакие увещательные беседы не действовали. Кроме того, на днях умерла любимая тетка, которую в свое время он вытянул из родной деревни и помог получить однокомнатную квартиру. Он вообще любил помогать ближним и перевез в Москву всех своих деревенских родственников, иногда они являлись к нему на квартиру, волокли банки с вареньем и солеными огурцами, напивались и слезливо пели ему осанну, хотя про себя считали его жадным буржуем.

После нескольких рюмок настроение улучшилось, и в этот самый момент и затрезвонил Николай Иванович, весь день переживавший семейный скандал, усугубленный тем, что вдобавок Римма Николаевна объявила мужу, что на соитие она пошла по указанию органов, а это уже выглядело совершенно оскорбительно: как же это так? почему с ним даже не посоветовались? за кого же его считают?

Николай Иванович говорил чуть рыдающим голосом, словно Вертинский, исполнявший грустный романс:

— Григорий Петрович, здравствуйте. Это Ивановский. Я утром прибыл из Стамбула. Произошло ужасное. эта. моя супруга, простите,

переспала с турецким послом. эта паскуда.

— Но это ваше личное дело. — попытался увернуться Беседин.

— Она говорит, что это вы ее заставили. это безобразие! Я этого так не оставлю. все видели соседи! — последнее особенно волновало Ивановского, ибо по соседству жил критик Гершензон, фигура злобная и имевшая влияние в высоких сферах.

Голова генерала замутилась от налетевшей злобы, и он не выдержал.

— Да пошел ты на хер! — заорал он тонким голосом, закашлялся и повесил трубку.

Грубость и брошенная трубка повергли Ивановского в полную панику, его писательское воображение уже рисовало картины суда чести, снятия со всех важных постов, запрета на выезд за границу, выселения из казенной дачи в Переделкине, исключения из Союза писателей. Пришлось выпить водки, разбить портрет Риммы, уехавшей навсегда к подруге, и залечь в постель.

За ужином, главным событием которого был жареный фазан, собственноручно подстреленный Бесединым в охотничьем хозяйстве Завидово, прислуживала домработница (лейтенант КГБ), молодая блондинка с толстыми ногами.

Отвалившись от стола, проследовали в гостиную на кофе с коньяком, пил один Григорий Петрович, ибо Алла спешила к больному мужу-скрипачу и боялась, что от нее будет пахнуть.

В конце вечера Беседин вручил Шахназ малахитовую шкатулку («Я буду счастлив, если вы ее возьмете, мы, русские, — тоже восточные люди!»), посольская чета откланялась, за ними последовала Алла, которая любила мужа и не раз выбивала у Григория Петровича путевки для него в самые престижные санатории страны.

Шеф грустно пил коньяк, думал о быстротечности бытия, а лейтенант-блондинка молча убирала посуду, пока Григорий Петрович, заинтересовавшись мелькавшими тут и там толстыми икрами, не пригласил ее к столу, чтобы поставить точку в меню превосходного вечера.

Несмотря на общий прогресс, разработка Кемаля Туркмена продвигалась туго, и все потому, что шеф запретил проявлять инициативу и назойливость. То-то была у Коршунова радость, когда однажды раздался телефонный звонок Оксаны, сообщившей триумфальным тоном, что турок только что пригласил ее на ужин, а потом, по всей вероятности, зайдет к ней на кофе.

— Ты можешь перенести встречу? — спросил Коршунов, застигнутый врасплох: техника в квартире над Оксаной была частично демонтирована.

— Никак не могу, я уже дала согласие. Вы хотите, чтобы он мне больше никогда не позвонил?

— Елки-моталки, — проорал Коршунов. — Так затяни ужин, не спеши домой! Только смотри: не дай бог произойдет, как в прошлый раз. помнишь? Во сне увидишь тогда все свои загранпоездки!

Это подействовало, и Оксана уговорила посла поужинать в пригородном Архангельском, куда и помчались, нежно лаская друг друга на заднем сиденье.

Вернулись поздно, Коршунов лично контролировал дело.

Сухой пережаренный бифштекс и избыток озона настолько обострили вкус Кемалю к жизни, что он без всяких предисловий набросился на Оксану, доставляя несказанное удовольствие молодым фотографам-технарям, смакующим любовные сцены. Юный лейтенант, увлеченный действием, вдруг почувствовал, что его штаны не только вздулись, но сейчас может произойти. и он побежал в туалет, дабы избежать непоправимого.

— Птичка в клетке! — захлебывался от радости Коршунов, не забывая, что по телефону требовалась особая конспирация. — Козла взяли за жабры, Григорий Петрович! — он размахивал еще влажными снимками.

— Прекрасно! — отвечивал шеф. — Приезжайте и покажите, что вы там натворили.

Держа на весу драгоценности, Коршунов ринулся в машину, и через полчаса шеф уже рассматривал фото, думая, как скучно и одинаково проходит этот вроде бы приятный процесс у большинства людей, и даже у турецких граждан.

— Как же вы предполагаете проводить операцию? — спросил Беседин.

— Очень просто: предъявить ему фото и прижать к стенке.

— М-да, очень интересно. Возможно, он будет министром иностранных дел. думаете, это не изменит его отношения к нам?

— Он уже будет нашим агентом!

— И что? Все наши агенты к нам хорошо относятся? Большинство завербованных на компромате ненавидят нас больше, чем самые злые враги!

— Зачем же мы тогда делали фото? И вообще, зачем затеяли весь сыр-бор? — Коршунов даже возмутился.

— Вы рассуждаете не как опытный чекист, а как разбойник с большой дороги. Где ваш аналитический ум? Да, посол осторожен, старается действовать быстро, думая, что обходит нас. Так было и с Ивановской, и с той проституткой, и сейчас с Оксаной. Он грешит и ждет, что последует за

этим, он ожидает от нас гадостей. Забудьте о грубом шантаже, об этом жалком блефе. Дайте турку шанс развлекаться, как душе угодно, естественно под негласным контролем.

Карт-бланш — дело хорошее. Кемаль Туркмен, осторожно отведав из чаши греха, как и предполагал Беседин, начал пить полными глотками, тем более что его супругу домашние дела задерживали в Стамбуле.

Список пополнялся ежедневно, люди Коршунова работали как волы, наружка проклинала объект, мотавшийся и днем и ночью по своим любовницам, которых приходилось фиксировать, устанавливать, собирать на них данные, ставить на учет.

Иногда Кемаль обсуждал дела с военным атташе, интимными подробностями жизни он с ним не делился, однако его интересовало, каким образом устраивают свою личную жизнь другие турки.

— Когда прибывает ваша жена, Назым?

— Через месяц, не раньше.

— Как жаль, что в Москве нет публичных домов. — хитрый Кемаль подталкивал атташе на откровения, но последний так и не открылся.

Тем временем Коршунов, не выносивший бесконтрольности, порешил прибрать к рукам проститутку Галину и нанести визит в коммуналку.

Дверь открыл одноногий инвалид, из квартиры пахло тяжелым запахом убогости.

— Вам кого?

— Гражданку Зотову.

— Откуда вы? — испугался инвалид.

— Из милиции. — и Коршунов решительно вошел внутрь.

Галина недавно проснулась и увлеченно штопала чулок. Хотя образованием она не блистала, однако интуицией обладала недюжинной, и сразу определила, с кем имеет дело.

— Галина Ивановна, моя фамилия Петровский, и я работаю в органах государственной безопасности (милиция не пользовалась авторитетом у шлюх)... — он вынул красную книжечку и помахал ею перед глазами Галины. — Нам известно, что вы регулярно встречаетесь с турецким дипломатом.

Если бы Геннадий Коршунов предполагал, какую Ермолову потерял театр в лице Галины! Уже после его первых слов сливообразные глаза девицы начали медленно наполняться слезами, и к концу монолога водопад по нарастающей уже полился через скалы.

— Не знаю я никакого турецкого дипломата! — рыдала она, холодно оценивая между тем своего собеседника, которого нашла, как ни странно,

слишком интеллигентным. — Не водила я никого!

Женские слезы действовали на Коршунова самым разрушительным образом, он их органически не выносил и терялся, как малое дитя.

— Что ты валяешь дурака? — неадекватно грубо заорал он, как гестаповец в советских фильмах, допрашивающий партизан. — Будто мы не знаем, чем ты занимаешься! Елки-моталки. он запнулся, распираемый гневом.

— Я портниха. я шью. за что вы меня? — тут шум водопада перерос в жалобное бурление.

— Да заткнись ты, елки-моталки! Хочешь, чтобы дали тебе под задницу из Москвы? За сто первый? На лесоповал под Мурманск хочешь? — продолжал он, вдруг почувствовав, что под ним сейчас провалится пол.

— Я не знаю, кто турок, а кто — нет. я портниха.

— Я вот тебе покажу портниху!

В ответ раздались такие стенания, что у Коршунова внезапно заломило виски и замолотил пульс. Ничего не оставалось, как хлопнуть дверью, пообещав вернуться через несколько дней вместе с «воронком».

Григорий Петрович читал справку о работе с турецким послом, полируя пилочкой ногти, — такая вот слабость, повторял часто пушкинские «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей».

Коршунов почтительно наблюдал из кресла, как порхала маленькая пилочка.

— Все это довольно пошлово. — молвил Беседин, дойдя до раздела об интимной жизни посла. — Чисто механический секс! Вся ваша бабская агентура не способна вызвать любовь, это — бесполые манекены, хорошо раскрашенные, но манекены, намазанные разными там «Коти»! Они не могут достойно распалить даже турка! Так, чтобы он вдруг понял, что женщина может быть дороже родины, дороже богатства, дороже всего на свете!

Мысль поразительная.

— Извините, Григорий Петрович, но тут какой-то романтизм. я лично никогда этого не встречал. — Коршунов уже и не знал, в какую сторону рулить.

— Не пора ли вам на пенсию, полковник? Что вы зациклились на своих компроматах? Забудьте об этой грязи, думайте о возвышенном. Нам нужна любовь как у Ромео и Джульетты, пусть не такая пылкая, но любовь. В глазах посла мы должны выглядеть как его спасители, а не как губители, сующие в нос гнусные фото.

— Извините, Григорий Петрович, я, видно, до таких планов не дорос.

Коршунов даже обиделся и имел вид удивленного волка, внезапно попавшего в капкан.

Беседин наслаждался произведенным эффектом и развил план: во-первых, требовалось изолировать от посла и Оксану, и Галину, и прочих дам, напугать их так, чтобы не только встречаться, но и говорить по телефону они боялись. Во-вторых, надо тонко стимулировать контакт турка с прославленной Марией Бенкендорф-Лобановой, именно ее после встречи у художников несколько раз добивался посол, однако актриса, не имея санкции, отказывала ему, ссылаясь на занятость.

Итак, отрезать от дамского пола и подбросить звезду Большого — легко сказать!

И это задача номер один. Гигантская работа.

Указания последуют.

И повалились на бедного турка беды, одна к одной: Оксана, к его великому удивлению, отвергала randevu, сославшись на затяжную болезнь, Галя же вообще исчезла с горизонта: из квартиры хмуро отвечали, что она переехала в другое место, с другими дамами тоже что-то стряслось. Шахназ задерживалась в Турции, мадам Ивановская находилась при муже (однажды они встретились на приеме, Кемаль поцеловал ей руку, а она вспыхнула, как девочка, и заморгала глазами, — вот-вот заплачет), короче, посол испытывал серьезнейший половой кризис, и это бедствие продолжалось целых три недели, к концу третьей он даже похудел.

С четкостью, принятой только в КГБ, именно к концу третьей недели в телефонной трубке на квартире у посла прозвучал уверенный, но нежный голос:

— Господин Кемаль? Это Мария Бенкендорф-Лобанова. Вы меня помните?

О да, он сразу вспомнил ее! как же он мог не вспомнить ее? он просто не мог не вспомнить ее! Еще тогда, в первый раз, в шуме вечеринки у Дмитрия, очарованный, нет, потрясенный ее красотой! А потом несколько раз он видел ее по телевидению и пару раз в Большом в свете рампы, с букетами цветов в руках и у ног. Знавшую себе цену, гибкую, словно змея, с острым взглядом карих глаз. Как же он мог забыть ее, приму с мировым именем?

— В пятницу у меня премьера, я хотела пригласить вас с женой.

— Как любезно с вашей стороны! Жена, к сожалению, в Турции. Но я обязательно приду. Огромное спасибо.

Все-таки жизнь прекрасна! Боже, какой неожиданный звонок!

С трудом дождался пятницы, собственноручно купил огромный букет белых роз и приказал шоферу принести их в Большой после спектакля.

«Лебединое озеро», немеркнущая жемчужина русского балета, Мария танцевала вдохновенно, и зал то замирал, то завывал от восторга.

За кулисы его сначала не пустили, старушка с программками в руках долго его допрашивала и дала зеленый свет, лишь узнав, что он иностранец — к последним относились уважительно, каждый советский человек чувствовал себя великим дипломатом.

Она еще не остыла от танца, нежная, полуголая, затягивающая запахами своего прекрасного тела, голова шла кругом, он робко вручил розы, удостоился поцелуя в щеку, чуть коснулась грудью — он задрожал и впал в транс.

— Могу я проводить вас домой? — еле выговорил, запинаясь.

— Спасибо, но за мной заедет муж. холодный душ с улыбкой, от которой растаял бы Северный полюс.

— Не завидую мужу такой красивой женщины.

— Он не ревнив, к тому же геолог по профессии, и часто бывает в экспедициях, — сверкнуло, как луч надежды в беспросветной тьме.

Договорились как-нибудь отужинать, Мария проявила интерес и к турецкой кухне, и к культуре, заодно сообщив, что ее дедушка имел дом в Стамбуле после бегства из России в разгар гражданской войны.

Расстались друзьями.

Тоска смертная, что делать одному? Поехал в «Националь» — вдруг не пустили (служба уже знала в лицо), двинулся в «Метрополь» — та же история.

Что же делать в этой пустынной столице?

Вернулся домой, впервые пожалел об отсутствии жены, позвонил по телефону Колоскову и буквально напросился на вечеринку, намекнув на желательность понятно чего.

Кнут сменили на пряник: вечеринка состоялась, однако большинство дам было при партнерах, а две одинокие красотки, которые, как казалось, уже принадлежали послу, к концу вечера неожиданно дали от ворот поворот, сославшись на какие-то невероятные дела.

КГБ работал безжалостно и не щадил либидо Кемаля.

Вернувшись домой, сразу же набрал домашний номер Марии.

— Здравствуйте, Мария. Могу я пригласить вас завтра на ужин?

— Спасибо, но я занята. В другой раз.

Так продолжалось еще две недели, Григорий Петрович радовался этой сексуальной блокаде, как дитя.

— Молодцы! Правда, я не уверен, что вы его посадили на полную диету. Ведь почти все турки занимаются педерастией, а у него несколько слуг. Помните, что случилось с великим английским разведчиком полковником Лоуренсом, когда он попал в турецкий плен? Его прежде всего изнасиловали!

— Если он связался со слугами, то почему звонит Марии чуть ли не каждый вечер? — возразил Коршунов.

— Все турки — сексуальные психопаты, вам нужно глубже изучать национальные особенности! — заметил шеф. — Но я не ошибся: он, кажется, влюбился, однако она должна держать твердую линию. «За всякой вещью в свете мы гонимся усерднее тогда, когда еще не овладели ею». Кто это написал? — Шеф обратил свой лик к просвещенному Колоскову, зная, что Коршунов покончил с чтением (если и начинал) еще в средней школе.

— Это не Ларошфуко?

— Шекспир. Советую и вам, и вашим подчиненным побольше читать Шекспира, это лучший учебник для любого сотрудника КГБ, там изложены и наука разработки, и вербовки, и конспиративной связи. Недаром говорят, что Шекспир работал на английскую разведку.

Итак, товарищи, пора готовить мероприятие. — и он встал, маленький, обритый и грозный.

О, если бы Кемаль был педерастом! Увы, он беззаветно любил женщин и бился как рыба о лед. Пораженный бессонницей, глотал успокоительные таблетки, просыпался с больной головой и однажды раздраженно позвонил жене в Анкару, устроив ей целую сцену из-за задержки на родине.

Наконец пробил роковой час, открыли спасительный клапан.

Предстоял банкет на даче, лучшие кадры, цвет общества, сногшибательные дамы, актрисы и модельерши, о чем Дима сообщил лично, заехав прямо в посольство. Будет и Бенкендорф-Лобанова, помнил ли ее посол? Конечно, помнил, даже недавно был на премьере.

— Чудесно. Жаль, что Шахназ в отъезде! — улыбался Кемаль. — А возможно ли пригласить господина Беседина с женой? Это мои большие друзья.

— Эта птица высокого полета, — засомневался Колосков. — Вряд ли он придет ко мне, но я постараюсь.

Оперативное совещание, докладывал Коршунов.

План мероприятия: сначала по бокалу шампанского, затем купание и прогулки, в шесть плотный обед, снова перерыв с танцами и снова перекус, затем — долгожданный разъезд. Пригласит ли турок Марию в свою машину? Уверенность была стопроцентной, но все же предусмотрели на

всякий случай прямо попросить его довезти Марию, сославшись на нехватку транспорта. Ни у кого не было и тени сомнений, что янычарская душа не подведет, не даст отходную и очертя голову устремится в капкан.

— Фото выйдут отличные, представляю, как он задрожит, когда мы все это вывалим! — завершил свою речь Коршунов.

Беседин улыбнулся и сжал эспандер.

— Ваша беда — это шаблон! — повернулся он к Коршунову. — Не дай бог, вы станете начальником — тогда вы превратите КГБ в большое порнографическое фотоателье.

Коршунов привстал от изумления, волчья челюсть приоткрылась и хапнула воздух.

— Никаких фото! — сказал Григорий Петрович. — В разгар их любовных утех явится муж.

— Но у Маши нет мужа! Где мы его возьмем?

— Вам когда-нибудь изменяла жена? — неожиданно спросил шеф.

— Никогда! — ответил Коршунов с таким звериным пафосом, что все расхохотались.

— Это хорошо, — заметил Беседин. — Интересно, что бы вы сделали, если бы застали в постели жены другого мужика?

— Да морду бы ему набил! — не задумываясь, резанул Коршунов.

— Наконец-то я слышу слова мужчины. — Григорий Петрович растянул рот в широкой улыбке, и лоб его, и бритая голова поехали морщинами. — Только имейте в виду: если на нем останется хоть маленький след, я направлю вас опером в город Нежин. Будете там солить огурчики!

Молчаливая Алла, фиксирующая основополагающие тезисы совещания в пронумерованном блокноте (листки после перепечатки уничтожались по акту), радостно улыбнулась: она терпеть не могла Коршунова за грубость и настырность — очень даже неплохо, если турок наставит ему в драке синяков.

Колосков закивал головой, он вообще считал, что с начальством всегда надо соглашаться и больше кивать.

— Геннадий Николаевич сделает это лучше всех! Да и вид у него солидный, только бы нашего Османа не хватил удар! — сказал он.

Соломоново решение.

Наконец суббота.

Кортеж машин промчался по Можайскому шоссе на Успенское, затем через мост к Николиной горе, затем на дорожку с запретным знаком, сторож суетливо открыл ворота, и лимузины въехали на ухоженную дачу.

Колосков встречал гостей в сером льняном костюме и белой рубашке апаш, Григорий Петрович в ностальгии по безвозвратно ушедшей юности позволил себе полотняные штаны, рубашку-сетку с короткими рукавами и начищенные зубным порошком тоже полотняные ботинки. Кемаль, считавший московское лето холодным, приоделся в синюю тройку из тончайшей овечьей шерсти, предусмотрительный Ивановский набросил на всякий случай (мало ли кто придет?) летний, в полоску костюм, купленный недавно в Стамбуле, и теперь мучился от жары и держал пиджак в руке, выслушивая тихие упреки Риммы Николаевны. Они, упреки, были совершенно справедливы: кто сказал, что будут «все свои», толком не узнав от Колоскова, кто же эти самые «свои»? Не потому ли она надела — о ужас! — сарафан, правда не забыв о драгоценностях, что несколько спасало ситуацию? А вот Алла красовалась во французском костюме (числившемся, между прочим, в инвентаре КГБ для представительского использования), а надменная шлюха из Большого, эта претенциозная девка с явно краденой фамилией, об участии которой в пикнике Ивановская и вовсе не подозревала, просто блистала, просто блистала.

Невыносимо. И Римма тайно страдала, прикрывая муки артистической улыбкой.

Хватало и еще разного народцу, игравшего роль листьев, окаймлявших изысканный букет, держались они тихо (между прочим, и в званиях были всего лишь лейтенантских, и потому не лезли в пекло поперед батьки), говорили, словно шуршали, и в основном смеялись над чужими шутками, довольно успешно изображая счастье от общения с природой и с милыми гостями.

Преотменное настроение.

Начали с шампанского прямо на лужайке рядом с избушкой на курьих ножках, на дубовом длинном столе антикварного вида и без всякой скатерти громоздились закуски и выпивка.

Николай Иванович страдал от неприятного осадка после разговора с Бесединым, на следующий день его вдруг не включили в писательскую делегацию в США, с чего бы это?

Улучив момент, с бокалом шампанского в руке он мягко подплыл к Беседину:

— Я давно хотел извиниться перед вами, Григорий Петрович.

— За что? — удивился Беседин, хотя тут же все усек.

— Помните наш телефонный разговор? К сожалению, я был излишне эмоционален. Извините.

— Да я уже и забыл! — широко улыбнулся шеф.

Боже, с каким дерьмом приходится работать! И с такими хотим еще коммунизм построить!

Беседин чокнулся, испытывая неподдельное омерзение: в глубине души он вообще презирал всех агентов, а тех, кто заискивал и раболепствовал, не выносил на дух.

— Хотя я и не в кадрах, но тоже считаю себя чекистом! — повторил свою любимую фразу Ивановский и успокоился.

Купание и другие радости жизни гостей не привлекли, пир на лужайке плавно и органично перешел на веранду, вино лилось рекой, шум стоял необыкновенный.

Кемалю посчастливилось сидеть рядом с Марией, он обращался с ней, как с фарфоровой куклой, которая может расколоться от прикосновения, а балерина разошлась, наплевала на диеты — делала она это редко и всегда на полную мощь.

Тут и приятный сюрприз: цыгане в разноцветных одеждах, «очи черные, очи страстные.», все выползли из-за стола на пленэр, внимая пению. Подпевали, вздев брови, закатывая глаза и мечтая о черных очах, вернулись на веранду выпить и закусить. Танцевальная часть — тут уже звезда Большого взяла огонь на себя, все вокруг померкло, танцевала она виртуозно и со всеми, послу наконец довелось поплотнее прикоснуться к нежному телу примы, и он задрожал, когда она вдруг обняла его за шею двумя руками.

Между прочим, с непривычки напилась.

И тут дернул черт Григория Петровича попроситься на танец, забыл большой чекист о своем росте, думал, что вся сила — в голове, а Мария танцевала с ним снисходительно (ну и бородавочка, думала она, глядя на бритую голову, откуда ей было знать, что это чуть ли не пуп земли?), и напоследок вдруг поцеловала его в лысину, оставив вульгарно-красный отпечаток.

Римма чуть не упала в обморок, прошипела нечто страшное по поводу хамки, все гости были смущены, а Колосков покраснел, предчувствуя нагоняй.

И не ошибся: Беседин строго взглянул на перепуганного Дмитрия, который уже летел к нему, трепеща, как осенний лист под ветром.

— Если вы не приведете ее в порядок. — спокойно сказал Григорий Петрович.

Мог бы и не говорить.

Коротко, но очень доходчиво Колосков объяснил Маше, что кроме великих артистов существуют и великие государственные мужи, от

которых зависят, между прочим, ордера на квартиру. От разьяснения Маше стало плохо, тут же разболелась голова, и она удалилась в комнату, правда, не без мысли реабилитировать себя в глазах руководства.

Меры не заставили себя долго ждать.

— Маша очень просит вас подойти! — подбежал к послу Колосков, и тот помчался на зов.

— Я соскучилась по вам. — сказала она полушутливо.

Боже, разве мог он об этом мечтать?

Сумасшедшие касания.

— Нет-нет, не здесь. Не пора ли нам домой?

Десять часов, хорошее время, гости начали разъезжаться, разумеется, посол пригласил Машу в свой лимузин и заключил ее в объятия, как только выехали за ворота, она слабо сопротивлялась, разжигала до предела, — пусть сходит с ума, влюбленный антропус!

— Хочу купаться! Мне жарко. — ах, он весь в ее власти!

Свернули к речке, разделась донага, заставив отвернуться посла и водителя, и минут пятнадцать с наслаждением побарахталась в воде. Хорошо! Любила дразнить еще с детства.

Наружное наблюдение, тянувшееся за ними, засело, чертыхаясь, в лесу.

Коршунов и вся команда уже давно ожидали во всеоружии, нервничали, кляли опаздывающих последними словами.

— Муж сейчас в командировке и должен на днях вернуться, — объясняла Маша. — Давайте не будем останавливаться у дома, я не хочу, чтобы нас видели соседи.

Вполне понятно, в Турции посягательство на чужих жен заканчивается ятаганом в живот.

— Следуйте за мной. На расстоянии, — инструктировала Маша, вошедшая в роль отчаянного конспиратора. — Я войду в подъезд отдельно от вас. На десятый этаж поднимайтесь пешком, моя соседка открывает дверь при каждом стуке дверцы лифта. И лучше снять туфли, чтобы не было слышно шагов.

Посол занервничал, но это его подстегнуло. Он шел сзади и представлял ее обнаженной — рот заполняла сладковатая слюна.

Исчезла в подъезде.

Он выждал, осторожно вошел, придерживая дверь и с туфлями в руках, бесшумно, словно крадущийся кот, начал подниматься по лестнице. Без тренировки появилась небольшая одышка, да и нервы шалили: вдруг проклятая соседка что-нибудь услышит и вылезет на лестницу. И вот —

заветная дверь, сердце колотилось, как у спринтера на финише. Он тут же ухватил ее в коридоре, буря страсти, палящий огонь желания, наконец (о, наконец-то!) двуспальная кровать — и одинокий попугай, с удивлением взвизгивающий из своей золоченой клетки.

Мария безумно устала, никаких эмоций посол у нее не вызывал, тем более что она была лесбиянкой, мужчин считала грязными и вонючими животными, а турок и прочих вообще презирала.

Два часа ночи, сладкое время, посол блаженствовал и даже не услышал брэнчания ключа во входной двери и хмельные мужские голоса.

— Боже мой! Муж! — вскричала Мария, радуясь, что мучения с неуютным вахлаком подошли к концу. — Вернулся раньше времени. что делать? что делать?

И она заметалась в отчаянии, напяливая на себя белье и заламывая руки.

— Как ты там живешь, Машенька? — затыкнул Коршунов в коридоре игривым фальцетом.

Только тогда посол осознал всю трагичность момента: действительно, что делать? прыгать в окно? прятаться в шкаф? под кровать?

Сияющий муж с букетом лилий в руке торжественно появился в спальне в сопровождении амбала зловещего вида (распухший от обжорства и пьянства водитель из ведомственного гаража). Воздействия хватало, посол прыгал по кровати в поисках трусов — куда они подевались? не сбросил же он их в коридоре!

Далее действие разыгралось по всем законам сценического искусства.

— Сука! — заорал Коршунов и добавил несколько многоэтажных выражений. — Сука!

И он налетел на полуголого посла, только что обнаружившего трусы и уже вдевшего в них одну ногу.

Удар по физиономии (открытой ладонью, как велел шеф), еще несколько ударов. Старался, вкладывал в них всю ненависть ЧК-КГБ к иностранным шпионам. Амбал тоже не отставал, делал страшные рожи и запустил в посла бутылкой с водкой, естественно, она пролетела мимо, но брякнулась о стену, осыпала всех осколками, и это изрядно драматизировало действие.

Жертва не сопротивлялась и даже не закрывала лицо, принимая все, как расплату за грехи, — все силы были брошены на поиски рубашки и штанов.

— Что ты делаешь? Это же турецкий посол! — с надрывом кричала Мария контральто, вдруг почувствовав себя оперной дивой.

— Пусть хоть президент! — брызгал слюною чекист. — Уйди, сука!

Вошел в раж и двинул ей в глаз вполне натуральным образом, она вскрикнула и, не раздумывая, заехала ему в нос своим миниатюрным кулачком, совсем озлившись, добавила еще, и из разбитого носа потекла кровь.

Вид крови придал всей сцене не только безобразность, но и натуральность, актеры играли на полную мощь.

— Развожусь! — орал Коршунов, устав бить посла. — Ты на суде у меня ответишь за все это! Я во все газеты напишу, я в Верховный Совет пожалуюсь! (Это был гениальный ход генерала, цимес всей операции.)

Кемаль старался держаться достойно, натянул наконец пиджак и бросился к выходу, однако Коршунов ловко перехватил его на ходу, дотянул до двери и, крепко дав ногою под зад, отправил разрушителя семьи вниз по лестнице, бросив ему вдогонку забытое канотье. Однако вид поверженного любовника только разбудил в Коршунове зверя, он слетел вниз и еще раз сильно поддал ногой турку под зад.

Немного прихрамывая, побитый любовник доплелся до ожидавшего его лимузина, плюхнулся на заднее сиденье и зарыдал.

Этот восхитительный спектакль имел своих благодарных зрителей, наблюдавших сверху через специальный аппарат, заделанный в потолке и именуемый на профессиональном наречии таинственным словом «визИр». Среди команды находился и прибывший на зов Беседин, любивший животворный запах пороха прямо на поле боя, он следил за сценой, как Кутузов, наблюдавший с горы за ходом Бородинской битвы, он тут же простил Марии все ее вольности. Сразу же после бегства посла вся группа с водкой и закусками, прихваченными с дачи, бросилась вниз. Мария с огромным синяком во весь свой прекрасный глаз и хлюпавший кровоточащим носом Коршунов походили на артистов, которым только что принародно вручили по ордену Ленина, они сияли, оживленно размахивали руками и с радостью бросились в отеческие объятия Григория Петровича.

Успех, черт побери, успех! И не топорная, а филигранная операция!

— Молодцы! — Беседин обнял и поцеловал главного волка. — Если операция выгорит, получишь орден! (Правда, не сказал какой.)

— Это заслуга Марии Николаевны, — скромничал Геннадий Николаевич. — Это она молодец!

— Поздравляю вас, Мария Николаевна! — торжественно сказал шеф и пожал руку главной героине спектакля.

— Извините, Григорий Петрович, за мою наглость на пикнике. я вас не знала.

— Все это ерунда! Хотя. хотя. — он добродушно улыбнулся. — Вам следует вести себя скромнее в мужском обществе.

— Но я же актриса!

— Советская актриса! — поднял указательный палец Беседин, всегда придававший большое значение воспитательной работе.

В уголке он пропустил несколько рюмок тет-а-тет с Коршуновым.

— Предвкушаю завтрашний разговор, — делился сокровенным шеф. — Представляете, у человека рушится карьера, к черту летит семья, всеобщий позор, смятение духа. Он в панике, почти в агонии. Что делать? Выхода нет. Он мучительно думает, думает. И хватается за единственный шанс.

— Гениально! — поддакнул Коршунов. — Он звонит своему влиятельному другу в Совете министров.

— Вы учитесь на ходу, дорогой мой. Именно так, больше друзей у него нет. Завтра буду ожидать звонка. Конечно, мы попытаемся помочь, удовлетворим жалобу бедного турка! — И он победно захохотал.

Избитый Кемаль еле доволоч ног до постели, мгновенно уснул, но под утро был разбужен телефонным звонком.

Сумасшедшая ночь! Фантасмагория!

— Кемаль, это я, Галя! Я звоню из телефонной будки недалеко от посольства. Ты можешь на секунду спуститься ко мне? — храбрая женщина бежала из Каширы, куда ее на время отправила милиция по приказу КГБ.

Посол быстро оделся и выскочил на улицу, там уже занимался рассвет, и худая фигурка женщины в светлом платье казалась призраком.

— Кемаль, ко мне домой приходил тип из КГБ, они всё знают о нас, они меня выслали из Москвы! За тобой следят! Ты не православный? Не крещеный?

— Я мусульманин, — еле вымолвил он.

— Все равно Бог — один! — она несколько раз перекрестила его. — Дай бог тебе счастья! А их я проклинаяю, я ненавижу их! — выполнив свой христианский долг, экзальтированная Галя скрылась за домами.

Бред.

Вернувшись домой, он принял гигантскую дозу снотворного и бросился в постель. Утро вечера мудренее, думал он, засыпая. И снилась ему Мария Бенкендорф-Лобанова во всей ее красе, она крутилась на сцене в бешеном фуэте и тянулась к нему, она крутилась волчком, она подбиралась все ближе и ближе, прекрасная, нежная, единственная в мире Мария.

Он проснулся, как ни странно, совершенно бодрым. Настроение улучшилось: в конце концов, скандал он сможет замять. Встал и придирчиво осмотрел себя в зеркало — никаких следов и вообще выглядел отлично. Принял ванну, побрился, выпил кофе по-турецки и позвонил Беседину.

— Григорий, у меня к вам одно очень важное дело. Не мог бы я к вам подъехать?

Беседин уже сидел на Лубянке, ожидал звонка и немного нервничал: а вдруг не позвонит? Вдруг наложит на себя руки? Такое случилось с одним французом.

— Я сегодня очень занят. — сыграл Григорий Петрович.

Но посол настаивал, подчеркивая важность дела, и Григорий Петрович уступил, назначив randevu на три часа дня, и к этому времени переместился в личный кабинет в здании Совета министров в Охотном.

Все было ясно: посол попросит замять дело, Беседин разыграет сомнения, отметит сложности, уступит, намекнет, что можно уладить, если посол. вот тут самое главное! Важно не спугнуть птичку, у которой завяз коготок, обставить все мягко, по-дружески.

Начал Кемаль, как обычно, с любезностей и заверений в вечной дружбе, затем приступил к делу:

— Дорогой Григорий, вчера у меня было свидание с одной женщиной. не буду скрывать от вас, что это балерина, которая вчера была на даче у Дмитрия. Ночью вдруг явился муж. — и Кемаль честно, не особенно вдаваясь в детали, изложил все драматические события ночи.

— Очень неприятное дело. — нахмурился Беседин. — Особенно если он подаст в суд.

— Это не самое главное, я готов заплатить большие деньги в качестве компенсации, — сказал посол. — Я люблю Марию и готов на многое. Прошу вашей помощи.

— Каким образом? — искренне удивился Беседин.

— Я хочу на ней жениться. Жену я не люблю и пойду на развод.

Это уже ошарашило шефа контрразведки.

— Не вызовет ли это скандала в турецком МИДе? Ведь это конец вашей карьеры.

— Ах, дорогой Григорий, разве карьера стоит любви? Вы не представляете, как мне осточертело работать в МИДе. Ведь я очень богатый человек, зачем мне эта жалкая служба.

У меня есть собственный островок в Средиземном море.

— А как же традиции ислама? Разве вам можно так просто

разводиться?

— Не беспокойтесь, дорогой Григорий. Великий Ататюрк давно принял гражданский кодекс по швейцарскому образцу. Традиции гарема у нас остались в провинции, но это преследуется законом. Если вы мне поможете, то получите очень большой бакшиш, уверяю вас, я не поскоплюсь!

Беседин вдруг почувствовал слабость, он прошел в контрразведке через огонь, воду и медные трубы, но такого в его практике еще не бывало. На компромате ломали и неподкупных англичан, и наивных американцев, подкладывая и женщин, и мужчин, а тут все наоборот.

— Я не поскоплюсь. — повторил посол, по-своему расценив молчание собеседника.

— Это невозможно, Кемаль, — ответил он сухо. — Тут я не смогу вам помочь.

— Но я вас хорошо отблагодарю, — не унимался посол.

— Это невозможно, Кемаль. — Беседин уже закипал от гнева — подумать только: предлагать взятку вождю контрразведки, славной своим горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками.

— Тогда маленькая просьба. Мне сообщили, что за мной наблюдал КГБ. Могу ли я получить фотографию в постели с Марией? Мне очень дорого это воспоминание.

— Сомневаюсь, что за вами наблюдали, — сказал Беседин твердо, это уже выходило за все рамки. — И вообще, какое отношение я имею к КГБ?

Расстались трогательно, обнялись, коснулись друг друга щеками.

Григорий Петрович все еще не мог прийти в себя после неожиданного оборота дела.

Конечно, жаль, что операция провалилась. Но какой человек! Не гнида трусливая, а настоящий молодец! Не в пример многим из близкого окружения. И он задумался о своей жизни. Достиг вершин и что? Счастья ведь нет, одна пошлость. И захотелось уйти к черту, уехать в свою родную деревню, попить парного молочка. Бросить и жену, и Алку, начать новую, чистую жизнь.

В кабинет на Лубянке, где сидела в ожидании вся команда, Беседин вошел в приподнятом настроении.

— Наружку с посла пока снимите, с ним буду встречаться на официальной основе. В общем, он неплохой мужик. А вообще, товарищи, нужно глубже изучать национальный характер! Турки, конечно, раздолбаи, помнится, в Стамбуле толпятся они у окон бардака, где шлюхи трясут буферами и черт знает чем, толпятся, но не заходят: дорого для этих

жлобов! А у самих руки в карманах штанов и счастливые лица!

— Что же они делают? — осторожно спросил неиспорченный Коршунов.

— Смекните сами.

Коршунов почесал затылок.

— Конечно, Восток — дело тонкое.

Восток — дело тонкое, но и любовь тоже не фунт изюма.

Крепкий орешек

Эх, старик, это дивная история! В Арденнах немцы перекрыли подвоз продуктов, и мы оказались на голодном пайке: овсянка, сыр, не было даже тушенки. И тогда повар пригласил меня на кухню: «Как вам это нравится, капитан Джон?» Я попробовал. «Где вы достали такое чудесное мясо?» — «Знаете, что это такое, капитан Джон? Это кошка! Я сварил кошку!»

Генерал частенько рассказывал эту историю, особенно после двух-трех бокалов, пил он в меру (если считать мерой полбутылки виски на рыло), тогда лицо его слегка багровело, и сигарета надолго оседала в краешке рта. Ценный агент генерал Джон с тридцатых возненавидел фашизм и уверовал в Сталина, потом разочаровался во время московских процессов (тогда НКВД быстро зачислил его в троцкисты и чуть не уколошил). Но началась война — и Джон снова решил взять сторону Сталина во имя победы над фашизмом, однако после оккупации Восточной Европы снова невзлюбил его. В знак протеста порвал с нашей разведкой и вновь появился уже после смерти вождя народов со святой верой, что святое знамя не виновато, если к нему прикасались грязные руки. Генерал работал на полную катушку, деньги считал презренным металлом и брал их только на конкретные дела, не связанные с его личным благополучием. В коммунизм он верил безоговорочно и даже пугал этим куратора, которого уже начинала подтачивать сытая английская действительность.

— Не судите по магазинам! — говорил генерал. — Посмотрите, как живет рабочий класс!

Что-то я не видел рабочих в районах Мейфер и Челси! Общество расколото, и царят законы джунглей, тут нельзя расслабляться ни на миг, надо работать и работать! Вы не представляете, как ужасно жить в Англии!

И когда я деликатно замечал, что и Страна Советов тоже испытывает порою трудности, генерал махал рукой и смеялся: «Конечно, у вас есть проблемы! Но они временные. Не забывайте, какой разрыв всегда был между Россией и Англией! Вы же покрыли его в кратчайший срок, сам Черчилль писал, что Россия прошла путь от сохи до полета в космос в мгновение ока».

К мнению Черчилля даже опытные разведчики прислушивались с почтением, особенно после прочтения баек о том, что бывший лидер тори и дня не обходился без армянского коньяка, к которому приучил его хитрый дядя Джо, и без огромной сигары. Однажды мне удалось увидеть самого

сэра Уинстона: тот стоял в окне своего дома у Гайд-парка, зажав в зубах пресловутую сигару, внизу щелкали фотоаппараты, и жидко аплодировала небольшая толпа. Мой знакомый, личный секретарь Черчилля, заметил, что патрон уже давно не пил и не курил, а сигару ему приходилось вставлять в рот для сохранения имиджа, ибо британцы консервативны и любое изменение привычек вождей больно ранит их чувства.

Генерал имел множество орденов и жил в превосходном георгианском особняке в Челси, при нем служили мажордом, повар, шофер и садовник.

— Англия заснула! — жаловался генерал. — Весь мир идет к социализму, а она дремлет в своем прошлом. На миг она проснулась во время войны. ах, дружище, вы не представляете, как я хохотал в Арденнах, отведав кусок мяса. «Знаете, что это такое, капитан Джон? — спросил кок. — Это кошка! Я сварил кошку!»

Особенно ненавидел генерал интеллектуалов Оксфорда и Кембриджа, а британскую прессу просто на дух не выносил, считая насквозь лживой и продажной, — в отличие от меня, очарованного профессурой в вельветовых пиджаках и по долгу службы штудировавшего все английские газеты, что затягивало, как наркотик. Разделы о продаже особняков и замков я, живший в Москве в небольшой квартирке близ Сокола, читал с особым наслаждением, чувствуя себя честным бедняком, непричастным к классу крупных собственников, которые, как известно, с раннего утра до поздней ночи нещадно эксплуатировали подобных мне, умных и талантливых.

Генерал Джон обожал конспирацию, никогда не пропускал встречи, исправно проходил через все точки маршрута контрнаблюдения, задуманного для выявления вражеской слежки, и выполнял безукоризненно все, что ему предписывалось. Однажды за пятнадцать минут до randevу я столкнулся с ним на безлюдных лугах Ричмонда, но генерал прошел мимо невозмутимо, как китайский божок, и даже глаза не скосил, словно был углублен в свои мысли. Когда через несколько минут, уже на месте встречи, я использовал пароль, спросив, как пройти к таверне «Утюг и лань», генерал ощупал меня холодным взглядом, пока не разглядел опознавательный признак — газету, торчавшую из кармана (это была «Таймс», единственная газета, которую читал Джеймс Бонд). И только тогда ответил, что таверна находится у кинотеатра «Огненная земля».

Шпионские игры со временем раздражают даже корифеев, и я однажды очень деликатно отметил суперконспиративность генерала, но получил в нос: «А что, если вражеская служба выпустила на встречу вашего двойника, сделав ему пластическую операцию? Как же без пароля и

опознавательных признаков?» Впрочем, шутки шутками, но в свое время ФБР подставило подобного двойника доверчивым немцам, а те клюнули, как малые дети.

Когда генерал Джон выпивал, на него наваливалась сентиментальность.

— Друг мой, я с ужасом думаю, что вы уедете! Наши встречи — кислород для меня! Я люблю Россию! Боже, вы не представляете себе, как трудно здесь дышать! Эти вонючие интеллигенты, вонючие политики, вруны и ничтожества!

— Может быть, вам поехать отдохнуть, например, в Италию?

— Ненавижу туризм! К тому же макаронники такая же дрянь, как и поганые британцы. Самое ужасное, что в Англии не может быть неожиданностей, жизнь тут запрограммирована на века! Вы знаете, как тоскливо ощущать, что завтра ровно в восемь утра к дому подвезут молоко и поставят у подъезда, и этого не изменят никакие революции! Нет, я должен увидеть башни Кремля, постоять у мавзолея.

— Лучше поезжайте по Европе. Вспомните Байрона или Шелли. Как любили они места вокруг Женевского озера, итальянские городки, сохранившие дух Возрождения.

Но генерал и слышать не хотел о поездках по мещанской Европе, душа его рвалась в Советский Союз, что совсем не воодушевляло: спецслужбы ставили на учет всех визитеров в Страну Советов, особенно такого ранга, как генерал.

— Что за ерунда! Мне ничего не страшно. Боже, неужели я так и умру, не увидев России?

Этот мотив настойчиво тянулся из года в год и досаждал и мне, и Центру, как старая заноза. Наконец скала дрогнула, и чья-то властная рука повелела привезти генерала по поддельным документам, сменив истинные на курортах Кипра, где стада туристов, солнце и полная неразбериха. К этому времени я обосновался в Москве, часто вздыхал по Англии, надломившей мою душу, и с удовольствием принял приказ об организации работы с генералом в Союзе. Визит проходил не без полемики: некоторые осторожные головы выступали против соприкосновений верующих в Идею с реальностями социализма, отмечая, что из-за каких-то странностей судьбы (текущие краны, испорченный лифт — не больше) многие переходили на критические позиции. В доказательство приводили гордость английской драматургии Джона Осборна, который, вырвавшись в СССР, настолько возмутился гостиничным сервисом, сломанным унитазом, покорябанным потолком и холодной батареей, что мгновенно потерял веру

в социализм и, как жалкий мещанин, начал оплевывать в своих статьях Страну Советов. Ведь и окна ему не решетили пулеметом, и даже в КГБ не таскали! Однако лагерь оптимистов, веривших, что умный человек всегда различит все достоинства Системы, был достаточно силен, более того, считалось, что походы в Музей революции и, уж конечно, несколько секунд у тела вождя в Мавзолее играют чуть ли не решающую роль в воспитании агента. Слово «воспитание» всегда высоко котировалось в органах еще с тех времен, когда Феликс Эдмундович ведал беспризорниками.

Вскоре я ожидал генерала в черной «Волге» прямо у трапа самолета, мотор взревел, и друзья помчались из аэропорта Шереметьево по дышавшей бодростью столице. Программу генералу составили по высшему разряду: сначала тщательный медосмотр в элитной поликлинике (он поразился обилию самой современной техники, которую посчитал советской), специальная гостиница, где все не по Джону Осборну, и даже повар лично являлся к клиенту и интересовался, не переложил ли он в салат крабов. Черный «ЗИЛ», Большой театр и прочие жемчужины столицы, южные дворцы — санатории, величественно застывшие над морем в своей красе, счастливые трудящиеся, живущие за счет профсоюзов — школы коммунизма, гостеприимный Кавказ.

— Никогда не видел такой красоты! А в поликлиниках вообще никогда не бывал! — говорил генерал. — Посмотрите на москвичей: сколько энергии, сколько уверенности у них в глазах, разве можно сравнить с англичанами? Да и одеты лучше, чем в Лондоне. Подумать только: ведь совсем недавно они ходили в лаптях!

С генералом встречались и бонзы КГБ, и бонзы ЦК, разговоры касались мировых проблем: разоружение, спасение от голода Африки, ограничение власти американских монополий на Ближнем Востоке.

— Ваших людей отличает широта ума! — радовался генерал. — В Англии лица такого ранга не поднялись бы выше дискуссии о местном налогообложении или ценах.

Заботы врачей генерала умиляли — ведь на любом заводе пеклись о здоровье людей, не то что в Англии, где вообще не существовало санаториев и организованного отдыха. Однажды он пожелал увидеть моего коллегу, ветерана 30-х годов, с которым он работал в Лондоне. Просьба вызвала легкий шок, ибо ветеран лет пятнадцать отсидел в сталинских лагерях и перебивался в коммуналке в районе Шмитовского проезда.

Однако просьбу уважили, в комнатухе, уставленной книгами, выпили три бутылки водки и обсудили все проблемы текущего момента.

— Давненько я не имел такой потрясающей беседы! — восхищался

потом генерал Джон. — И самое поразительное — это скромность моего друга, он остался таким же с тридцатых годов, он не выберется из своей комнатухи, пока в СССР не останется ни одной коммунальной квартиры!

Естественно, что важным аккордом было посещение Грузии, где обычно иностранные визитеры под воздействием вина, хоровых песен и горного воздуха быстро теряли остатки критичности и целиком попадали во власть положительных эмоций. Теплый вечер на берегах кипящей речки, раскрасневшиеся секретарь обкома, я и генерал Джон, певшие «Интернационал». Пели от души, взявшись за руки, англичанин, русский и грузин, и этот момент человеческого единения был искренен и трогателен, как мечта о братстве людском. Я размышлял: неужели он принимает все на веру? неужели он не видит, что ему втирают очки? или просто это человек, который видит то, что он хочет видеть?

Генерал остался в восхищении от своей поездки.

— Я и раньше не сомневался в правильности вашей политики, но теперь, увидев и страну, и людей, я понял, что служу правому делу. Единственное, что меня несколько резануло: напрасно каждое утро мне подавали на завтрак вазочку с зернистой икрой. Я понимаю, что был дорогим гостем, но в Англии мы, социалисты, к этому не привыкли.

Прошло время, в мир ворвалась перестройка, оплот коммунизма рухнул, генерал Джон совсем отошел от дел из-за солидного возраста, иногда печатал статьи в газетах и даже издал книгу воспоминаний.

Однажды я встретил бывшего коллегу, недавно прибывшего из Англии.

— Как там генерал Джон? Наверное, страдает из-за того, что рухнула система?

Коллега хитро сощурил глаза.

— Очень бодр и очень рад успехам демократии в России. Купил имение в графстве Кент, там у него отменное поле для гольфа. Уверен, что рынок укрепит благосостояние нашей страны, и победят идеи, которым он служил. Жаловался на вечный сон Англии и завидовал нам — ведь у нас никогда не скучно. Да, еще рассказал историю. что-то о войне.

— Как варили кошку под Арденнами?

— Совершенно верно. «Знаете, что это такое, капитан Джон? Настоящая кошка! Я сварил вам кошку!»

Крепкий орешек.

В жизни важно не изменять принципам, господа.

Прелестная воровка

Не таким уж исчадием ада был Джакомо Казанова, он не только помогал вдовам превратиться в мальчиков, но и вел философские беседы с Вольтером и Руссо, и музыкой не брезговал, еще юношей играл партию второй скрипки в театральном оркестре, сам недурно сочинял. Но конечно же талант его расцветал в полной мере за игорным столом в компании аферистов — умением облегчать кошельки он владел в совершенстве. И печальная старость, представить только бывшего соблазнителя приживалой в богемском замке, где над ним издевалась челядь и служанки нагло хохотали, когда старик (он еще недотянул до шестидесяти лет) запуская им руку под юбки. Ревматик и сифилитик, презиравший, как все шпионы, шпионов («Некий Мануцци, шпион совершенно мне неизвестный, нашел средство познакомиться со мной, предлагая мне купить у него в кредит алмазы»), Казанова мечтал об атласной женской коже, о любви — и шуршали на столе пожелтевшие письма, локоны, счета. Как везло Казанове! Он даже не искал женщин, они сами искали его, они готовы были служить ему верно (и вечно), они уже были готовыми агентами.

Поиск человека для вербовки — это тяжкий труд, причем чем больше ищешь, тем ниже результат, а когда отдыхаешь и дуешь «гиннес» в пабе, вдруг волею случая являются Он или Она. Это судьба. Это везение.

А мне не везло, хотя я землю рыл носом.

Но однажды свалилась все же с неба звезда. Голландская консульская секретарша Мишель — дебелая дама лет тридцати, глазки маленькие и хитрые, лицо мучнистое, с подвижными бровками, похожими на игривых червей, киселеподобная, скучная, как сова, с ужасным английским (по два раза переспрашивала) и замедленной реакцией, превращавшей беседу с ней в пытку. Но все это меркло на фоне главного: Мишель располагала чистыми паспортными бланками, всегда необходимыми нашей службе нелегальной разведки для оснащения нелегалов — купцов с голландскими сырами и нелегалов-цветочников и цветочниц, торгующих голландскими тюльпанами.

Однако надежда на успех не вдохновляла: коммунизм Мишель почему-то ненавидела, зарплату получала раза в три больше, чем я, — на какого же живца брать эту золотую рыбку? Правда, по ее лепешке-физиономии бродила некая мистическая дымка, именуемая на шпионском просторечии вербуемостью, бесполезно ее определять научно, это — как любовь и

ненависть, как 24-й прелюд Шопена, как гром и молния или лермонтовское «Пускай она поплачет, ей ничего не значит».

В народе распространено мнение, что в разведке все дозволено, и уж тем более соблазнение женщин ради высших интересов государства, однако на деле разведчик и шагу ступить не может без приказа резидента и Центра, и, когда на горизонте появляется женщина, кагэбэвский Джеймс Бонд сразу напрягается и ощущает особый контроль. Двойную заботу о себе я почувствовал уже при первом докладе о Мишель резиденту — он был интеллигентен на вид, не слишком опытен в делах шпионских (до этого командовал филерами в Азербайджане).

— Ведите себя осторожно, держите ее на дистанции и хорошо изучите. Кто у нее родственники, с кем она общается здесь. Работайте аккуратно, — напутствовал он. — Помните, что вокруг враги!

После первого ужина в китайском ресторане я, как истинный рыцарь, довез даму до дома на такси, и вдруг: «А может, зайдете ко мне на кофе?»

Предложение застало меня врасплох, при других обстоятельствах я, возможно, и выпил бы кофе (сжав надежно ноги), но вспомнил строгий наказ резидента и со вздохом заметил, что мне еще надо на работу в посольство.

— Как поздно вы работаете! — удивилась она. (Еще бы! было десять часов вечера!)

Резидент мое поведение одобрил, но предупредил:

— Ни в коем случае не заходите к ней домой. Вам я верю, но она ведь может сделать черт знает что: и брюки вам расстегнуть, и на колени плюхнуться, и раздеться догола. тьфу!

Знаю я их!

Следующий ужин, масса информации, среди которой важная мысль, что, мол, иногда хочется съездить в Амстердам, но это дороговато. Неужели намек? Неужели нуждается?

Элегантно подвез к дому на такси. В животе мягко переливалось отменное пуи и допереваривалась утиная грудка.

— Может, выпьем кофе?

— Извините, я опять сегодня дежурю. очень много работы.

— Какое у вас странное посольство, столько народу, и все равно много работы.

Весьма неприятное чувство отказывать даме в подобных обстоятельствах, тем более не все понимают приглашение на кофе столь прямолинейно, можно ведь выхлебать чашку, расшаркаться и уйти — не вцепится же она в брюки и не потянет под балдахин.

На следующий день я явился к резиденту.

— Я чувствую себя полным идиотом, к тому же еще хамом. дайте я зайду хоть на пять минут.

— За пять минут много можно сделать. Она интересная?

— Уродина! (Говорил от души.)

— Уродины — самые опасные. Красивые — избалованы, а эти всегда извращенки, всегда тянут в постель и, между нами, весьма темпераментны (жирноватый хохоток). Она пьет?

— Почти нет.

— Курит?

— Довольно много.

— Вот-вот, курящая женщина напоминает пепельницу. (Хохоток, я тоже поддакнул, хотя слышал это гениальное бонмо еще в раннем детстве.) Никаких кофе на дому! С женой пейте!

Прошло еще два ужина, отношения наши теплели, и я даже предложил одолжить деньги на поездку в Амстердам, Мишель не отказалась, снова приглашала на кофе, но. приказ есть приказ. Но главное: готова принять дружескую помощь, это уже шаг вперед, это уже перспектива. Однако приглашения на вечерний кофе превращались в фарс, и я решил сменить вечер на день. Конечно, это был шаг назад: ланч обычно ограничен двумя часами, к трем рестораны закрывались, зато днем джентльмену можно и не провожать даму до дома, достаточно снять котелок, поцеловать руку и помахать вослед стеклом.

На первом же ланче случилось ЧП: после кофе Мишель вдруг ухватила ресторанный пепельницу и быстренько сунула ее к себе в сумочку — куда девалась только ее флегматичность!

— Что вы делаете? — У меня замерло сердце.

— Я коллекционирую винтажные пепельницы с ресторанными названиями. — Червячки жалобно запрыгали.

— Давайте купим!

— Они не продадут, это же специальный заказ.

Я осторожно посмотрел по сторонам — вокруг никого не было, вряд ли на выходе подбежит официант и потребует открыть сумку.

Очередной ланч в другом ресторане — и снова кража пепельницы, просто ужас какой-то!

— Далась вам эта коллекция! Подумаешь, пепельницы. — Я уже чувствовал себя соучастником.

— Вы хотите, чтобы я коллекционировала Рубенса? — Повевало ледяной иронией, но я это легко стерпел: в конце концов, и похуже можно

ожидать от леди, если постоянно увиливать от чашки кофе.

Сначала резиденту я о кражах не докладывал, но, когда Мишель стянула уже четвертую, решил все же рассказать. Чем дальше я углублялся в повествование, тем серее становилось его красивое лицо, оно постепенно принимало трагическое выражение, лоб покрылся морщинами, даже залысины стали больше, нос превратился в иронический крючок, рот кривила сардоническая улыбка. Он мгновенно постарел на несколько лет.

— Я на вас удивляюсь, — сказал он, сдерживая гнев. — Чувствуется, что вы никогда не работали в контрразведке. Неужели вы не видите, что вам готовят провокацию: она крадет пепельницу, врывается полиция, фотографы, вас арестовывают.

— Но ведь не я украл пепельницу. — возразил я слабо.

— Вы просто ребенок! Кто будет разбираться? Из-за вашей халатности мы получим очередную шпионскую сенсацию в прессе, уж Центр нам за это нахлопает!

В последнем я не сомневался: Центр всегда поправлял, направлял, давал втык, Центр всегда был прав, и знал это.

— Что же делать? Я как раз планирую попросить у нее голландский паспорт. И простить долг (деньги на поездку я уже всучил).

— Как что? — удивился резидент. — Прекратить встречаться в ресторанах. Ни дома, ни в ресторане. Либо найти такой, где не курят. Хотя, она может украсть и вилку, и вазу с цветами.

— Но она курит.

— Перетерпит. (Хохоток.)

— Кстати, я ни разу не видел таких ресторанов.

— Надо лучше изучать город, наверняка такие есть, ведь должны быть рестораны для некурящих!

«В Азербайджане», — подумал я зло.

— Разрешите идти?

— Пожалуйста, — сказал резидент.

Он снова стал красивым и даже добродушным.

...Сначала мы гуляли по улице, затем перешли в парк, вдруг заморосил мелкий дождик (к счастью, у Мишель был зонт). Разговор на улице среди прохожих и шумевших машин был совсем иным, чем за ресторанным столом, фразы не клеились, расплзались, в этой обстановке не только просить бланк паспорта, вопросы неудобно было задавать. Проклятый дождик! Ну и совиная рожа, белая, противная, эти черви-бровки, ползучие гады, с такой выпить чашку кофе и дать деру, ну и харя! к тому же ворюга, и чего я с ней вожусь? подумаешь, паспортные бланки, велико счастье!

Холодно, зябко, неужели я так и буду встречаться с этой финтифлюшкой на улице до самого конца командировки? Да катись она.

После встречи я направился прямо в начальственный кабинет.

— Опять украла?! — Он прочитал что-то на моем лице.

— Мне пришлось зайти к ней на кофе, — соврал я, нарушая все уставы и чувствуя себя преступником и врагом народа.

Он окаменел и оледенел. Надвинулась тяжелая пауза, и стало слышно, как мерно тикают напольные часы.

— Вы с ума сошли!

— Она купила по дороге ручную швейную машинку, и мне пришлось донести ее до дома. (Я долго думал перед этим, что бы такое придумать, и остановился на швейной машинке, хорошо, что не на трельяже с зеркалом.)

— Какой марки машинка? — Истинный контрразведчик въедлив и ценит детали.

— «Зингер». (Такая была у бабушки, единственное, что я знал.)

— Как она себя вела?

— Довольно любезно. Села рядом, налила кофе.

— И что? — Он занервничал.

— Как что?

— Не приставала?

— В каком смысле? — Я стал наивен, как дитя.

— Ну, положила руку на колено. или еще куда. — Он растопырил пальцы (что он имел в виду, до сих пор остается для меня загадкой).

— Поцеловала в щеку. Но по-братски.

— Как так по-братски? — Он начинал превращаться в своего трагического alter ego.

— Просто так, — нейтрально ответил я и для убедительности заморгал.

Он нахмурился и картинно забарабанил пальцами по столу, они были покрыты мелкими волосиками и чем-то походили на извивавшиеся бровки-червяки Мишель. Под черепом шла напряженная работа мысли.

— Дело приобретает опасный оборот, — сказал он. — Придется встречи с ней прекратить.

— А как же паспортные бланки? — возразил я, ощущая себя великим актером. — Мне кажется, это преждевременно!

— Давайте не спорить. Когда станете резидентом, будете руководить по-своему. А сейчас идите работать.

Я напустил на себя дымы обиды и печали и направился к двери (в душе играли оркестры счастья).

— Интересно, много ли у нее в квартире пепельниц? — спросил он, словно выстрелил в спину.

— Целая куча! — не растерялся я. — Весь дом завален пепельницами.

— Ну и шлюха! Сколько наворовала! Я с самого начала знал, что она — дрянь.

Я взялся за ручку двери.

— А при каких обстоятельствах она вас поцеловала? — Он не успокоился.

— Когда я уходил. На прощание. В щеку.

— Слава богу! — вздохнул он.

Мы оба были счастливы.

Полеты бонвивана

*Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
А там — вороньей шубою
На вешалке висеть.*

О. Мандельштам

В Париже нужно жить, и только жить.

И не просто принимать пищу и вино, платить ренту, сдавать белье в прачечную и ходить на рынок — о нет! в Париже нужно наслаждаться жизнью, словно завтра налетит чума.

Любил бездумно крутить по центру, особенно в районе площади Этуаль, обожал вылететь по авеню Клебер на Елисейские поля эдаким фертом, чертовым миллионером (жаль, что у него скромный «Пежо»!) или медленно проехать по бульвару Капуцинов, словно все капуцины мира, разинув рот, наблюдают, как виртуозно он водит машину.

А вот по Монпарнасу лучше бродить пешком, нечего там пижонствовать на машине, засунуть руки в карманы — и мимо высокомерных «Ротонды» и «Дома» (в сущности, и не понаслаждался ими вволю, визитировал лишь с оперативными связями, а разве это удовольствие?). И тем более только и только на ногах по верхнему Монмартру, где дышалось по-другому, и у ног лежал весь невозможно прекрасный Париж. Там на пляс дю Тетр завертелось, как в сказке, с одной молодой красавицей, учительницей из родного Ельца, пудрил ей мозги, обхаживал луковым супом в раскаленных горшочках и с твердой сырной коркой, бараньими котлетками на косточках и бесподобным бордо замка дю Брейль Киссак.

Класс!

Давно не бывал в Ельце.

Патриархально, словно в глубокой старине, словно не восторжествовала советская власть, зелень выпирает из каждого двора, какие там яблоневые сады! какая рыбалка!

Правда, долго не пробудешь — завоешь от скуки.

Париж — всегда Париж, а весной от него сходишь с ума, и в Москву совершенно не тянет. Да разве там жизнь? Работа у черта на куличках, в

загородном Ясеневе, квартира — в другом конце, в застроенном-перестроенном районе «Войковской», вот если бы жить на Тверском бульваре, а работать в здании «Известий» — тогда совсем другой коленкор! — не вставать в шесть утра, не лететь сломя голову к служебному автобусу, который ожидает у метро в семь и уже набит сонными коллегами.

О, как обрыдли их морды!

По Парижу Виктор Кузнецов мог крутить целый день без всякой усталости, и когда его приятель Извеков в шутку спросил, уж не планирует ли он сменить профессию разведчика на водителя, тот ответил: «Дело в том, что за рулем в Париже я чувствую себя человеком! Человеком с большой буквы!»

И не врал.

Подъехал к дому в переулке у авеню генерала Леклерка, рядом был дивный супермаркет, где он и Дина любили базарить — так они и говорили: «Пойдем побазарим!» — запарковал машину и побрел по авеню.

Взгляд рассеянно упал на витрину, выхватил оттуда позолоченный торшер в виде вытянутой женской статуи, державшей над головой абажур с кистями.

Такое видел то ли в Венсане, то ли в Версале — почему раньше так пышно и роскошно строили и жили? а теперь всех под одну гребенку! — где кавалеры в камзолах и дамы в кружевных платьях, менуэты на зеркально блестящих полах, настоящая жизнь?

В Ельце и в Москве Виктор в музеи не ходил, один раз подружка затащила в домик Достоевского, там подванивало, то ли рыбу жарили по соседству, то ли клей варили, да и вся атмосфера убогая, после этого и читать его противно.

Зато в Париже пристрастился, стал похаживать, можно сказать, увлекся Роденом, но больше по дворцам, где жили высочайшие особы, бултыхались в необъятных кроватях со своими Мариями-Антуанеттами. Резные комоды, изящные гостинные гарнитуры, барокко или рококо, специальные шкафчики-витрины для безделушек, мраморные каминные с барельефами, рядом и медные щипцы, и медный совок со щеткой на случай, если вывалится кусочек горящего полена.

Дина ахнула, когда он приволок торшер, раза три спросила «сколько?», чуть не упала в обморок, узнав, что почти треть зарплаты, не понимала, дуреха, что живем один раз, и красивые вещи суть великолепная часть великолепной жизни, и дело не в дурной казацкой крови (этим она часто объясняла многие его прегрешения), и вообще поменьше о происхождении

(деда-казака расстреляли, но при поступлении в КГБ он об этом умолчал). Стены имеют уши, французские или советские — безразлично. Дина игнорировала его предупреждения, она столько наслушалась о конспирации на специальных курсах для жен разведчиков перед выездом из Москвы, и такие дебилы порой читали там лекции, что после этого нужно было либо сойти с ума и разговаривать с мужем только на улице (и то опасаясь направленных, как растопыренные уши, микрофонов) или под одеялом, запустив пылесос.

— Только говори, что купил торшер по дешевке. — Теперь уже Дина вошла в роль конспиратора. — Все завидуют друг другу, все сплетничают. А вообще, Витя, нам уже точно не хватит денег до зарплаты. Тут такие высокие цены за электричество. тут приходится платить даже за воду. это же ужас!

— А давай жить, как советник Галковский, — засмеялся он. — За пять лет они ни разу не были в ресторане. Говорят, они ходят в сортир по очереди: сначала дочка, потом мама и лишь потом папа, который спускает воду. Огромная экономия.

Дина смотрела на него с восхищением, она любила его за размах, за пьянство, за мотовство и даже за то, что он иногда изменял ей с заезжими советскими актрисулями, особенно с циркачками, регулярно баловавшими парижан гастролями.

Греховные следы она обычно замечала в машине (куда еще податься несчастному разведчику?), удобной и просторной, находила там гребенки и тюбики помады, волосы и шпильки, а однажды обнаружила на обшивке салона дыры, явно пробитые острыми каблуками — какие танцы исполняли в машине, можно было только догадываться.

Прикрытие вице-консула совершенно его не выматывало, хотя консулу, «чистому» мидовцу и балаболке, он постоянно жаловался на перегрузки. Работа детская: прием с десяти до двух, проблемы виз, наследства, гражданства, и все одно и то же, и никакого просвета.

Однажды явился статный старик с розоватыми щеками, аккуратной прической и манерами, от которых веяло утонченным аристократизмом.

— Константин Щербицкий, — представился он. — Не знаю, как вы отнесетесь к моей биографии, но не привык врать: в молодости я служил у генерала Врангеля до тех пор, пока из-за предательства англичан, французов и прочей сволочи нас не выбросили из Крыма.

Заявление сие не привело Кузнецова в восторг: белые навсегда оставались врагами красных, проку от них для разведки — как от козла молока, вербовать рискованно: французы держали их на крючке, как

потенциальную «третью колонну».

Чего изволите?

Сущйй пустяк: совершить вояж в Калугу, где рядом до революции было родовое имение, там родился. Но увы, такого маршрута в Интуристе нет.

И хорошо, подумал Кузнецов, зачем показывать иностранцам затхлую провинцию, если почти каждый месяц взлетают в космос спутники, потрясает Большой театр и функционирует украшенное золотое кольцо?

— Может, в Москву или Ленинград? — бывший враг советской власти не вызывал у Кузнецова никакого интереса.

— Никогда не выносил столиц! Петербург и Москва — губители России! — сказал старик с пафосом. — Хочу перед смертью в родные места.

И вдруг Кузнецов вспомнил патриархальный Елец, наверное, похожий на Калугу, и представил себя старым, почти столетним (ему казалось, что жить он будет долго-долго), тоскующим в Париже по родному Ельцу — о, этот Елец! — и самоуверенного хама, жаждущего от него отвертеться.

И стало стыдно, случается же такое с секретными сотрудниками!

— Хорошо, я попытаюсь что-нибудь сделать для вас, не обещаю, что выйдет, но попытаюсь.

— Спасибо! — старик встал и протянул свою визитную карточку. — Я был бы очень рад, если бы вы согласились отобедать со мной. В русском ресторане, разумеется.

И отобедали.

С балалайкой, расшитыми русскими рубашками, с густым борщом и пельменями и с прочей клюквой.

И старик оказался интересным, читал под борщ Гавриила Державина: «Багряна ветчина, зелены щи с желтком, румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны, что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером там щука пестрая — прекрасны», эрудированный старичок, не жмот.

— Вы когда-нибудь здесь бывали? — спросил Константин.

— Впервые. Все-таки это ресторан врагов народа. — и на юмор был способен, не слишком тонкий, но все же.

Старик вздохнул:

— Беда в том, что вы действительно в это верите.

Ну вот, началось! Только еще не хватало копаться в прошлом, ставить под сомнение итоги гражданской войны и вообще. Зачем лишние слова? Надо поехать, посмотреть на достижения и на жизнь рядовых граждан, на метро и троллейбусы, на новостройки, заглянуть в школы и детские сады.

Это в Москве, без нее нельзя. Потом — в Калугу.

Говорил заученные фразы, всматриваясь в худющую даму с красной розой на черном платье, она пела со сцены, блеск, а не дама.

Здесь похоронены сны и молитвы,
Здесь под небом Парижа влажнеют глаза:
Корнеты, поручики, гардемарины.
Здесь порядно лежат голубые князья.
Белая гвардия, белая стая,
Белое воинство, белая кость.
Влажные камни травой зарастают.
Русские буквы — французский погост.

Кузнецов славно выпил, размяк, с нежностью заговорил о Париже.

О, Париж!

И вдруг:

— Никогда не любил этот сутенерский город! Кем только я тут не работал! И таксистом, и рыбьим жиром для свиней торговал! И это я, гвардеец, потомок князей Щербицких! Как я ненавижу всех этих подлецов французов! Вместо того чтобы давать нам деньги и оружие, испугались своих вонючих пролетариев и позорно нас бросили на произвол судьбы. А потом? Тихо и мирно признали большевиков. Убийц признали!

— Но ведь Россия за вами не пошла, — возразил Виктор мягко, боясь обидеть.

— Россия поверила демагогии ублюдков. масонам вроде Керенского, Корнилова, Колчака. Кем они были до государева отречения? Дерьмом собачьим! И вообще наш народ — как воск, он покорен, глуп и доверчив, это нация детей!

Столь безжалостное отношение к соплеменникам сначала покорило, а потом он подумал: прав старик, прав, чего ж обманывать самих себя? Нация разгильдяйская, хотя и добрая: крови проливали поменьше, чем на Западе. Подумаешь, Иван Грозный порешил тысячи четыре, а ведь сколько тысяч гугенотов вырезали лишь в Варфоломеевскую ночь! И вдруг в семнадцатом залились кровью, а потом подчинились сталинскому топору и воле партии.

— У нас в коммунистической партии другое отношение к русскому народу, — заметил Виктор, но Щербицкий лишь махнул рукой: мели, Емеля, твоя неделя. По дороге домой стало стыдно: хамелеон, сволочь, а

старик — молодец, рубит правду-матку, кто знает, может, служил вместе в Крыму с дедом-атаманом, отец его частенько вспоминал, хотя о прошлом тоже помалкивал, вспоминал, когда напивался, облачался в черкеску с пустым серебряным патронташем на груди, брал гитару, пел «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды, над озером быстрая чайка летит» и, дойдя до места «но выстрел раздался, нет чайки прелестной», неизменно пускал скупую слезу.

Какая была черкеска!

Совсем недавно он купил по случаю такую же, удивил Динку, войдя в полном казацком одеянии, тут же выпил, завел разговор о деде и о дядьке, который, оказывается, попал в каталажку за какие-то политические дела на Кубани, а во время войны загремел в плен и исчез.

Теперь уже Дина его сдерживала и показывала пальцем на потолок, словно именно там натыканы «жучки».

Резидент КГБ во Франции, низкорослый брюнет с укусным выражением лица, людей не любил и считал, что все они суки, последних, наоборот, уважал и даже имел болонку. Кузнецова не жаловал за высокий рост и красивую наружность — беда всех уродливых карликов.

Выслушав доклад о встрече со Щербицким, он сморщился (словно в горшок с головой залез) и заметил, что белая гнида и старый пердун советской разведке совершенно не нужен, нечего ему устраивать сентиментальных свиданий с родиной и тратить драгоценное время. Но Виктор настаивал: старик энергичен и здоров, дай бог всем, у него куча связей, имеются дети и внуки (в перспективе могут тоже быть агентами!), почему бы его не использовать для дела?

— Что мы теряем, Александр Александрович?

— Ну ладно! — махнул рукой резидент, совсем окислившись. — Посмотрим, что из этого выйдет. Как говорил наш великий немец, а точнее, еврей Энгельс: «Для того чтобы оценить йоркширский пудинг, его надо съесть».

Санкция была получена, и вскоре Кузнецов побывал на дне рождения Константина Щербицкого: стол в лучших традициях, вокруг одни эмигранты, кроме улыбчивого Жерара Камбона, мужа дочери, занудного французика с бегающими глазами мелкого воришки.

Беседа шла легко и весело под водку на лимонных корочках хозяйского изготовления, Виктор сентиментально рассказывал о России, словно зазывал на родину, что может быть лучше поездки куда-нибудь в Ростов Великий с ночевкой в монастыре прямо у озера?

Щербицкий принес гитару, вручил вице-консулу.

Белая гвардия, белая стая,
Белое воинство, белая кость.

Советский — а поет, не боится, искренний парень.

Надрался, хотя Дина удерживала, но не в смысле бессвязности, заплетающихся ног и головы в унитазе — такого никогда не бывало. Выглядел совершенно трезвым, словно резидент Александр Александрович, который свое отпил и зашил, как трепались злые языки, в одно место ампулу или что, то-то он злющий, словно кастрат на голой девке!

Поболтал с Жераром, пропустили по рюмке-другой, тот оказался чудесным человеком, проникся, готов был помочь с бытовыми проблемами, как в ответ не поделиться казацким происхождением и не прихвастнуть, что дядя, наверное, живет в Париже? А почему бы нет? Почему бы пропавшему без вести дяде не поселиться здесь?

Жерар удивился: с каких это пор русских выпускают при родственниках за границей? Где работает дядя? Сколько ему лет?

А фиг его знает, может, и не в Париже, а в Нью-Йорке, и вообще это — государственная тайна.

— Как говорила мадам де Сталь, в России все — тайна, но нет секретов, — съязвил Жерар и пообещал показать Виктору истинный Париж, известный только его жителям.

Виктор поцеловал дамам ручки, как на светском балу, старался не слюнявить белую кожу — уже чуть развезло. В машине обмяк, никак не мог объехать цветочную клумбу, а она оказалась упрямой и не двигалась с места.

Дина молчала, только тихо ахала, знала, что в таком виде лучше его не трогать.

Преодолел клумбу, объехал-таки, чуть зацепив бампером стоявшую машину, на трассе развил предельную скорость, задремал у красного светофора.

Дома достал бутылку фундадора, испанское пойло, настоянное на клопах и предназначенное для советских бедняков, переоделся в казацкую форму, и долго еще летало по квартире «Белая гвардия, белая стая.».

Он и не подозревал, что попал в активную разработку: Жерар Камбон, милый родственничек Щербицкого, работал на самом деле не в частной фирме, а в контрразведке, об этой страшной тайне даже жена не подозревала.

— У моего тестя появился знакомец из русского консульства, между прочим, приятный парень, легко сходится с людьми и глушит водку, — доложил он шефу утром, улыбнулся и поправил бордовый галстук, сочетавшийся с темно-синим костюмом, на большую игру красок чиновничье воображение не замахивалось, к тому же брюнет — во всем брюнет.

— Наверняка он работает в КГБ! — засуетился шеф. — Если глушит и свободно держится, значит, шпион! О, как они умеют пить! Однажды на приеме в русском посольстве я вычислил всех и по тому, как держат рюмку, и как бегают глазами по залу в поисках контактов! — шеф в прошлом работал психологом, отсюда все плюсы и минусы, pros & cons.

Ясно, но нужны более полные данные.

Подключить чудеса техники, усилить контроль за режимом дня, покопать связи, причем интенсивно, а не от случая к случаю.

Через месяц на столе лежал документ с компрами: бездумно тратит деньги, которых вечно не хватает, опять же водка и песни дома, конечно, не страшный криминал, в колонии все подраспущены, но зачем напяливать на себя казацкую форму? Зачем?

И что это за дядя?

Камбон запустил проверку в муниципальный архив и, к ужасу своему, обнаружил, что в Париже проживало около шестидесяти Кузнецовых, по своим приблизительным параметрам походивших на дядю.

Нет ничего милее людей, оказывающих бытовые услуги чужестранцам, и радости Кузнецовых не было конца. Разве не небо ниспослало этого милейшего француза? Многие проблемы он решал легко и просто, например покупку мебели для московской квартиры, кожаной, черт побери, с огромнейшей скидкой. Да и кто лучше Жерара был осведомлен о расписании парижских распродаж, кто лучше него знал магазины, где не бесстыдно надували наивных русских, а продавали высококачественный товар, причем за сносную цену?

Жерар научил пить перно, открыл кабаки, где протирали стулья великие, туда порой Кузнецов хаживал в гордом одиночестве ради собственного удовольствия, брал, как какой-нибудь Андре Жид, лишь рюмку анизет де рикар и задумчиво смотрел через окно на монотонный поток автомобилей, погруженный в фабулу своего будущего романа. Раскрывал газету, небрежно пролистывал ее, закуривал голландскую сигару, блаженно окуная губу в рюмку.

Однажды с помощью французского друга приобрели настоящий чиппендейльский диван, восхитительно красный, от такого весь

московский бомонд ахнул бы, наметили приобретение персидских ковров, хрустальных люстр и карнизов для штор.

Француз вел свою игру, русский — свою: оба затягивали в западню.

— А мог бы ты помочь мне в более серьезном деле? — спросил Кузнецов.

— Если смогу. Мы же друзья, — чуть напрягся верный друг.

— Одному русскому министерству очень нужна электронно-вычислительная машина последнего поколения. Но КОКОМ, как известно, наложил эмбарго на экспорт в СССР. Она почему-то считается стратегическим товаром.

Сволочь, подумал Камбон, а какой же еще это товар? Не зубная же паста!

— Чем же я могу помочь?

— Выехать в командировку в Индию, открыть там на свое имя фирму и купить эту ЭВМ. Переправку ее в Союз мы берем на себя. Ты получишь очень хорошие комиссионные.

Для приличия Камбон помялся, поерзал на стуле, задал несколько наивных вопросов о технологии переброски ЭВМ, попросил время на раздумье и вскоре забросил ответный крючок: дядя Виктора действительно жил в Париже и умер всего лишь несколько лет назад, правда, удалось найти дружка покойного, он все это и рассказал.

Печальное известие, у Кузнецова даже слезы на глаза навернулись, грустно без дяди, словно прожил с ним многие годы и вдоволь погутарил о жизни.

— Давай выпьем за упокой его души, Жерар.

Друзья подняли бокалы, хороший тост.

Странная это штука — отсутствие корней, сначала этого не ощущаешь, шагаешь по жизни с партбилетом на груди — какое кому дело до прошлого, когда все мы в будущем? — потом прорезывается интерес, перерастает в любопытство, а дальше просто жжет, не дает вздохнуть: что там было? что за предки? как жили и что во мне от них?

Корни хватают за горло, отодвигают текущее в тень.

Так и с дядей. Черт возьми, у него ведь родственники на Кубани! Поехать потом туда, всех разыскать, все рассказать! У них узнать побольше об отце, обо всей семье. как он раньше до этого не додумался!

Шеф контрразведки нацелил Камбона на психологическое изучение объекта, всей подноготной вплоть до болезней его предков и перипетий детства — сказывался обожаемый Фрейд, о котором шеф написал в свое время целую монографию.

Так хотелось иметь красивое дело! Доложить лично министру, поднять престиж великой Франции внутри НАТО!

В конце концов, надоели ухмылки министра по поводу несовершенства службы, ему все время союзнички тыкали в нос своими успехами: то перебежчик с сенсацией, то мощная высылка дипломатов, то русский шпион, ухваченный в Лондоне у тайника, прямо на месте преступления. А Франция — будто и не великая держава! Раньше, бывало, сколько русских драпало в Париж, а в последние годы — с гулькин нос. И самое ужасное даже не это: за последние годы не удалось французам завербовать ни одного кагэбиста, ни одного, черт бы их всех подрал! Позор! Как же не появиться обиде и зависти к союзническим спецслужбам? Если к этому добавить несколько случаев, когда советские резиденты во Франции очертя голову уматывали в Англию, чтобы там завербоваться, то волосы встают дыбом: почему? чем обидели? чем не понравились? за что такая дискриминация? В НАТО поговаривали: побегии кагэбистов из Парижа в Лондон не случайны: французские спецслужбы пронизаны советскими агентами, просить убежище во Франции небезопасно, можно незаметно оказаться и на Лубянке.

О, если бы затянуть в сети этого русского! Открыть наконец счет, возможно исторический!

Дело решили лепить на дяде — идея, кстати сказать, психолога-шефа, считавшего, что антисоветизм имеет генетические корни, ergo: борцы с большевизмом дед и дядя передали этот настрой внуку-племяннику.

К разработке подключили русского белогвардейца, высвечивающего жизни своих соотечественников еще с довоенного времени. Бывший белогвардеец Василий Янков, давно уже архивный агент, а раньше статный красавец и танцор (один раз исполнял чечетку прямо на столе в «Максиме», где отмечали юбилей генерала Кутепова, жонглировал кинжалами с зажженными рукоятками), вкус к оперативной работе не утратил и ныне.

Правда, шеф считал его полным дураком — возможно, и дурак, а разве прославленная Марта Рише, околпачившая немцев, не была шлюхой и идиоткой? Больше шлюхой, чем идиоткой, настаивал шеф. А служивый в немецком посольстве по кличке Цицерон, кравший шифры у германского посла в Турции, вообще писать не умел, и был тупым, как утюг. Если дурак, то это надолго, обобщал шеф. Все относительно, упорствовал Камбон, Клемансо в свое время тоже считался полным кретином, потом его вознесли, как гения.

Обмозговали со всех сторон и порешили сделать ставку на Петкова — на безрыбье и рак рыба.

А у Кузнецова легкие неприятности: приятель Извеков, у которого вечно дурно пахло из синегубого рта (а ведь интеллигентен на вид, по-французски шпарит, словно Бальзак!), тот самый Извеков, восхищавшийся Диниными борщами, взял да и настучал шефу: мол, приобрели супруги шикарную кожаную мебель, по средствам ли?

Александр Александрович вызвал на ковер, легко позондировал, получил объяснение, что мебель куплена с огромной скидкой с помощью Камбона, коего поручено затягивать на бытовке, чего еще? Тут Кузнецов сообщил о согласии француза уехать на подвиги в Индию — серьезный сдвиг в разработке, запахло приличной вербовкой, если, конечно, притащит образцы.

Все равно резидент побурлил, поговорил о вреде пьянства, посоветовал не терять чувства меры, вести здоровый образ жизни, ходить в бассейн, пораньше ложиться спать et cetera, et cetera. Кузнецова озадачил, отправил домой, а сам долго не мог успокоиться, вспоминал боевую молодость: ведь горел огнем, ведь вербовал направо и налево, заливая успехи высококачественным спиртным. Потом пришлось завязать: вырулил на руководящую работу, маленький, черненький.

Камбон готовил Василия Янкова к операции, кормил агента в ресторане. Тот дорвался, ел жадно, стыдился этого, старался замедлить темп, но не получалось — время от времени поднимал слезящиеся глаза на Камбона.

Хоть и развалина, но блеск в очах еще сохранился, морда явно склеротическая, хитер по-плебейски, прямо скажем, не Вольтер, а что делать? Редко встретишь по-настоящему умного агента, занятие все-таки не самое почтенное, и это ужасно, и всегда угнетает любого честного сотрудника секретной службы.

Но дело есть дело, Жерар со слов Кузнецова приблизительно описал внешность дяди (Виктор помнил лишь расплывчатую лысину и добрую улыбку, тут даже Ленин сошел бы), и даже начертил карандашом его приблизительный портретик. Разработали легенду знакомства с дядей, конечно же на вечере памяти Ивана Бунина (не в пивной же!), где собирался весь цвет тогдашнего казачества, для убедительности нужны детали: в перерыве столкнулись в буфете (где еще могут встретиться русские?), выпили, разговорились, прониклись.

— Надеюсь, что вы оправдаете наше доверие, — сказал Камбон и достал сигару. По-лакейски улыбаясь, Янков достал спички и дал прикурить.

Вскоре Жерар затащил Кузнецова на квартиру к Янкову, на деньги

французской контрразведки (у шефа душа переворачивалась от скупости, но все-таки отвалил) Василий накупил черной икры и закатил настоящие блины.

Во время пиршества и поведал историю своей дружбы с дядей Николаем Григорьевичем, хорошим и отзывчивым человеком (словно прямо из некролога).

— Ваш дядя был герой. большевиков, извините, за людей не считал.

Прекрасный идеологический ход, своего рода зондаж: возмутится или нет из-за славных большевиков.

Виктор не обратил никакого внимания, зато огорошил:

— Где он похоронен?

Янков захлопал глазами, потер лоб.

Идиот, что ты не телишься? Скажи что-нибудь! Конечно, промашка моя, ах эти легенды, разве можно все предусмотреть? — мысленно сокрушался Жерар, он даже вспотел и чувствовал, как из-под мышек поднимается кислая вонь, словно открыли столетней давности сундук с барахлом.

— Ты же говорил, что на русском кладбище, на Сен-Женевьев-де-Буа! — вмешался, не выдержав, Жерар.

— Господи, совсем память отшибло, проклятый склероз! — запоздало нашелся Василий.

— Так поедem сейчас туда! — предложил Кузнецов, разгоряченный водкой.

Господи, какой ужас, как я влип! Любой непродуманный экспромт таит тысячи мин, дернуло же за язык с этим кладбищем — Жерар от волнения выпил целую рюмку.

— Сейчас. сейчас я не готов. — заблеял Василий.

— Тогда завтра!

Жерар сильно нажал под столом на ногу идиота, да так больно, что тот чуть не заорал, забежал глазами, но ничего не понял — как истолковать этот тайный жест ноги? Завтра или послезавтра? Или никогда?

— Завтра? Хорошо.

Сволочь, дурак, зачем ты согласился? шеф был прав: с идиотами каши не сварить! что делать? какой выход?

Жерар распустил воротник рубашки и выпил еще стопку, затем еще. сейчас бы уйти, посоветоваться, но обещал Кузнецову досидеть до конца, не каждый день такая радость.

Вечер катился по всем неписанным правилам русской пьянки, звучали тост за тостом, брэнчала гитара, которую принес хозяин, и Виктор орал:

«Белая армия, белая стая.»

В десять, еле ворочая отходящим в небытие сознанием, Жерар обильно поплевал в туалете и, не простившись с забулдыгами-русскими, выполз на улицу.

Шеф-психолог любил засиживаться допоздна, поразмыслить в одиночестве над бумагами (кстати, режим сей был придуман неспроста, раз в неделю после работы его принимала любовница, подруга еще с институтской скамьи, тоже по части психологии, а жена была как Отелло в юбке), он уже собрался домой, когда грохнула дверь и на пороге появился растерзанный Камбон.

— Несчастье, шеф, этот дурак сказал, что дядя похоронен на русском кладбище. Кузнецов уже рвется туда.

Все-таки психология — элитарная наука, она учит уму-разуму, и шеф не чесал со скрипом голову, а нашелся сразу: повелел Жерару привести себя в порядок (тот заерзал рукой по ширинке, словно только в ней и было дело), прекратить причитания, срочно выехать с бригадой на кладбище, срочно найти достойное место, срочно сделать крест и срочно имитировать могилу.

Проникнуть на кладбище ночью — все равно что в шифровальный центр, задача неразрешимо трудная.

Шеф прибег к помощи своего министра, тот позвонил мэру города и поднял его с постели, пришлось объяснять все происками таинственной банды, нашедшей укрытие среди могил. Последовало указание чиновнику, связанному с кладбищами, тот позвонил смотрителю в Сен-Женевьев-де-Буа и приказал допустить туда полицию.

Всю ночь по русскому кладбищу, словно мрачные призраки, затеявшие шабаш, деловито бродили контрразведчики, освещая могильные плиты фонарями, никто из них и понятия не имел, что тут покоились великие люди России: и Бунин, и Шмелев, и Зайцев, и Алданов.

И вдруг неожиданная удача: среди похороненных офицеров дроздовского полка обнаружили некоего Кузнецова, инициалы имени и отчества были затерты. Пришлось решиться на кощунство и их проставить (естественно, с расчетом все восстановить в прежнем виде, не будет же этот русский псих регулярно бегать за город на могилу дяди?), разбудили гравера, взяли у него подписку о неразглашении тайны, и к утру работа была закончена.

Утро это оказалось необычным и для Виктора Кузнецова: раскрыв глаза, он с удивлением обнаружил себя на чужой кровати, рядом с храпящим, гнусного вида старцем. Вспомнил, что напился в дупель и внял

призывам Дины (ей ухитрился позвонить ночью по телефону) и не сел за руль. Виктор с удовольствием ткнул старика в бок, тот проснулся и тоже обомлел от вида незнакомца, в голове еще бродил туман, новые друзья легко опохмелились и выхлебали по тарелке кислых щей.

Дабы дурак Янков опять не нарубил дров, Жерар взял операцию под свой контроль, подкатил на машине и повез обоих прямо на кладбище.

Возложили розы, Виктор чуть прослезился, Янков присоединился, Жерар повздыхал.

Тем временем дело о въезде Щербицкого разрешилось положительно, и тот вскоре оказался в Москве. Столица отнюдь не очаровала его, особую ненависть вызывали коробкоподобные дома, загадившие старомосковские улицы, зато он проникся любовью к кремлевским соборам, побывал на службе в Елоховской церкви, был принят сановной церковной особой в Коломенском, где ужинал в краснокирпичном домике с дивным видом на Москва-реку. Правда, у Мавзолея Ленина, оглянувшись и убедившись, что на него никто не смотрит, старик плюнул на бульжники Красной площади, напугав сидевших рядом голубей. Эскортировал Щербицкого гид-агент КГБ, пекущийся о светлом имидже социализма и одновременно, согласно плану, поднимавший авторитет Кузнецова: и влиятельная персона, и добрейший человек, такому нужно быть обязанным по гроб.

— Товарищ Кузнецов просил свезти вас в Вязки под Калугой, обычно мы это не практикуем, но для вас сделаем исключение. Помните, Пушкин писал: «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»?

Пушкина Константин помнил, а вот о Вязках сохранились лишь туманные осколки воспоминаний: катание на санках с горы, когда он врезался в дерево, и уже дома мама прикладывала к голове мокрое полотенце, пасхальную гонку на птице-тройке («слышен звон бубенцов издалика» — пели самозабвенно), острые покусывания ветра, начиненного снежинками, церемонные обеды, на которых ему всегда доставалось за лишнее слово или за без спроса взятое пирожное (зато, когда разбил тарелку Веджвуда, никто даже бровью не повел). Да и не мог он помнить имения, ибо отец продал его, когда сыну исполнилось пять лет, и вся семья переехала в Харьков, а потом началась война, и совсем юный Константин добровольцем ушел в армию. Дальше две революции, гражданская война, все вертелось и крутилось как во сне, пока не закончилось в Париже.

За километр от Вязков машина застряла в грязи, и Щербицкому с гидом пришлось идти пешком. Кривые дома с полуразрушенными оградами, пьяный мужик в рваном ватнике, спящий в луже, коровы и козы, мирно обкладывающие дорогу своими шариками, буйная березовая роща,

молодуха с коромыслом через плечо (словно с картины Кустодиева, откуда такая в этой дыре? кто тут остался? нормальные люди ведь давным-давно сбежали в город!), группа добрых алкашей, галдевших, словно вороны, около сельпо, они заулыбались хорошо одетым, помахали.

Около призрачного скелета церквушки, усеянной зловещими воронами, к ним присосалась ветхая старушка.

— Вы чьи будете? — задрезжала она.

— Да жил я здесь когда-то, — ответил Щербицкий. — Тут дом был белый, большая усадьба.

Старуха не понимала, хлопала глазами, и Щербицкому стало противно: зачем он сюда приехал? все равно уже не вернуть того мальчика в матроске, бегавшего по липовой аллее парка! Старуха вдруг напряглась и по-пролетарски озлобилась:

— Да сожгли эту буржуйскую усадьбу, туда ей и дорога! А то жирели, экспрутировали трудящихся! — она разразилась мелким смехом, и все вокруг стало еще противнее.

По дороге в Москву глотал водку прямо из бутылки (гид проникновенно рассказывал об очередном пленуме ЦК по сельскому хозяйству и его революционных решениях), на следующий день вылетел в Париж, там постепенно отошел от визита.

Россию не переставал любить, но она превратилась в другую и чужую, совсем ему непонятную. Плевать Западу на Россию, у него свой интерес! А страна весьма поганая, но и раньше о мерзости российской писали, вот у Блока о купчишке, обсчитавшем ближнего и потом целовавшего церковную икону: «. и на перины пуховые в тяжелом завалиться сне.

Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне!»

По приезде Константина Щербицкого ожидал сюрприз, причем, с одной стороны, неприятный, а с другой, как ни странно, очень даже радостный: дочь объявила, что разводится с Жераром (старик поворчал, но в меру, зятя он давно недолго любил). Заодно раскрыла и величайшую семейную тайну: отвергнутый муж работал во французской охранке, сам в этом признался, когда она случайно нашла его документы, но просил помалкивать. Теперь дочка всласть рассказывала о мерзком полицее и стукаче, готовом удавиться из-за каждого франка, к тому же еще бабнике, а заодно и импотенте, к которому она быстро потеряла интерес, — тут дочь немного пофантазировала, ибо особого интереса к Жерару не имела и в начале супружества, тем более что многие годы была связана с русским любовником и считала французов мыльными пузырями, красивыми и манящими с виду, а на деле.

История с кладбищем тоже вылезла наружу.

Щербицкий ахнул, тут же припомнил некоторые вопросы о вице-консуле. Как это он, честный русский офицер и дворянин, стал пешкой во французских руках и втянул друга Виктора в грязную ловушку охраны?

Тут же позвонил и попросил встречи.

Выпили пива в дешевом бистро, недалеко от дома Щербицкого, там он и раскрыл истинное лицо своего бывшего зятя, вылил на него столько, что даже сам удивился.

— Кто такой Янков? — спросил Виктор.

— Васька? — глаза у Щербицкого загорелись. — Знаю я эту суку. он еще в тридцатые нас закладывал.

Когда расстались, неистовый Константин заскочил домой, взял палаш — святую реликвию прошлого — и на такси помчался к Янкову, тот и ахнуть не успел, как Константин ворвался в квартиру и огрел по голове хозяина (чуть промазал, больше перепугал), тот завизжал и помчался от взбешенного Константина, размахивавшего оружием. Наконец настиг, бросил на кровать и стал дубасить палашом плашмя по ягодицам, комната вздымалась от стонов и мата. Впрочем, энергия у Щербицкого не иссякла, и он тут же помчался к бывшему зятю, правда, тут события развивались несколько по другому сценарию, ибо Константин забыл палаш в такси и с ходу запустил в хозяина декоративной керосиновой лампой. Жерар охнул и обхватил двумя руками пораженный череп, а Щербицкий вдруг схватился за сердце, застонал и медленно опустился на пол. Вызванная «Скорая помощь» констатировала острый сердечный приступ и отвезла старика в больницу.

«Боже, какое счастье, что произошел развод! — думал Камбон. — ведь дети наследуют худшие качества родителей, представляю, в какое чудовище превратилась бы дочь Константина с годами! Тоже, наверное, выросли бы клыки, и нос загнулся бы, как у ведьмы. И вообще русские — ужасны, и пора перейти в другой, более спокойный отдел, лучше работать с англичанами или даже с арабами».

Утром шеф контрразведки с нескрываемым любопытством рассматривал синяки Жерара — тот был растерян и подавлен и просил совета, как избежать полной расшифровки перед Кузнецовым — ведь старик наверняка все ему разболтает (опять недооценил великий национальный характер, который уже все свершил). Шеф хмыкнул и мягко намекнул подчиненному поискать единственный выход из положения. Какой выход? Страшный намек поверг Камбона в полную растерянность, он поблел (и курицы в своей жизни не зарезал, и даже мух убивать

считал зазорным, полагая, что в любом живом существует душа и наши несчастные души после ухода во тьму переселяются и в травинки, и в мышей, и в мелких рыбешек) и ретировался из кабинета.

Неужели шеф намекал на убийство? Боже! Не мог набожный католик Жерар Камбон отравить своего бывшего тестя. Жерар промучился всю ночь, страшные видения представляли перед ним: то он душил тестя подушкой, и тот хрипел, медленно синея и разрывая зубами запекшиеся губы, то сжимал ему челюсти рукой и запихивал в рот яд — сверкали золотые коронки, он задыхался и кашлял, дурно пахнущие брызги летели изо рта, то бил его по голове бронзовой статуэткой Наполеона (!), взятой напрокат из кабинета шефа.

Но жизнь всегда соблюдает счастливое равновесие, несчастья балансируются счастьем, иногда даже в таких дозах, что страшно становится за будущее, которое может все сбалансировать в противоположную сторону, вот и наутро на работе несчастного Жерара ожидала радостная весть: ночью Константин Щербицкий скончался.

На похоронах народу было не густо, соратники покойного уже давно почили в бозе, Камбон вместе с Василием Янковым несли гроб (оба испытывали чувство глубокого удовлетворения и считали, что Щербицкого покарал Господь за агрессивность), присутствовали и Кузнецов с Диной, собственно, ради беседы с ним Жерар и прибыл.

Как положено, покойного отпели в русской церкви, после панихиды скромная процессия двинулась к свежевскопанной могиле, застучали комки земли о крышку гроба — и все было кончено. Затем традиционные поминки, слезливые тосты, обсуждение достоинств покойника, вакханалия фарисейства, все быстро напились, забыли, зачем пришли, хохотали, рассказывая анекдоты.

— Константин Константинович был для меня как отец, — говорил Кузнецов, сдерживая слезы. — Я не могу говорить о нем, как о мертвом. Это был жизнерадостный человек, он любил веселье и наверняка, будь он сейчас на нашем месте, не позволил бы нам бесконечно сокрушаться и рыдать. Я хочу спеть для него нашу любимую песню.

И он запел: «Белая гвардия, белая стая, белое воинство, белая кость.»

Жерар пил осторожно, помня о печальном опыте, и временами посматривал на Кузнецова, тот держался непринужденно и улыбался французу, видимо, Щербицкий не успел раскрыть ему глаза.

Выбрав удобный момент, Жерар отозвал его в укромный угол.

— Я договорился об открытии фирмы в Индии, Виктор, — сказал он многозначительно, буравя русского своими черными, как у галчонка,

глазами.

Реакция оказалась совершенно непредсказуемой — о, эта загадочная русская душа!

— Щербицкий мне все рассказал, Жерар, не будем зря заниматься маскарадом. Я готов сотрудничать с вами. Мои условия: счет в парижском банке, особняк в хорошем районе, французское гражданство, естественно тайно, оплата не как клерку, а по количеству переданных документов. Через год я возвращаюсь в Москву, потом, очевидно, снова вернусь сюда.

Жерар не поверил своим ушам, жар-птица сама шла в руки, такого разворота событий он совершенно не ожидал и даже растерялся.

— Значит, вся эта затея с Индией отпадает? — обрадовался Жерар.

— Наоборот, вы дадите мне письменное согласие на сотрудничество с КГБ, будете под расписку получать деньги и работать по моим заданиям. О вашей вербовке я доложу начальству, естественно умолчав, что вы контрразведчик. Это поможет моей карьере.

Он уже давно все продумал: большевики растерзали Россию, убили деда, сломали жизнь его отцу и дяде, выгнали цвет нации с родины. А он, как червяк, пресмыкался перед этим режимом, так и выйдет на пенсию и отдаст концы. разве все это не подло? Служить французам — тоже не великая радость, но он попытается сохранить независимость, с ними сотрудничали и такие корифеи, как атаманы Краснов и Семенов, это совсем не шпионаж, а если и шпионаж, то ради высоких целей, ради народа. Он поработает на французов, накопит деньги, поселится в Париже и уйдет с головой в деятельность антисоветских организаций, он знает дело, он оживит их работу.

Сладкий запах победы бродил по французской контрразведке, такого никогда не бывало. Шеф восседал на своем кресле не бесцветным психологом, а гордым павлином, его заместители светились от счастья, а Жерар скромно стоял посреди комнаты и докладывал о своих наметках. По случаю знаменательного события выпили бутылку «Мумм», потупив сияющий взор в сияющее шампанское, шеф толкнул короткий спич, отметив заслуги Жерара перед отечеством (косвенно и свои собственные тоже) и призвав к высокому профессионализму в дальнейшей работе с русским.

В тот же день о блистательной победе было доложено самому министру, а тот конфиденциально поведал о ней лично президенту, на всякий случай умолчав о фамилии новоиспеченного агента, ибо президент был социалист и не пользовался особым доверием в кругах патриотов-голлистов, к которым принадлежал министр.

Работа на благо французской разведки закипела, Кузнецов засыпал ее всевозможной информацией и идеями вроде создания в Париже боевой группы из эмигрантов для переброски в СССР в случае «горячей ситуации», французы только хватались за головы от таких предложений.

Шпион из него вышел эффективный, но бесшабашный, иногда он прямо копировал секретные документы на ксероксе в резидентуре, порой запросто уносил их домой и передавал Жерару для фотографирования и из лени пренебрегал миниатюрным «миноксом». Жерар тщательно готовился к встречам с Кузнецовым, иногда это были «моменталки» в парках и на глухих улицах, впрочем, эта практика не радовала Виктора, он любил посидеть и потолковать в ресторане, ему претила роль статиста, передающего документы.

Психолог-шеф уже давно пришел к выводу, что работа на чужую разведку — это болезнь ума и психики, посему на агента нужно смотреть как на феномен нестандартный и шизофренический, пьянство и капризы Кузнецова он объяснял подспудными нагрузками на его голову, они-то и выталкивали наружу энергию.

— Что у вас такой скорбный вид, Жерар? Или вы недовольны моей работой?

— Мы вас высоко ценим, Виктор, но ради бога, не говорите громко, ваш французский блестящ, но с акцентом, официанты весьма наблюдательны. вы же профессионал.

— Черт побери, можно подумать, что я — единственный русский во всем Париже. Да нас тут как сельдей в бочке! Разве у меня на лбу написано, что я не князь Оболенский, а вице-консул?

Все это во весь голос, с громовым хохотом — о ужас!

Париж огромен, и заниматься там шпионажем — одно удовольствие, это не Стокгольм, где половина жителей знакомы друг с другом, и не Пекин, где на каждого белокожего смотрят как на льва в клетке, и не большая деревня Люксембург, и не Москва, где сыщики так набили себе руку за долгие годы советской власти, что знают каждый дырявый дом и проходной двор. В Париже — разведчик живет, как иголка в стоге сена.

Два года пролетели волшебным образом, как в сказке, престиж французов взлетел, и даже в разведывательном комитете НАТО на них перестали смотреть, как на бедных родственников, питавшихся крохами с чужого стола, — кузнецовские материалы вносили свежую струю в оценки советской научно-технической мощи, и по этому случаю низкорослый шеф удостоился приглашения в Лэнгли.

Любому счастью, как и жизни, приходит конец: командировка

Кузнецова истекла, и супруги собрались домой.

Работать ли с агентом в Москве?

Все знали, как опасно работать в советской столице, насквозь пронизанной наружкой, но не лишаться же из-за этого ценного источника? Можно, конечно, сделать ставку на встречи за границей, но кто знает, будут ли баловать Кузнецова командировками?

Но самое главное даже не это.

Шеф контрразведки не желал передавать агента разведке, имевшей свою резидентуру в Москве. Из службы, совершившей воистину подвиг, уплывал агент — и к кому? кому?! жалкой разведке, которая десятилетиями была баклуши и черпала всю информацию от истеричных русских поэтесс и прочих диссидентов, сочинявших философские эссе в котельных и мечтавших попасть в анналы истории.

Шеф собрался с силами и уговорил министра не менять кураторов Кузнецова, — зачем в дело втягивать лишних людей? — очень деликатно намекнул и на то, что разведка, находясь на территории противника, подвергнута проникновению «кротов». Жерар, как ключевая фигура операции, поступил на интенсивные курсы по разведподготовке, обложился атласами и картами Москвы, в которой он был обязан плавать как рыба в воде. С трудом нашли издателя — бывшего агента, под «крышу» которого посадили Жерара, специально установили отношения с московским «Прогрессом», наконец, дабы фанатичный КГБ привык к новому представителю издательского бизнеса, решили на начальной стадии организовать несколько бросков Жерара в Москву без всяких оперативных заданий, а лишь с целью адаптации к столице. Никаких восторгов Москва у Жерара не вызвала, тем более что поселился он в безвкусной коробке с характерным названием «Космос» — хаос, бордель, сервис на уровне палеолита, жулье и черный рынок на каждом шагу.

Наконец определился день отбытия Кузнецовых в Москву. В посольстве был дан шумный бал для своих, виновник торжества традиционно надрался и пел сочиненную им песенку о жизни советской колонии.

А у меня сплошные передраги:
Крючок я по ошибке в нос всадил,
Вновь в туалете кончилась бумага,
И сам посол кому-то засадил.

Скандално, конечно, резидент Александр Александрович еле сдержался (хотя про себя радовался, что обкакали посла), но все же посоветовал Кузнецову быть на людях посдержаннее.

Перед отъездом совершил прощальную прогулку по Парижу, покрутился на les Halles, заскочил в Сан-Еусташский кафедрал, он частенько бывал там раньше, любил слушать орган, который и сейчас грустно пел ему «адье», «адье», «адье!», торжественно, словно сам Ротшильд, вошел в отель «Крийон», где в свое время жили участники Парижской мирной конференции, там за сумасшедшую цену отведал рюмку «Реми мартена», затем, как идиот-турист, прошелся вдоль Сены рядом с букинистами, посидел в скверике, грустно смотря на туфлю философа Монтеня, традиционно бросил франк в реку и удалился домой.

Через два дня отбыли поездом в Москву.

Перед каждой командировкой в советскую столицу на Жерара налетали страхи: Господи, не могли найти другого, более опытного сотрудника, чаще выезжавшего из Парижа, не избалованного комфортом! Ночами ему грезилась беспощадная наружка, ходившая за иностранцами бампер в бампер, а если надо, нагло прокалывающая колеса, — о, этот КГБ! — и «ласточку» впихнут в номер, не успеешь очухаться, а она уже прыгает у тебя на груди, и скрытая камера делает художественный фильм! — о, этот КГБ! — и венерической болезнью специально заразят, а потом начнут шантажировать и затягивать в свою нору! или нанесут радиоактивную пыль на подошвы — проверься хоть целый день, за тобой даже тени нет, а на самом деле все схвачено и сыщики попивают водочку, любуясь его рандеву с Кузнецовым.

Снилось метро, где он постоянно путался (русский осваивал туго, жалел, что не использовал в свое время бывшую жену), на улицах и переулках без всяких указателей он чувствовал себя, как заблудившийся путник в глухом лесу, с ужасом ожидающий беспросветной мглы, зубовного скрежета диких зверей и прохладно-скользких касаний змей, любивших тихо подползти и ткнуться головкой в ладонь.

— Может, мне поговорить с американцами или с англичанами? Перенять опыт у них? Не раскрывая, естественно, агента, — спросил он однажды шефа.

— И вы туда же! То же самое долдонит мне и министр! Мол, у нас нет опыта и так далее. Франция — великая страна, и как-нибудь мы обойдемся без советов из-за океана, а особенно от соседей-лавочников, которых не удалось проучить Наполеону!

Подготовка к ответственному заданию изрядно измотала Жерара, и он

даже похудел на пять кило. В Парижском издательстве «Экспресс», где он иногда показывался, на него смотрели косо, явно как на шпиика, — это угнетало: если уж у сограждан он вызывает подозрение, то что говорить о традиционно подозрительных русских, видевших в любом иностранце опасного врага?

Наконец настал страшный день, и Жерар вылетел на проведение операции с ценным агентом. Как только стопы французского разведчика коснулись столицы, на него налетела паранойя: везде чудилась слежка, смотрели из-за каждого куста, из-под земли и из космоса, отражались от стеклянных витрин, от фонарей и от мокрого асфальта, он дергался, иногда рывком входил в подъезд, мчался, задыхаясь, вверх и замирал, слушая, хлопнет ли дверь внизу. Наконец он пересел за руль автомашины, но это только все усложнило: города он совершенно не знал, сбивался с маршрута и однажды по ошибке доехал аж до Клина, думая, что направляется к Красной площади.

Перед днем явки он не мог заснуть, несмотря на успокоительное. С утра выпил много кофе, все внутренности горели и дрожали, но чувствовал он себя героем. Выехал на машине, проверился, бросил ее у метро и проехал несколько станций, затем сел в троллейбус, после чего сменил его на автобус.

Роковая встреча имела быть недалеко от входа в Измайловский парк, неожиданно там оказались толпы народа: власти разрешили свободную торговлю, и все вокруг было облеплено художниками с полотнами, кустарями и скульпторами — не продохнуть!

К счастью, Кузнецов сориентировался, отошел метров на сто в сторону и оттуда помахал Жерару рукой, — тот только содрогнулся: а что, если за ним пришла наружка?

— Вы не знаете, как мне проехать в Сокольники? — начал Жерар словами пароля.

— Да ты что? Спятил? — удивился Кузнецов, обнял Камбона и трижды расцеловал. — Я уже и забыл, какой у пароля отзыв. можешь меня пощупать, если не веришь, что это я. Кстати, место ты подобрал для встречи отвратительное, я сюда добирался целый час. — он улыбался в своем синем элегантном пальто и с непокрытой головой, словно на дворе стояла не русская, а парижская зима.

Будто место подбирают для большего комфорта! Будто пароль не обычная необходимость!

Разгильдяйство агента не укладывалось ни в какие рамки, особенно когда он заявил, что притащил на встречу целый чемодан секретных

документов и оставил все в машине — черт побери! а если в нее залезет наружка или просто ворюга?!

А ведь в Париже строго договорились не парковать машину рядом с местом встречи, это же в любом учебнике записано. Да и марку машины выбрал словно специально для иностранного агента: «Шевроле»! Хоть и подержанный, но привлекает внимание. Зачем это?

Тут Кузнецов запросто втолкнул его в машину — это уже совсем нонсенс, любая милицейская проверка — и каюк! Как можно объяснить присутствие французского гражданина в автомобиле сотрудника КГБ?

— Садись, я соскучился даже по запаху Парижа, как там дела? Поедем в хорошее место и выпьем по случаю встречи!

Они мчались по Москве на бешеной скорости, Виктор был беспечен и оживлен, словно они гарцевали на лошадях по Булонскому лесу, раскланиваясь со знакомыми кавалерами и дамами, чемодан с секретными документами, горевший идефикс в голове Жерара, болтался в багажнике.

Вдруг их остановил милиционер — душа Жерара ушла в пятки — хотел оштрафовать за превышение скорости, но Виктор помахал у его носа своим кагэбэшным удостоверением и преспокойно продолжил путь. Почти рядом со зданием Лубянки Кузнецов затормозил и запарковался. Жерар снова облился потом: а вдруг его верный агент все время вел двойную игру и сейчас пригласит его на допрос к следователю, затем международный скандал, суд над шпионом без дипломатического иммунитета и застенки далекой сибирской тюрьмы, где уголовники разыгрывают иностранцев в карты.

Да и ресторан Кузнецов выбрал самый центральный, переполненный иностранцами и агентами КГБ (в списке Жерара он фигурировал, как полностью запрещенный для оперативных мероприятий): шикарный «Савой». Камбон от страха потерял дар речи, но повинился, вылез из машины, слабо указал на багажник, Кузнецов лишь махнул рукой в ответ: ерунда!

В «Савое» Виктора встретили, как родного. Еще бы! Там он не раз встречался со своей агентурой, его прекрасно знали как сотрудника КГБ и ценили за веселый нрав и хорошие чаевые. Логика Кузнецова покоилась на том, что лучший способ конспирации — это отсутствие конспирации. Может быть, самое надежное — это быть самим собой, ну кто станет докапываться, с кем именно пришел поужинать известный кагэбист? Кому придет в голову, что он сам агент иностранной разведки?

Официант даже не предлагал меню, а тут же подал ужин а-ля Кузнецов: хотя там и не было изысков французской кухни, но стол ломился

от русских яств. Виктор, естественно, упился, и, хотя Жерар хитрил и уклонялся, ему не удалось вырваться из цепких объятий Бахуса, осознал он это, лишь когда исчезла нервозность. И неопиcуемая сцена (о, если бы увидел шеф!): Виктор с гитарой на сцене, рядом пьяный Жерар, гремел щедро одаренный оркестр, оба друга с надрывом пели «Белая гвардия, белая стая», вдохновленный зал радостно рукоплескал, крики «браво!» как в хорошем парижском театре, только с другим ударением, даже профессиональные стукачи подходили потом к столику с рюмками, жали обоим руки и пили за здоровье, кому-то из них Жерар представился, к счастью умолчал, какую службу представляет.

Вечер закончился суматошной, нетрезвой ездой по Москве в поисках местожительства Жерара, тот совершенно забыл, в какой гостинице живет, и лишь заплетающимся языком объяснял ее общий вид.

Проснулся Жерар с тяжелой головой и с ужасом обнаружил рядом чемодан с секретными документами, который, как он с трудом припомнил, самолично втащил в гостиницу «Космос» Кузнецов, сказав, что тут ксерокопии и возвращать их не надо. Что делать? К счастью, у Камбона был предусмотрен контакт с французской резидентурой для отправки документов дипломатической почтой, он выдал условный звонок по телефону, это означало срочную встречу в городе. Увидев чемодан (с ним Камбон, страдая от похмелья, добирался до явки на такси), второй секретарь французского посольства поднял брови так высоко, что они чуть не умчались далеко за тучи, затем они возвратились обратно и застыли в ужасе. Дипломат вылил на Жерара помой (словесные) и заявил, что немедленно сообщит о вопиющем нарушении конспирации в Париж, забрал чемодан (дотрагивался, словно до мины) и уехал, даже не попрощавшись с мужественным разведчиком.

Вернувшись в Париж, Жерар доложил шефу о всех перипетиях в Москве, сгладил многие углы и умолчал о страшном вечере в «Савое» (позорная деталь: объяснение на невнятном языке с прислуживавшим в туалете стариком, которого он приглашал в Париж, а тот помогал ему облегчить желудок, за что получил чаевые в размере пятидесяти франков), шеф смотрел на него с интересом, задумчиво мерцая совиными глазами.

— Вы должны заставить его тщательно соблюдать конспирацию!

Как будто Жерар этого не знал! Как будто он не проштудировал все учебники!

— Как я могу заставить его, как?! — в отчаянии вопрошал Жерар. — Вы не знаете этого сумасшедшего!

— Но вы же его так провалите! А документы, которые он нам дает,

просто бесценны. Даже американцы оторопели, когда я им кое-что сообщил.

— Я попытаюсь сделать все, что могу! — сказал Жерар. — Если не удастся, я прошу найти мне замену. Возможно, вам лично будет интересно поработать с агентом. — это, конечно, был удар ниже пояса, но шеф его проглотил и принял невозмутимый вид.

Если бы французы знали, как бесшабашно работал Кузнецов в штаб-квартире разведки в Ясеневе, то и шеф, и Жерар Камбон наверняка лишились бы сна: он запирался на ключ у себя в кабинете и целыми ворохами фотографировал документы. Иногда в дверь стучали сослуживцы, иногда звонил телефон — это его совершенно не беспокоило, он все объяснял делами. Жизнь была прекрасна, и у него закрутился бурный роман с секретаршей отдела Вале́й, началось все случайно, он снимал копии после работы, она тоже задержалась, постучала к нему в кабинет и попросила подвезти до метро. Весна за окном томно приглашала к себе, зазывно пели на деревьях ясеневские птички, разгоряченное солнце расставалось со днем, медленно скрываясь за лесом, который окружал здание разведки со всех сторон. Валя улыбалась, зная, как она хороша в своем розовом костюмчике, подаренном ей от всего отдела ко дню рождения. Страстное соитие произошло прямо на столе среди секретных документов, на которые секретарша не обратила никакого внимания. Оказалось, что она уже давно по уши влюблена в Кузнецова и намерена любить его до гробовой доски. Валя оказалась бесшабашно-темпераментной дамой, внезапность события подлила масла в огонь, и, если бы не боязнь ночного обхода, любовники остались бы в кабинете до зари.

На очередную явку с агентом Жерар вылетел через месяц, получив инструкции вести оперативную работу в самых жестких рамках, не идти на поводу у беспечного Кузнецова и выдать ему хороший куш в рублях, не забыв сообщить о размере сумм, капавших на его счет в парижском банке. Рандеву снова было в Измайлове, правда, уже внутри парка, решили не уступать разгильдяю, настоять на своем. Они медленно шагали по аллее, на пути встречались редкие старички и старушки, нагуливавшие и без того розовые щечки, Камбон заметно нервничал, но старался говорить основательно и торжественно:

— Ваши материалы получили самую высокую оценку, и по нашему представлению вы награждены орденом Почетного легиона. Кроме того, если вы пожелаете принять французское гражданство, с нашей стороны не будет никаких препятствий. Кроме счета в парижском банке на ваше имя

приобретен особняк, где вы сможете жить в случае поселения во Франции. — и Жерар протянул фотографию как вещественное доказательство доброй воли французского правительства.

Увидев фотографию, Кузнецов, весьма прохладно слушавший монолог Камбона и больше созерцавший игры белочек на берегах, заметно оживился.

— Какой прекрасный особняк! Скажи, а я могу меблировать его за ваш счет? Обставить чиппендейльской мебелью. Боже, как я хочу в Париж! Ах, черт побери! Поехали отсюда в «Савой», помнишь, как чудесно мы в прошлый раз там погуляли?

Камбон в ужасе замахал руками, словно ему предлагали прыгнуть в пропасть, стал убеждать, что это опасно и что он вообще не может ничего есть из-за язвы. Не преминул он и указать, что приезжать на своем «Шевроле» к месту встречи — это безумие, да и деньги следует тратить осторожно.

— Да иди ты к черту! — вдруг взорвался Кузнецов. — Только еще не хватало, чтобы французские охламоны учили работать ветерана КГБ! Так ты едешь в «Савой»?!

— Нет! — твердо сказал Жерар и даже легко топнул ногой, подкрепляя тем самым свою неумолимую позицию.

— В таком случае я прекращаю работать с вами! — Кузнецов повернулся и пошел в другую сторону.

Ошеломленный Жерар застыл на аллее, в голове мелькнуло страшное: агент исчезает навсегда, не оставляя никаких концов, и он, несчастный Жерар Камбон, докладывает об этом беспрецедентном и из ряда вон выходящем событии шефу, а тот молчит, крутя пальцами шариковую ручку.

И он побежал, побежал быстро, словно по дорожке стадиона, он сам не ожидал от себя такой прыти, тем более что в жизни не занимался ни одним видом спорта.

— Куда ты, Виктор? Остановись! — он схватил Кузнецова за рукав и неожиданно упал. Это развеселило капризного агента, он помог Жерару подняться и даже отряхнул его одежду.

— Хорошо, поедem не в «Савой», а в «Метрополь»! — сказал Кузнецов, делая вид, что пошел на уступку, хотя Жерар прекрасно знал: отели находились почти рядом и публика в них не различалась.

В «Метрополе» все повторилось, правда, к счастью, в тот день оркестр не играл, и потому дуэта, как в прошлый раз, не состоялось. Жерар всеми силами удерживался от разгульного пьянства, но это было сложно: Кузнецов обижался, орал на весь зал, что француз его не уважает,

предлагал пить на брудершафт, сцепив в локтях руки, а Жерар то отпивал полрюмки, то незаметно выпускал водку в бокал с оранжадом. И все равно он надрался, хотя и не так страшно, как в «Савое».

Единственное, чего удалось добиться Жерару, — это уговорить Кузнецова не везти его прямо в отель «Украина» (там он остановился, разочаровавшись в «Космосе»), а высадить рядом с метро «Бауманская» — далее, покачиваясь и помахивая кузнецовским портфелем с секретными документами, он прошелся по переулкам, надеясь обнаружить за собой «хвост». Бдительный Жерар не видел, что за ним с интересом наблюдает из машины наряд милиции, решавший, забирать ли его в вытрезвитель или оставить в покое. Но стражам порядка было лень связываться с пьяным, а тут появилось такси, и Жерар благополучно добрался на нем до гостиницы.

Валя оказалась прелестным цветком, и Виктор не на шутку втюрился. Чаще встречались вечерами на рабочем столе, заваленном материалами, от сознания риска у Кузнецова утраивались силы, он захлебывался от счастья и еще больше любил ее. Иногда после трудового дня выезжали на природу, иногда на хлипкую речушку Битца под боком или в лесозону для отдыха трудящихся, там иногда они баловались шашлыками.

Однажды, после жаркого дня посадив Валю в «Шевроле», он выехал из Ясенева и по Успенскому шоссе добрался до заветной полянки рядом с Москва-рекой, где и был разбит пикник — багажник выполнял роль передвижной кухни, наполненной напитками и деликатесами. Ужин начался великолепно, выпивали и закусывали, объяснялись в любви, выкупались, полюбовались речкой, по которой иногда проносились катера, охранявшие госдачи, зачастую они гоняли дикарей, бултыхавшихся в заповедных водах, снова выпили, и разгоряченный коньяком Виктор потащил свою возлюбленную в кусты.

Но нашла коса на камень — не понять загадку женской души! — уже давно в тихом омуте Вали бродило неугасимое желание оформить отношения в законный брак, эмоции выплеснулись из-под контроля.

— Не хочу, — сказано было твердо.

— Это еще почему? — удивился Кузнецов, не ожидавший такого удара.

И тут вдруг покорная Валя превратилась в грубый фонтан красноречия:

— Ты свою жену по кустам таскай! Хорошо устроился! Я видела на днях твою уродку, строит из себя интеллигентку.

— Это ты о Динке?! Ах ты, б.! — жену он любил, как составную часть собственного эго, как свою офицерско-казацкую честь, в глазах потемнело, и

он, не раздумывая, огрел ее бутылкой шампанского по голове.

Валя истошно закричала и лишилась чувств. Кровь брызнула ему на костюм. Он медленно протер глаза, смотря на разбитую голову, лежавшую на клеенчатой скатерти, с нее стекала кровь на траву, на пустые бутылки, на кусты, он смотрел и не знал, что делать. Тряхнул головой, не веря своим глазам, выпил стакан водки, аккуратно зацепил итальянским раскладным ножом шпротину. Кошмар. Ерунда. Сейчас мертвая оживет и скажет, что она притворялась. Что произошло? Как это случилось? Что делать? Валя лежала в кровавой луже, уткнувшись головой в клеенку.

И вдруг он увидел перед собой пожилого дачника в соломенной шляпе и с суковатой палкой, с корзинкой грибов в руке, явно случайно забредшего на поляну.

— Ты убил ее, убил! — кричал человек растерянно, и в ушах только звенело: «убил!»

Голова словно выключилась, стала мутной, словно наполнилась кровью, он схватил нож, вскочил и ударил старика прямо в сердце, тот покачнулся, начал оседать, но Виктор бережно, словно дорогое существо, придержал его и нанес еще два удара.

Страх уже давил, уже закручивал, уже нес его с места преступления: машина, Успенское, полная скорость, все дальше и дальше, кольцевая, не заметил красный светофор, вот и дом, запарковался, и привычная, уютная квартира, и Дина в переднике, ожидавшая к ужину, счастливая семья.

— Что с тобой? — ахнула она, впуская его и в ужасе глядя на окровавленное лицо.

Виктор прошел в свой красного дерева кабинет, разделся догола, вышел в столовую, тоже красного дерева и сплошь увешанную репродукциями импрессионистов, и протянул обрызганный кровью костюм перепуганной жене. Красный, невозможно красный, фатально красный цвет!

— Сожги все это!

Дина суетливо сунула одежду в пакет, но он остановил ее:

— Разорви на куски и сожги в уборной!

Сердце у Дины сжалось, стало жалко импортный унитаз — ведь с таким трудом приобретали по благу.

Виктор залез в ванну и долго плескался там и пыхтел, затем переоделся в новый костюм, внимательно изучил себя в зеркале и остался доволен собственным видом.

— Что бы ни случилось, Витя, я всегда буду любить тебя! — Дина, плача, прильнула к нему.

— Все обойдется, Динка, я же везучий!

Что обойдется? Он поехал в церковь, где шла служба, там помолился у икон, поцеловал руку батюшке, но долго оставаться в толпе не было сил, его тянуло назад, туда, где два тела — что с ними? а вдруг ничего, и хохочут оба: «разыграли!» (навязчивая мысль) — снова сел в «Шевроле» и стал просто крутить по московским улицам, хотел успокоиться, но руль уже жил по своим законам, совершенно неожиданно машина вырвалась на Успенское шоссе, хотел уехать, развернуться, но тянуло, завораживало, ехал и ехал, пока не остановился недалеко от поляны. Уже стемнело, он осторожно двинулся туда, увидел фигуры милиционеров и окаменел: двое несли носилки с телом, прикрытым простыней, только тогда он увидел на дороге «Скорую помощь». И вдруг он чихнул. Зажал рот, но снова чихнул.

— Эй, кто там? — молодой парнишка-милиционер уже прытко бежал в его сторону, он дернулся, побежал, ломая кусты, услышал сзади предупредительный выстрел, вокруг кричали, словно его преследовала целая стая, вдруг зацепился за торчавший корень и рухнул на землю. Навалились трое, скрутили руки.

— Это он! — Валя раскрыла глаза — о, как он обрадовался, что не убил ее!

Суд был коротким и закрытым (власти пеклись о престиже сотрудников органов, не дай бог, если народ прослышит, что они тоже.), за убийство мужчины он получил пятнадцать лет, не так уж и много — учли состояние аффекта, заслуги перед родиной, да и Валя не стала заваливать и показала, что все произошло чисто случайно, бросал, мол, бутылку, но попал в голову. Посадили его в общую камеру, набитую прожженными урками. Его холеная внешность и правильный выговор вызвали в камере хохот, почти сразу же к нему начали приставать, всячески унижали, он попытался отбиться, но драться не умел. Ночью его насильовали всей камерой, изгалялись друг перед другом, веселились до упаду. Нет, он не умер, но стал по-другому двигаться и говорить, словно уже его и не было, а какой-то механический человечек исполнял его функции, выносил парашу, подметал, а большей частью неподвижно сидел, уставясь в одну точку. Напрасно Жерар Камбон выходил на запасные встречи и явки, напрасно посылал условные вызовы — агент исчез, и этому не было никаких объяснений. В Париже царил паника: заболел? срочно уехал? испугался и решил прекратить работать?

— Мы должны его найти! Снова выезжайте в Москву, попробуйте позвонить ему домой, узнать у жены, вы же знакомы с нею.

И снова Москва, и вечный страх, что тебя выследят и схватят, и

мокрые от волнения руки, сжимавшие трубку телефона-автомата.

— Могу я поговорить с Виктором? — Жерар не представлялся.

— Его нет дома. — осторожно ответила Дина.

— А когда он будет?

— Он в командировке. А кто это говорит? — она узнала голос Жерара по акценту.

— Его знакомый. — и он положил испуганно трубку.

Дина жила в постоянном страхе за судьбу мужа, свидания с ним были редкими и оставляли у нее жуткие впечатления. Иногда она звонила бывшим коллегам мужа, те выказывали свое сочувствие, говорили осторожно, витиевато — дело Кузнецова и так черным пятном легло на всю разведку. А вдруг помогут? Дина не верила в вину мужа, ей казалось, что он пал жертвой странной, таинственной интриги, а тут еще звонок Жерара, не пожелавшего представиться. Сняла трубку и связалась с бывшим покровителем Александром Александровичем, уже вершившим французские дела в должности начальника отдела.

— Александр Александрович, здравствуйте! Это жена Кузнецова. Сейчас один человек интересовался Виктором, явно с иностранным акцентом.

— Кто такой?

— Он не сказал. — Дина решила не высказывать своих подозрений. — Как там Виктор? Я хотела поехать во Владимир, но мне не дают свидания.

— Пока потерпи. Мы будем давить, чтобы ему срезали срок.

— Спасибо.

Шеф многозначительно посмотрел на своего заместителя Извекова, дымящего «Голуазом», информация Дины не представляла ничего нового: телефон прослушивался, и Извеков только что завершил установку Жерара Дюкса, который оказался Жераром Камбоном, известной разработкой Кузнецова. Почему этот француз регулярно наезжает в Москву под чужой фамилией? Чем объяснить его поиски Кузнецова? Подозрение накладывалось на подозрение, заодно Извеков припомнил, что Кузнецов вывез из Парижа хорошую мебель и картины. А «Шевроле»? Откуда такие деньги?

Шефа эти доводы в восторг не привели.

— У меня тоже мебель из Парижа, значит, я — французский агент?

Возможно, подумал Извеков, мечтавший занять место шефа, кто знает, если всю историю раскрутить, то может вылезти на свет такая правда, что Александр Александрович загремит в провинцию за развал работы с кадрами.

Извеков стал муссировать это дело, к неудовольствию начальника отдела — кому приятно, если в родную нору залез чужой «крот»? Самое ужасное, что в таких делах сложно давать отбой: сразу возникает подозрение — почему? Шефу пришлось скрепя сердце идти в фарватере у сверхбдительного заместителя. Решили провести встречу и поговорить по душам, выехали во Владимир. Он стоял перед ними, мертвенно-бледный, равнодушный ко всему на свете, выжатый-перевыжатый лимон, ничего общего с жизнелюбом, которого они знали.

Допрос повел Александр Александрович: вкрадчиво, нежно, с улыбкой, с участием, с желанием помочь, спасти из тюрьмы — известные приемчики, к ним еще легкая провокация, мол, арестовали Камбона, который признался во всем. Впрочем, старались напрасно, Кузнецов не стал запирается, с ходу выложил все детали, рассказывал безучастно, словно о другом человеке. Признался в работе на французскую разведку, а что еще надо?

Военный трибунал, измена родине, вышка.

Было неинтересно слушать судью с генеральскими погонами, в голове крутилась улочка с виноградниками в Монмартре, по которой он шел с Константином Щербицким, светило солнце, и тот рассказывал ему о виноградниках в Крыму, из которых он отстреливался от наступавших красных. Что Крым, если существует Париж, дегустации в музее вина, прогулки по улочкам Латинского квартала, где девушки улыбаются в упор, попыхивая сигаретками.

Увели, перевезли, спустили на лифте, он шел по коридору в сопровождении трех конвойных, указали на дверь, он открыл ее и сразу же получил пулю в затылок.

Все закончилось, душа отлетела, и в небе звучало:

Белая гвардия, белая стая,
Белое воинство, белая кость.
Влажные камни травой зарастают.
Русские буквы — французский погост.

Грехопадение

Мы не можем уподобиться трусливым немецким социал-демократам, делающим вид, что у человека нет половых органов.

Фридрих Энгельс

Всемирный фестиваль молодежи 1957 года ворвался в Страну Советов с ликующим триумфом, поднял всех на дыбы: экзальтированные поклонницы затанцовывали негров на городских площадях, всюду были взаимные объятия и поцелуи, уверения в преданности делу мира и борьбе с поджигателями войны. Изголодавшиеся массы рвались взглянуть на диковинные одежды, на живых стилиг, на отвлекавший от высоких идеалов, развратный рок-н-ролл. Народ открывал Запад, носил на руках гостей, а одна юная трактористка бросила в подарок велосипед прямо в тамбур фестивального поезда, чуть не прикончив американского гостя, — хорошо, что под рукой у нее не оказался трактор.

Я заканчивал институт, я уже подрабатывал с интуристами, и посему был включен в число толмачей и закреплен за шведской делегацией, считавшейся своенравной, капризной, развратной и особо опасной в идеологических битвах из-за «шведского социализма». Всю группу переводчиков возглавлял сотрудник Комитета молодежных организаций (КМО), а вот замом при нем состоял некий Владимир Ефимович, роста малого, человек обходительный и загадочно таинственный. Я сразу же вычислил его принадлежность к могущественной организации. С некоторых пор невнимание КГБ ко мне стало казаться даже оскорбительным (потом лишь я узнал, что детей чекистов старались к работе не привлекать).

На фестивале предстояли ожесточенные идеологические бои, ясно, что Запад наводнит страну шпионами и диверсантами, а как же я? Останусь в стороне от этой смертельной борьбы? Позор! И я ринулся к Владимиру Ефимовичу. Как же так? Я, комсомолец и сын чекиста с 1918 года, участника и Гражданской, и Отечественной, я тоже хочу бороться с врагами! Осторожный В. Е. обещал подумать (нужно было время на проверку). Фестиваль уже бурлил, шведов мы встретили на границе у Выборга, я боялся за свой корявый шведский, но угроза пришла с другой

стороны: в стокгольмском вагоне путь мне преградила загорелая, пахнувшая одуряющими кремами ножка, и голосок с верхней полки (в полутьме я разглядел лишь соломенного цвета волосы) пропел совсем не по-шведски «How age you?» — я замер от страха, ведь в моих глазах даже легкий роман с иностранками был равносильен чуть ли не попытке взорвать Кремль.

На вид меланхоличные шведы доставили массу непредсказуемых хлопот, ибо в первый же день надрались до положения риз и объелись бесплатными харчами (столы под тентами в районе гостиницы «Алтай» ломались от черной и красной икры, севрюги, балыка и других яств, поглощение которых не ограничивалось), исстрадались животами, заделали туалеты и полностью разрушили весь график мероприятий. Правда, и без этого хаос на фестивале стоял превеликий: выпив лишь стакан водки, западники сходили с рельс — кто-то крутил на улицах непотребные роки, а кто-то собирал незрелых советских юношей и вещал о свободе и демократии. Много головной боли доставляли женолюбивые, вечно гогочущие негры — запустили козлов в огород!

Уже на исходе фестиваля (я изнемог от ожидания — так жаждал быть сексотом!) Владимир Ефимович пригласил меня в кабинет и сообщил, что просьбу мою уважили, теперь передо мною широкая дорога работы с иностранцами. Начали мы осторожно торпедировать посольство Швеции, разумеется, в свои двадцать три, при всей вольтеровской эрудиции и фрэнксинатраском обаянии, я вряд ли мог бы охмурить опытного дипломата, а посему бросили меня на юных дам — слабое звено в цитадели. Первую хитроумнейшую комбинацию провели в «Советской». Там, отражаясь в царственных зеркалах бывшего «Яра», симпатичный Петя, верный агент КГБ и давний друг шведского посольства, кушал в компании двух шведских секретарш и офицера безопасности. Тут нежданно-негаданно в ресторан заскочил я, по легенде — процветавший бонвиван, и прошел чуть рассеянно меж столиков, в мыслях о свежей спарже и замороженном шампанском в серебряном ведрышке. Естественно, на столик с агентом Петей и шведами я даже не взглянул (оценим тонкость!), и Пете пришлось вскочить, побежать за мной с воплями радости, обнять, прижать к груди — встреча детей лейтенанта Шмидта! — притащить за стол и представить блондинистым фрекен и подпившему герру с мордой обиженного бульдога. Унылые шведки мгновенно не зажглись (мы списали это на присутствие офицера безопасности, ибо кто мог устоять перед моими чарами?), никто из них, увы, не подмигивал мне многозначительно и не жал жарко ногу под столом. Через неделю по

указанию свыше я позвонил одной из них, ухитрился вытянуть в ресторан, а на следующий день был приглашен домой на кофе (о, вожделенный миг!). Пахло не жарким сексом, а скорбью и похоронами, к тому же явилась суровая подруга (о «любви втроем» я в целомудрии своем даже не слышал). Нервно позванивали ложечки, лилась дохловатая беседа о советском балете, было ясно, что девицы тоже выполняли свой долг пред отечеством (офицер безопасности, наверное, приплющил ухо к стене и предвкушал орден за пресечение вражеской инфильтрации).

На этом мои подвиги закончились, не начавшись. Что же, первый блин пошел комом.

Но вот через месяц раздался звонок. В.Е. бодрим голосом сообщил, что предстоит чрезвычайно серьезное дело, которое требуется обмозговать на тайном свидании в ресторане «Арагат» (ныне там стоит «Хаятт»). Чекисты жаловали это место рядом с Лубянской, впоследствии я сам иногда после трудов праведных заскакивал в буфет на втором этаже, дабы принять свой заветный граненый. Ефимыч прибыл в обществе красномордого типа с золотыми зубами и его вертлявого помощника, жадно ловившего слова, вываливавшиеся, как золотые яйца, из прокуренного рта шефа. Итак: в Москву на пару недель прибывала американская студентка Бриджит, которая собиралась на работу в ЦРУ. Мне предстояло изучить «объект» и установить с ним, с объектом, добрые отношения, естественно под вымышленной фамилией и под легендой аспиранта, причем из Киева, чтобы американцам трудно было установить мою личность. Предстоящая авантюра прекрасно ложилась на мою, вежливо говоря, романтическую натуру, на безоглядную любовь к Родине. Уже рисовались в воспаленных мозгах картинки работы двух влюбленных шпионов на две разные враждебные разведки, кровь застывала в жилах, порой я даже любовался собой в зеркале, суживал демонически глаза и выпячивал хилый подбородок.

Аспиранта сделали преуспевающим, как все советские молодые ученые, и поселили в шикарный «Метрополь», где остановилась прекрасная дама. Богатые покои ошеломили меня, я с трудом заснул, ощущая еще неведомую, но бурную страсть. Утром мне объект показали: небольшого роста брюнетка с крупными глазами, не первая красавица, но и не баба-яга. Я тут же почувствовал, как обволакивает меня пелена влюбленности (только верность идеалам партии способна была мгновенно вызвать такие эмоции). Приказали не тянуть и искать контакта, исходя из обстановки.

Уже на следующее утро я сидел у телефона, напрягшись, как пантера

перед прыжком. Наконец, пришло сообщение бдивших сыщиков: Бриджит собирается позавтракать в кафе внизу. Напустив на себя чрезвычайно занятый и несколько рассеянный вид типичного киевского аспиранта, я рванул дверь кафе, оно было пусто, как январский пляж в Ялте. Предмет моих вожделений ютился в одиночестве, поглощая яичницу. Что делать? Как завязать контакт? Не бежать же прямо к ней в объятия? Но именно это я и сделал: покраснел, растерялся и затопал прямехонько к ее столику, чувствуя себя полным идиотом.

— Извините, я вам не помешал?.. так скучно завтракать одному. можно я вас потревожу. (Лепетал бессвязно, глупо улыбаясь, и поэтому органично и убедительно.)

Видимо, весь кретинизм ситуации подкупил Бриджит, ибо напрочь исключал руку КГБ, слывшего хитроумным и коварным змием (Запад сумел выковать такую репутацию). Какая же нормальная служба будет заводить знакомство в семь часов утра в пустынном зале с помощью юного дурака в светло-бежевом, между прочим, костюме с жилетом, на который с трудом уговорил папу, купившего три метра бельгийской шерстяной ткани. Бриджит милостиво указала на стул, напуганный официант (он, конечно, чуть не рухнул на пол, узрев русского, подсевшего к американке) быстро принес мне яичницу и тут же, оглядываясь, чтобы я не выстрелил ему в спину, убежал простучать обо мне по инстанции.

Мои кураторы указывали на интерес црувки к искусству и литературе, и мне не пришлось долго рыскать по джунглям в поисках объединяющих тем. Через полчаса мы уже были закадычными друзьями, после завтрака тут же пошли осматривать старую Москву, продефилировали к Патриаршим прудам, затем переместились на Твербуль и, внимая шепоту деревьев, дошли до Музея изобразительных искусств — там я намеревался феерическим интеллектом переполнить чашу ее зреющей любви и окончательно вскрыжить голову. В музее на Волхонке я бывал часто, иногда под водительством полуопального художника Владимира Милашевского, сподвижника Добужинского, который, обнаружив во мне пытливого юношу, много поведал об истории живописи, а в музее открыл мне малоизвестного, но великого Яна Бартолда Йонкинда. Им я и потряс слабо просвещенную Бриджит, блеснув эрудицией, она ахала и охала, не отрывая от меня уже затуманившихся глаз. Американцы порой прекрасно образованы, однако слишком специализированы и беспомощны в темах, не имеющих к ним прямого отношения, у нас же дилетантизм безграничен — так что я блистал вместе со светло-бежевым костюмом. Духовно овладев Бриджит, я собрал о ней «исходящие данные»: миледи заканчивала

университет в Беркли и собиралась заниматься наукой (кто же будет говорить о ЦРУ?), сообщила еще разные мелочи о себе.

На следующий день я встретился со своими двумя динозаврами и соответственно обо всем доложил. Они заметили, что вряд ли она откровенна со мною, ибо, как известно, все женщины — б..., и потому лживы, хотя иногда раскрываются в любви. Тем не менее я молодчина, но нужно не топтаться на месте, не терять инициативу, а двигаться дальше — не зря же мне выделили отдельный номер и солидные представительские.

Тут я почувствовал ответственность и заволновался. Будучи начитанным в области шпионажа, я поинтересовался, каким образом нас собираются сфотографировать, на что красномордый, криво усмехнувшись, заметил: «Вас это не должно волновать!» «Как это не должно волновать! Как так?» — заволновался я. «Работайте и не задавайте лишних вопросов!» — отрезал красномордый, влив в меня хороший заряд ненависти. «В таком случае я отказываюсь от операции», — вспыхнул я. «Пожалуйста!» — ответил наглец совершенно спокойно, показывая, что таких шибздигов, как я, тысячи, и на нас начхать. Расстались мы на ножах.

Вечером к нам домой примчался Ефимыч, начал убеждать не портить отношений с красномордым, который, всем известно, дерьмо, дело-то важнее, дело-то государственное. Ефимыч умел успокаивать и убеждать, в результате я унял гордыню, возвратился в «Метрополь» и договорился с Бриджит провести вместе ближайший вечер.

Операцию начали в пышном «Савое» с умопомрачительным зеркальным потолком, словно вобравшим мраморный фонтан внизу. Там (в фонтане) резвились карпы, коих служитель ловко вылавливал сачком, показывал потрясенному клиенту и относил на жарку. Однажды я видел, как в этот роскошный фонтан ударом кулака отправили метрдотеля, впрочем, потом я слышал так много рассказов об этой драке, что либо в фонтане таким образом купались ежедневно, либо каждому посетителю хотелось двинуть в рожу мэтру, и на этой почве родились мифы. Оркестр важно играл модную «Бессаме мучо», Бриджит сияла в длинном черном платье декольте. Неведомый мне ранее «Шанель № 5» напрочь гасил запахи немудреного «Шипра». Стол был накрыт по-рабоче-крестьянски просто: черная икра, заливная осетрина, балык и семга, разнообразные салаты и отечественное шампанское. И конечно же в центре внимания молодой красавец-аспирант в модном кремовом костюме бельгийской шерсти, покуривавший толстенную кубинскую сигару *Novo de Monterey*. Ну чем не инженер Гарин, летевший на белой яхте с красавицей Зоей? Мы плавно и нежно танцевали, улыбаясь друг другу, изгибаясь, словно

конькобежцы на льду, и очарованная публика, разинув пасти, завидовала декольтированной красавице и стройному юноше в убойном костюме с галстуком в белую горошинку, — такой я видел в журнале «Тайм» на рекламе «Мальборо».

«Согласно оперативному плану» (и по велению чувств) после мороженого мы стремительно переместились на диванчик в мой номер в «Метрополе», прямо у кофейного столика, обильно уставленного напитками.

Тут уже кино завертелось со скоростью, которой позавидовал бы мой учитель Джакомо Казанова. («Чем больше я тебя вижу, мой ангел, — сказал я, — тем больше обожаю». «А ты уверен, что влюбился не в жестокое божество?») — это из его мемуаров.)

«Но близок, близок час победы! Ура! Мы ломим! Гнутя шведы!» Войска шли в наступление, без сопротивления пали последние бастионы, о, трепет! о, сладость предстоящего мгновения, о, сумасшествие свившихся тел! И тут. и тут. Вдруг в безумие, в горячее бормотание ворвался вопль телефона. Предчувствуя недоброе, я нахмурился и спрыгнул с дивана. Сдавленный глас красномордого прохрипел откуда-то из ада: «Убери стул! Слышишь?! Убери стул!» Действительно, рядом с диваном стоял добротный, высокий стул сталинской эпохи, на который я бросил свои рыцарские доспехи. Несмотря на стресс, я сообразил, что загородил стулом поле битвы от глаза «литера» — так называлась загадочная техника, запятанная в стене. Одно дело представлять что-то абстрактно, другое — зримо понимать, что тебя фотографируют.

Я резко отодвинул помеху.

«Кто это?» — раздраженно спросила Бриджит. «Ошиблись номером», — бросил я, вытирая пот со лба, и выпил залпом целый фужер лучшего в мире советского шампанского. Тут же навалились слабость, безразличие, я облился потом (на редкость вонючим), я чувствовал себя больным и бессильным и не удивился бы, если бы вдруг вошла медсестра и сделала бы мне клизму. Моя дама вызывала отвращение, хотелось все бросить к чертовой матери. Я с ненавистью глядел на брюки, висевшие на проклятом стуле. Но долг превыше всего, и нет крепостей, которых не брали бы большевики. Тяжко дыша, бездарно пытаюсь изобразить нахлынувшую страсть, я повторил наступление, но в ушах стоял мерзкий голос красномордого, он давил, он принижал! атака на глазах позорно рассыпалась, тестостерон испарился, всё, что было, абсолютно всё обвисло (даже уши).

«Тебе плохо?» — «У меня с утра температура, я тебе не говорил!» Тут

я начал кашлять, размазывать пот по лицу, симулируя лихорадку, а может, и скоротечную чахотку. Бриджит перепугалась и уже хотела побежать в свой номер за каким-то лекарством. Не зря я все же занимался в школьной самодеятельности, не зря переиграл там всю русскую классику. Содрогаюсь от кашля, я стыдливо натянул брюки (нет более веселого зрелища, чем голый мужик, не попадающий ногой в штанину, да еще с обвисшими ушами!).

— С тобою такое часто случается? — деликатно спросила Бриджит.

— Впервые! — честно ответил я. — Сейчас выпью водки с перцем и положу сухую горчицу в носки.

Водка — это еще куда ни шло, но вот перспектива горчицы, да еще в носках, смутила мою леди, тем более что в те годы отечественные носки своей безысходностью наводили на мысли о несовершенстве социализма.

— Пожалуй, я пойду, — молвила Бриджит скорбно. — Жаль, что ты заболел.

Я в ответ разразился очередным приступом кашля.

Она удалилась, я на миг почувствовал себя свободным и счастливым, но только на миг. *Tedium vitae*, то бишь отвращение к жизни, к собственному бессилию в такой ответственной момент скрутили меня, я отключил телефон, допил шампанское и рухнул в постель.

Рано утром ко мне в номер, словно на похороны, явились Ефимыч и красномордый. Я ожидал скандала, но красномордый вел себя деликатно и, многозначительно двигая щеками и золотыми зубами, признал свою вину. Я был прав! напрасно он не посвятил меня в священные тайны операции. О, стул! маленькая деталь, в которой всегда таится дьявол, косточка сливы, на которой поскользнулся Плеве перед покушением на него, выстрел в эрцгерцога Фердинанда, принесший мировую войну, яблоко, упавшее на голову Ньютона. Разве вся история наша, вся жизнь не царство Случая и не игра деталей? Принесенная отцами-благодетелями бутылка трехзвездочного «Арарата» вдохнула в меня силы. Держись, мой мальчик, на свете два раза не умирать, мужайся, переживи свой Верден, впереди триумфы, — ведь у тебя бежевая тройка! впереди — победы, Дарданеллы будут наши, и мы посмеемся над дурацкими стульями!

— Зря ты нервничал, ведь для нас главное — совсем не факт физической пенетрации (слово-то какое у этого раздолбая!), важны поза, выражение лиц, а все остальное больше для психологии.

Тут же из номера я позвонил Бриджит и, подшучивая над своим расстроенным здоровьем, отныне восстановленным спасительной горчицей, договорился о встрече на следующий вечер. Однако с уходом

гостей во мне ожил комплекс неполноценности. Весь день я провел в тяжелой борьбе с самим собою. Мысли о черной болезни, вдруг посетившей меня и сломавшей мое будущее (виделся никому не нужный, обшарпанный импотент, естественно, ни красавиц, ни детей, ни счастливой семьи) терзали меня. При воспоминании о Бриджит к горлу подкатывалась тошнота — все уныло, все пошло, все отвратительно стало вокруг. Я долго не мог заснуть, глотнул каких-то мерзких таблеток и утром проснулся совершенно разбитый, выжатый как лимон, обессиленный, словно после марафона. Какая тут, к черту, любовь! Тупое равнодушие ко всему прекрасному полу обуревало меня, к этому добавился страх провалить задание Родины, ощущение слабости и пустоты — что делать? как жить дальше? К счастью, во время грустных блужданий по центру мой взор упал на табличку (они тогда иногда попадались) о том, что некий доктор на Петровке лечит мочеполовые расстройства. Я набрался мужества и стыдливо поднялся по грязноватой лестнице. Доктор оказался совсем не чеховским интеллигентом в пенсне, с успокоительными «батенька» и «голубчик», а круглоголовым верзилой с толстым слюнявым ртом, свеклоподобным носом и актерским басом. Он с любопытством уставился на мою гордость — светло-бежевый костюм и безучастно выслушал жалобы на упадок сил, вызванный экзаменационными перегрузками, и депрессию накануне встречи с невестой.

— Пустяки! — пророкотал он своим злодейским басом. — Сейчас мы вас восстановим, и всего за семь рублей! Снимайте штаны!

Я покорно выложил крупную по тем временам сумму (почти две бутылки водяры), суетливо стянул свои шикарные брюки, лег на покрытую клеенкой тахту (казалось, через нее уже прошли сотни сифилитиков), а он быстренько ухватил шприц своими волосатыми ручищами, наполнил его какой-то жидкостью, густо хохотнул, как Мефистофель, и засадил мне иглу в ягодицы.

Уже через десять минут, едва дойдя до ЦУМа и съев там мороженого в вафельном стаканчике (оно почему-то считалось лучшим именно в ЦУМе), я мысленно покрывал, как молодой баран, всю улицу вместе с переулками, я не пропускал ни одной женщины, шаря по каждой своим жарким взглядом, как прожектором. Я расстегивал и шубки, и платья, я срывал юбки, я орудовал в трусиках и бюстгальтерах. Вдруг я испугался: как бы не растратить энергию на проходивших красоток и не оказаться к вечеру у разбитого корыта! Посему от соблазнов созерцания я ретировался в номер, где раскрыл книгу Каутского о «Капитале» — тогда я еще тешил себя надеждой понять этот шедевр хотя бы в изложении талантливого

интерпретатора, в любом случае книга была прекрасным транквилизатором, отвлекавшим от фривольных мыслей.

Я даже немного поспал и проснулся, чувствуя себя Гераклом, готовым совершить сразу все двенадцать подвигов. Легкий душ — бицепсы играли железом под холодными струями, — я совершенно не удивился бы, если бы увидел, что у меня выросли львиные грива, лапы и длинный хвост с кисточкой. В зеркале я выглядел как Аполлон: изящная фигура, облаченная. (Уже не в силах описывать все красоты костюма.) Спокойный взгляд серых глаз, прическа «полубокс», аккуратно прочерченный пробор.

На сей раз я решил отбросить все интродукции типа ужина в «Савое», заказал еду и напитки прямо в номер, убрав подальше всю потенциально опасную мебель. В назначенный час раздался нежный стук в дверь, и появилась Бриджит — на этот раз в костюме, надетом на блузку с красным жабо, похожим на кровавую пену. Желая скрасить позор прошлой встречи и преодолеть смущенность, я начал бодро потчевать Бриджит модным тогда среди бедных студентов «белым медведем» (смесь коньяка и шампанского), вливал я его в представителя главного противника в пропорции хаф-хаф. Первые двадцать минут за столом царило веселье, но вдруг колымага закрипела, и колеса начали отваливаться. Я поспешил перевоплотиться в Казанову, но Бриджит вдруг тяжело засипела, застонала, задохнулась, схватилась за голову и бросилась в туалет. «Белый медведь» не для изнеженных американок. Минут десять бедняжка мучилась, сотрясая всю гостиницу горловыми рыками, и, наконец, вывалилась, как подстреленная птица, еле переступая ногами. Я двинулся ей навстречу с лучезарной улыбкой и раскрытыми объятиями, но она затрепетала крыльями, подняла вверх руку, словно Иван Грозный, убивающий посохом сына, истерически вскричала «нет!» и, шатаясь, выскочила из номера в коридор.

Я с трудом удержался от унижительного бега за ней и умоляющих призывов вернуться, волшебные инстинкты распирала меня, я чувствовал себя, как кот, у которого из-под носа увели мышь. Оценив новую боевую обстановку и подкрепившись внушительной порцией «белого медведя», я ощутил себя свободным менестрелем, похоть раздирала меня, я забыл о служебном долге, о моральном кодексе строителя коммунизма. Немного выждав, я решительно прошел на этаж, где размещалась Бриджит (дежурные тетки-стукачки делали нейтрально-паскудные физиономии и отводили взоры, давая понять, что им до меня нет дела, но тут же за спиною срывали трубки и сигнализировали о преступных передвижениях), уверенно постучал в дверь и был заключен в жаркие объятия уже ожившей американкой, «смешались в кучу кони, люди... и ядрам пролетать мешала

гора кровавых тел».

— This is what we students like, — промолвила она, с интересом разглядывая мои семейные сатиновые трусы до колен, шедевр отечественного производства, годный и для купаний, и для волейбола, и для мытья пола, — в глазах Запада такие трусы выглядели явным антиквариатом.

Дело было сделано.

Я гордо опустился в кресло.

И тут началось! Сначала в дверь забарабанила горничная (пожелала очень своевременно сменить графин с водой), затем последовали нервные телефонные звонки. Бриджит сначала поднимала трубку, но на другом конце стояла напряженная тишина, я, разумеется, к телефону не рвался, опасаясь, что вместо «убери стул!» услышу нечто похлеще. Снова постучали, но Бриджит не ответила. Вечер прошел чудесно.

Утром, когда мне позвонил Ефимович, я чувствовал себя преступником: не то чтобы я пытался взорвать Мавзолей или уклонился от призыва в армию, но все же нарушил планы мощной организации, хотя какой был выход из положения? Разве любой уважающий себя джентльмен не пришел бы на помощь внезапно занемогшей леди? Или нести ее на руках обратно к себе в номер? Как ни удивительно, скандала мне не устроили. Ефимыч заметил, что материалов накоплено вполне достаточно, повторять подвиги больше не придется, от объекта следует мягко отойти, то есть проститься по-хорошему (но не в номере!), взять адрес, договориться о переписке и отбыть из «Метрополя» в родной Киев.

Так я и поступил.

Боюсь, что в результате у американки сложилось самое нелестное впечатление о русском национальном характере.

Датский дог Антон

«Какое счастье, что я не родился египтянином!» — думал он, пробираясь между летящими автомобилями, они крутили носами и бамперами у самого лица, прыгали в разные стороны, открывая путь, сходились, обгоняли со всех сторон, тормозили и подставляли бока. Гудели и пищали отрывисто и нескончаемо протяжно, и хриплым басом, и срывающимся дискантом.

О боже, если Ты провел водителя через Каир, то ему нипочем любой город! В эту ревущую железную массу легко и весело, как в чистый ручеек, входили женщины с детьми на руках и хохочущие замызганные мальчишки, а за ними прыгали трясущиеся старики в тюрбанах и с палками. Казалось, что вот-вот забьются под колесами трупы, но нет! ничего подобного не происходило, наоборот, люди весело обтекали стальные корпуса, ловко увертывались из-под колес, вовремя замирали и, улыбаясь, пропускали мимо смертельный поток, а потом мелкими прыжками и перебежками перебирались на другую сторону улицы.

Гораздо неприятнее выглядело бесконечное кладбище вдоль шоссе, там, у развешанного на веревках белья копошились семьи, приспособившие склепы для своих земных нужд, обустроившие их соломенными укрытиями от жуткого солнца днем и холода ночью.

О, родиться и прожить египетским феллахом.

Наконец Дэвид Смизерс прорвался в район Замалека, там все дышало благополучием западной цивилизации и мелькали знакомые с детства надписи «Park Lane Hotel» или «St.George Club». Там даже существовал зеленый заповедник, несколько напоминавший Гайд-парк, с фонтанами, гольфовой площадкой, беговыми дорожками и отменным видом на великую реку Нил, подпорченную гордыми коробками Шератона и других небоскребов.

Дэвид выбросил руку из льняного пиджака и взглянул на часы: Мэри сегодня задерживалась по работе на фирме, а гордость дома — ирландский сеттер Том уже полчаса дожидался желанного променада, бедный пес, наверное, вспоминал времена, когда Мэри не работала и они вдвоем точно вовремя выходили из апартаментов в доме на Ист Хит-роуд и медленно шествовали напрямиком в Хемстед-Хит, по-английски запущенный парк, где Том отводил свою собачью душу.

Конечно, у Дэвида не было никаких сомнений в безупречном

джентльменстве Тома, который, как истинный британец, скорее бы умер, чем позволил бы себе расслабиться. К тому же он был рыжий, как и хозяин, это незримо сближало сердца. Испытывая угрызения совести (большая редкость для сотрудника секретной службы, правда, когда дело касается не людей, а собак), Дэвид, не став дожидаться лифта, быстро взлетел на третий этаж и, вслушиваясь в деликатное урчание Тома за дверью, открыл апартаменты. Оба рыжих джентльмена радостно выпорхнули на улицу и проскочили в парк, где сеттер был спущен с поводка и оросил жаждущие влаги пальмы.

Замалек населяли в основном западные люди и ухоженная местная буржуазия, Смизерс внушал себе, что район напоминает Хемстед, по которому он скучал, хотя был чистокровным йоркширцем, до сих пор не избавился от акцента, даже пройдя сквозь Бирмингемский университет и школу восточных исследований. Просидев несколько лет в штаб-квартире английской разведки — СИС в Лондоне и занимаясь арабскими странами, в начале семидесятых Смизерс был брошен на боевые рубежи в Саудовскую Аравию, а затем передислоцирован в Каир в качестве резидента, имевшего в подчинении целых десять человек, изрядное число для экономных англичан.

Смизерс медленно шел по аллее, бдительно посматривая на Тома: собак арабы не жаловали (самим жрать было нечего) и вполне могли огреть его палкой. Такой дичайший случай произошел один раз с женой шведского посла, болонку которой в нищем районе (как эта дама там очутилась — загадка!) попросту прибили булыжником прямо на глазах у хозяйки.

Но не в Замалеке. Тут правила Европа, тут цивилизация не желала менять свой стиль жизни, тут боготворили младших братьев, и даже некоторые богатые арабы переняли эту порочную привычку процветающих наций.

Было около пяти, жара спадала, начинало смеркаться, и весь особаченный бомонд медленно стекался в парк, как на званый бал, со своими терьерами и мастифами.

Дэвид дошел до любимой пальмы Тома, именно там, на аллее он и увидел Иссама Абдель Карару, тоже с рыжим ирландским сеттером. Поскольку Иссам уже много лет верно служил Англии и ее боевому отряду МИ-6, Дэвид сделал вид, что не замечает агента и, движимый конспирацией — профессиональным психозом любого разведчика, свернул в сторону. Однако Карара бодро нагнал его, сияя солнечной улыбкой.

— Добрый вечер, Дэвид! Я счастлив вас видеть!

— Добрый вечер, Иссам! — хмуро отозвался Смизерс.

— Каждый раз, когда я вижу вас, я чувствую, как мое сердце наполняется радостью. Нет ничего прекраснее встречи с другом.

Дэвид промолчал, и на его лице ничего не отразилось, кроме угнетающей сумрачности. О, как хорошо он изучил сладкие речи Востока! Чем звонче поют соловьи, тем опаснее нести бремя белых — смотри под ноги! не болото ли тут? не сверкнул ли за пальмой кинжал? О, Восток, любовь и ненависть моя!

— Здоровы ли вы, Дэвид? — ласково поинтересовался Иссам. — Может, я могу вам помочь?

— Вы напрасно подошли ко мне. — Смизерс решил пренебречь джентльменской деликатностью. — Нельзя нарушать элементарные принципы конспирации. Тут много людей, и не в интересах дела афишировать наше знакомство.

— Но тут все собачники подходят друг к другу! — светясь неотразимой улыбкой, возразил Иссам. — Я так уважаю вас, что не могу пройти мимо, не пожав вам руку.

— Но мы же секретно — понимаете? — совершенно секретно сотрудничаем с вами, к тому же вы работаете не в цирюльне, а в каирской контрразведке. Вдруг вас увидит со мной кто-нибудь из коллег?

Смизерс хотел и дальше продолжить свои менторские наставления, но вдруг почувствовал всю бесполезность этого: если арабу приспичило, то отогнать его может только Аллах.

— Посмотрите на пару около теннисного корта, мой дорогой Дэвид, около нее вертится великолепный датский дог. Черный, с белой грудью. Знаете, кто эти люди?

— Я забыл дома очки, — холодно ответил Смизерс, не желая раскрывать перед агентом свою осведомленность.

— Русский военный атташе Аркадий Хват и его жена Нина. А черного дога зовут Антон.

Конечно, Смизерс сразу же узнал атташе, именно у него на квартире еще полгода назад он просил Иссаму установить технику, дабы подсобрать полезные данные об образе жизни и политических настроениях. Задание было исполнено, но ничего интересного, кроме мелких семейных скандалов, на свет не вышло, провалилась и затея с наружным наблюдением за Хватом: опытный разведчик раскалывал его уже через десять минут. Помнится, Дэвид довольно грубовато отчитал агента, заметив, что СИС ожидает от него более эффективной работы за хорошее жалованье.

— Что значит слово «хорошее», дорогой Дэвид? — развел тогда

руками Иссам. — Все в мире относительно, а жизнь дорожает. Но деньги для меня — не главное. Я не выношу, когда мой лучший друг, когда мой брат пребывает в дурном настроении, и я сделаю все, чтобы на сердце у него все сияло, как в садах Семирамиды.

М-да, интересно, какие сады он собирался раскинуть в сердце на этот раз? любят эти полудикари (неудобно, но имперские замашки засели у Дэвида глубоко в крови) рисовать воздушные замки, мрачновато думал Смизерс.

К счастью, два ирландских сеттера устроили шумную возню и отвлекли почтенных шпионов от продолжения диалога, чем англичанин не преминул воспользоваться (о, конспирация!) и отскочил от агента, договорившись о встрече на конспиративной квартире.

Чета Хват беспечно прохаживалась по лужайкам, датский дог Антон отличался завидной дисциплинированностью, словно сам служил в непобедимой советской армии и имел звание, он не отрывался от хозяев даже при виде игривых сучек, крутивших у его носа своими развратными хвостами, пес был безраздельно предан семье, и супруги платили ему взаимностью.

— Ну какая от тебя польза? — ласково говорил Аркадий догу, смотревшему на него умными глазами. — Вот если бы ты был бобтейлем, то Нина из твоей шерсти вязала бы мне носки.

Пес понял шутку и играючи прыгнул на Нину, но не коснулся ее лапами, а лишь высунул на ходу язык и лизнул нежно руку, давая понять, что ради нее он готов превратиться в бобтейля и, если надо, в шерстяной носок.

Военный атташе потрепал его по шее, оценив тем самым чувство юмора у животного, и сам добродушно улыбнулся. Добропорядочный муж, отец двоих сыновей, служака с великолепной выправкой, бывший чемпион по плаванию, командир полка, отличившийся во время вторжения в Чехословакию и потому катапультированный в военно-дипломатическую академию, а оттуда в главное разведывательное управление (ГРУ), полковник, ожидавший неизбежного генеральского звания, сорокалетний красавец-мужчина Аркадий Иванович Хват.

Да и Нина была хороша: блондинка с соломенного цвета волосами, голубыми глазами с загадочным прищуром, ладной грудью, наконец, легкая поступь, как у балерины, такие дамы — редкость, особенно в среде потенциальных генеральш.

В это время с аллеи атташе помахал рукой худощавый человек, лучший бейсболист Йельского университета, самый очаровательный

дипломат в каирском свете, резидент ЦРУ Фрэнк Росту, отличавшийся прямым характером и неизбывной веселостью. Росту был кругл лицом, улыбчив и непомерно высок, — казалось, что его круглая голова насажена на столб. Портрет процветающего янки несколько подтачивала коричневая такса с раздутыми сосками, почти волочившимися по земле, у кривого низкорослого создания блестели бока, и она, натянув поводок, резво тянула хозяина к высокомерному Антону. Пришлось сойтись и обменяться любезностями, свежести в них было немного: Фрэнк любил поерничать и лукаво спросил у Хвата, как идет работа по главному противнику — так на советском разведывательном сленге именовали США. Хват не остался в долгу и пожелал успехов резидентуре ЦРУ и ее симпатичному шефу.

— Почему вы считаете, что я — резидент ЦРУ?

— Об этом говорит весь дипломатический корпус.

— Честно говоря, эти слухи меня мало волнуют, — заметил Фрэнк. — Гораздо хуже, что моя Салли совершенно перестала есть рыбу и требует только мясо.

Тут в светскую беседу вмешалась Нина, заметив, что такое бывает иногда в преддверии течки, а заодно и поинтересовалась здоровьем супруги Фрэнка, писаной красавицы египтянки Файзы, притчей во языцех в высших кругах совколонии: неужели империалистам разрешают вот так, запросто жениться на иностранках, причем азиатках? или это ход зловещего ЦРУ, своего рода приманка? А американцам разрешается принимать ислам?

— Мне всегда интересно, как американец может ужиться с арабкой, — материализовал любопытство коллектива Хват.

— А почему русские не женятся на иностранках? — огрызнулся американец. — Даже ваш прекрасный дог уживается с котом, — хохотнул Росту.

Истинная правда, сибирского кота тоже привезли из Москвы, не жили его и холили, превратили в хозяина дома, которого боялся даже Антон. Но Хват сдержал себя и не стал поддаваться на провокацию — ну его к черту, этого Фрэнка, в конце концов, разведчики должны заниматься не дискуссиями, а вербовками, к тому же с Росту в ближайший четверг предполагался ланч в Шератоне.

Расстались, растащили псов, и тут очередная приятная встреча: полный, лысый мужчина, несущий за пазухой жирного угольно-черного кота, причем с ошейником на шее, сановная походка, и отнюдь не случайно: это был сам резидент КГБ в Каире, жесткий конкурент ГРУ Василий Петрович Осоргин.

— Добрый вечер, Василий Петрович! — с лица Хвата сошла степенность, и в голосе появилась неуловимая заискивающая нотка. — Прочь! — вдруг закричал он так визгливо, что Осоргин вздрогнул, словно это относилось к нему, а не к догу, учуявшему дичь — только еще не хватало орать на резидента! Слава богу, ГРУ, в котором трудился Хват, хотя и не находилось в прямом подчинении у КГБ, но довольно плотно им контролировалось на предмет безопасности от враждебного проникновения и инакомыслия, естественно с помощью агентуры, к славной когорте которой принадлежал и сам военный атташе еще со времен учебы в ВДА.

— Привет, Аркадий Иванович! Твой Антон просто превратился в огромную корову. А где твой кот? Боитесь выводить его вместе с догом?

И тут обсудили кое-что — от Бисмарка до насморка, не забыли и о сложных взаимоотношениях кошек и собак и об их соперничестве в завоевании хозяйской любви.

Черный кот между тем спесиво поглядывал на Антона, распутившего язык, и всем своим видом оскорблял: хоть ты и датский дог, но шавка паскудная, моська жалкая, и, если мой Вася пожелает, он тебя вместе с твоим вонючим атташе и его котом в бараний рог свернет, разотрет и выплюнет! Датский дог всей своей черной шкурой чувствовал унижение, но сдерживался ради хозяев и даже притворился, что интересуется лукавыми птичками на кустиках.

Выходных у разведки не бывает, на войне не отдыхают, поэтому Аркадий Иванович отвел резидента в сторону и поспешил доложить ему, что только что встретил зловредного Ростю — исчадие ада, доложил не просто из страховки, а потому, что работал с американцем по заданию КГБ, оплачивающего все оперативные расходы. Бесспорно, такая разработка являлась скорее исключением из правил во взаимоотношениях КГБ и ГРУ, и больше всего на свете Хват опасался, что о его работе на конкурентов узнает начальство — конечно, никто за это не вызовет на ковер, никто не выдвинет обвинений, однако зарубку сделают, попридержат на поводке и могут даже отвести от причитавшегося генеральского звания. Да еще, не дай бог, пустят слушок, что, мол, Аркадий Иванович не американца разрабатывает, а выполняет функции сексота, капая на сослуживцев — тогда хана!

Собственно, свои тревоги Хват высказывал на каждой встрече с резидентом, и каждый раз тот его уверял в повышенной секретности сотрудничества. Заложив одну руку в карман (другая покоилась на коте, который вообще отвернулся от Антона, видимо поглощенный оперативной дискуссией), Осоргин выслушал хватовскую оценку американского

резидента, до глубины Шекспира тут было далеко, но вырисовывалась некая экстравагантность и склонность к открытой провокации, необычные для серых мышей-цэрэушников. Зацепка ли это? Возможно. Очень часто на крючок попадают именно такого рода характеры с чуть сдвинутой крышей. Разве совершенно нормальный гомо сапиенс возжаждет трудиться на чужую разведку? Под угрозой 300–400 годков тюрьмы, как в оазисе западной демократии, или полновесной «вышки», как в оазисе развитого социализма. Нет, нормальные люди сторонятся шпионских пут, им ближе семейный ужин с сырокопченым окороком, греческим салатом с острой брынзой, им дороже роман Стивена Кинга или вопли битлов, зачем, черт возьми, шпионить на чужую разведку, где, между прочим, и платят хреново и не вовремя? Нет, Ростю бесспорно не шиз, но штучка необычная, орешек крепкий, вполне допустимо, что он корчит из себя немного чокнутого Гамлета. А Гамлет-то был не лыком шит, лицедействовал под идиота и в результате преуспел: нанизал на нож Полония и отправил на тот свет короля Клавдия — так что бдительности по отношению к Ростю терять не следует, а надо держать ухо востро. На этом и сошлись, и каждый пошел своим путем со своей живностью.

Арабский Восток всегда был лакомым куском для разведок: черное золото и прочие дары природы, простор для геополитических интриг в игре Востока и Запада, последний холодел от одной мысли, что Советы вдруг настолько укрепятся в регионе, что отрежут, сомнут, взорвут, выльют к чертовой матери все нефтепроводы, посадив мир на голодный паек (остановка заводов, транспорта, потухшие города, замерзшие голодные скелеты, о ужас!). Для страховки американцы уже создали у себя нефтяные склады, англичане больше уповали на старые связи среди арабских шейхов — в свое время прославленный разведчик полковник Лоуренс настолько обольстил шейха Фейсала, что вместе с ним добил до конца проклятую Оттоманскую империю.

Конспиративная квартира резидентуры СИС помещалась тоже на Замалеке, в многоэтажном доме с различными фирменными офисами — между прочим, умный ход: попробуйте выделить агента среди входящих и выходящих толп. Дэвид Смизерс, проверив еще раз, не бредут ли за ним отряды сыска, открыл дверь своим личным ключом и, метнув еще раз натренированный взор на лестницу, ступил на мраморные полы. Доступ в это святое место принадлежал лишь ему и уборщице — жене шифровальщика резидентуры, иногда забегали туда заезжие англичанки (и на солнце бывают пятна!) — йоркширский аскетизм Смизерса порою уступал его рыжему темпераменту. До встречи с Иссамом оставалось

десять минут, и Дэвид проследовал в ванную, где образовал строгий пробор меж своих по-юношески буйных кудрей, протер очки в золотой оправе, несколько раз провел по подбородку, оценивая качество выбритости, и даже прыснул слегка на щеки любимым одеколоном «Драккар». Собою он остался доволен: аккуратно сложен, хотя и не спортивен, в сером льняном костюме с галстуком в крапинку (жена утверждала, что именно такой расцветки была юбка у ее бабушки — фермерши с острова Мен), до безумия начищенные бордовые ботинки, обожал отдавать их во власть местным чистильщикам — моцартам своего дела.

Смизерс растянул рот, осмотрел зубы в коронках, скривил физиономию своему отражению в зеркале — подкупающая детскость солидного человека, достал из бара бутылку «Тичерс», плеснул немного в стакан, не забыл лед, и погрузился в свежий «Плейбой». По выработанной годами привычке он приходил на любую встречу за пять-десять минут, дабы осмотреться и адаптироваться к обстановке, его же счастливая клиентура не наблюдала часов, словно существуя вне времени и пространства, и бессовестно опаздывала, доказывая тем самым, кому нести бремя белых.

Так и с Карарой, разгильдяем до мозга костей, хотя и контрразведчиком, впрочем, что такое египетская контрразведка? Одно время СИС считал ее своим филиалом, правда, после Суэцкого кризиса и наглого воцарения Насера в отношениях наступили морозы, и пришлось запрятаться в кусты, дергая за ниточки уцелевших энтузиастов.

Тридцать пять минут, бесцеремонное опоздание, Смизерс раздраженно оперся руками о подоконник, наблюдая в окно, как Иссам Карара подъехал к дому на белом «Форде» и сразу ринулся в подъезд, даже не оглянувшись. Чего еще ожидать от этого самоуверенного бонвивана в расшитой золотом галабее, ему бы модельером работать, а не в спецслужбе.

— Как я счастлив видеть вас, мой дорогой Дэвид! — Карара, как всегда, лучился солнечным диском, впрочем, ледяную физиономию Смизерса растопить не удалось: принципы есть принципы, агента постоянно надо воспитывать, и Дэвид молча постучал отполированным ногтем по-своему «Лонжину».

— Извините, что я опоздал, сэр, но в Каире такие пробки.

— Кстати, я много раз просил вас не подъезжать к конспиративной квартире на своей машине! — Дэвид был тверд, словно дуврские скалы, сколько ни продувай их ветром.

— Тогда бы я опоздал на целый час, дорогой Дэвид! — юлил агент. —

Я так ценю ваши замечания — ведь слова искреннего друга — это бальзам на сердце, и я каждый раз радуюсь, слушая вас. Извините, Дэвид, но сейчас время намаза, и я должен помолиться.

Иссам достал из портфеля маленький коврик, вышел в соседнюю комнату, положил его на мраморный пол и начал молиться.

Заглянув туда через стеклянную дверь, Дэвид увидел торчавший толстый зад, обтянутый галабеей. Отвратительное зрелище жирной задницы, еще женщине это можно простить, но мужчине, и тем более контрразведчику.

Тот наконец оторвался от пола и вышел в гостиную — низкорослый, с тщательно подбритыми усами, масляными глазками мелкого жулика, гладкими сальными щечками. Нет, Смизерс терпеть его не мог, он вообще не любил агентов-неангличан, считая их жуликами, стремящимися урвать у короны. К тому же этот мерзавец, словно в пику Смизерсу, тоже приобрел рыжего сеттера, будто не мог выбрать другую масть! Может, и не в пику, а в подражание, на что еще способны эти обезьяны?

— Может, выпьете виски?

— Мой дорогой друг, разве вы не знаете коран?

Лжец! А ведь пьет, глушит тайно, потребляет наркотики, ворюга первостатейный.

— «Вино — есть мира кровь, а мир наш кровопийца, так как же нам не пить кровь кровного врага?» — блеснул Смизерс познаниями, почерпнутыми в школе восточных исследований. — Между прочим, это написал великий Омар Хайям, поклонявшийся исламу не меньше вас.

— Хайям был великий грешник, к тому же он много получал при дворе и мог позволить себе хорошее вино. Что же касается бедного Иссама, то даже ваша помощь позволяет ему лишь сводить концы с концами. Налейте мне настой каркаде — напиток нищих.

Смизерса чуть передернуло от отвращения, нет, не из-за упоминания целебной национальной бурды — тирада пованивала вечной склокой вокруг размера вознаграждения.

Он достал из бара графин с красной жидкостью, ее готовила уборщица Патриция, между прочим не скрывавшая своих чувств к рыжему начальнику и пару раз безуспешно посягавшая на его плоть. Однажды, жарко дыша бедрами, она ляпнулась ему на колени, когда он читал в кресле план предстоящей встречи с агентом, и наткнулась на скалу (но не на ту): консерватор Дэвид не признавал романов на службе и с женами коллег.

— Да, нищих, — вздохнул, как ожидалось, араб.

— Когда я буду в Лондоне, то попытаюсь поднять вам вознаграждение.

Но, естественно, должны быть налицо результаты вашей работы.

— Дорогой друг, то, что вы сейчас услышите, знаменует новую эпоху в нашей работе — эпоху викторий!

Он достал из портфеля портативный магнитофон и вставил в него извлеченную оттуда же кассету. Послышался диалог по-русски, после паузы — шуршания, скрипы, глухое урчание пса и нарастающие сладострастные стоны женщины, они становились все громче и громче, все нежнее и несдержаннее и завершились несносным оргиастическим вскриком, от которого Смизерсу стало не по себе, словно он смотрел изощренный порнографический фильм. Иссам блаженно улыбался, сверкая всеми зубами, словно наслаждался божественной симфонией.

— Что это за чертовщина? Чей это голос? — спросил Дэвид с искренним возмущением. Он не терпел порнографии и осуждал даже кумира английской живописи девятнадцатого века Томаса Роуландсона, не говоря уже о создателе «Леди Чаттерлей» Лоуренсе и педофиле Набокове (последнего он, правда, не читал, но верил прессе). Вообще в своих интимных привычках Дэвид был на редкость традиционен, что не находило отклика ни у его жены, ни у немногочисленных любовниц.

— Это голос Нины, жены атташе. Муж в тот момент на работе.

— Ничего не понимаю. Что она делает?

Неискушенность патрона вызвала у Иссаму кривую улыбочку, и он с явным удовольствием объяснил:

— Мой дорогой друг, разве вы не слышали ласкового урчания ее огромного датского дога?

Он стал ее партнером. — видя растерянность начальства, агент старался выразиться деликатно.

О такой мерзости неиспорченный Смизерс только однажды слышал еще в юности (и то не поверил!), причем речь шла о козе одного изобретательного йоркширского фермера.

— Не может быть! — Дэвид покраснел от смущения, словно его самого застали за постыдным прелюбодеянием, краснел он ярко и легко, как все рыжие.

— Мой дорогой друг, пути человеческого наслаждения неисповедимы. Об этом говорит вся история. Разве вы не помните, что Леду, мать прекрасной Елены из Трои, обольстил белый лебедь?

Тут Иссам счел нужным привести несколько вопиющих примеров из собственного контрразведывательного опыта: оказалось, что гомо сапиенс обоих полов не только привязывают друг друга ремнями к кровати, хлещут по телу кнутом, предаются греху втроем и более, проделывая чудеса,

упиваются счастьем наедине с бутылками, огурцами, свечами, морковью и расщелинами дубов, но и обожают котов, коров, кобыл и жеребцов, и конечно же породистых псов.

Компромат на жену атташе, компромат весомый, беспроигрышный, вербовать можно и ее, и мужа.

Дама и датский дог.

Смизерс представил страшную сцену: чудовищный пес навис над распростертой женщиной (откровенно говоря, Дэвид слабо представлял, как технически могло выглядеть все совокупление, а расспрашивать агента постыдился), глаза у него горели, как у собаки Баскервилей, лапы судорожно царапали. да нет! куда же он деваает лапы? Черт побери, какая гадость! От волнения Смизерс глотнул немного виски и раздумчиво прошелся по комнате. Дело действительно выглядело весьма заманчиво, однако материалу не хватало солидности, на сладостных звуках далеко не уедешь, объект может сразу же откеститься от криминала, другое дело — визуальные доказательства, как бы отвратительно они ни выглядели.

— Это не так просто, мой дорогой друг, — затынул Иссам обычную песню. — На это потребуются деньги. много денег.

Игра стоила свеч, к тому же съемку провести было несложно: через тех же соседей Хватов, завербованных египетской контрразведкой. Необходимо оживить разработку и ввести в семью Хватов умного агента, желательно араба.

Идея Дэвида не возбудила Иссама, он вдруг обнаружил поразительную застенчивость и неспособность познакомиться с неизвестным человеком вне соответствующей обстановки. Только перспективы большого куша переломили настрой, причем негодяй сопротивлялся и корчил из себя невинную девицу.

Сукин сын, думал Смизерс, когда агент покинул консквартиру, типичный прохиндей — ведь если нужно что-то продать, то каирец может познакомиться с самим дьяволом, ему ничего не стоит пройти несколько миль за потенциальным клиентом или подойти на улице и протянуть визитную карточку. Или по нескольку раз появляться перед ошеломленным европейцем, обегая кварталы, пожимать ему руку и радоваться, что на земле существует необыкновенный, добрый человек, который немедленно пройдет в изумительную лавку с уникальными ароматическими маслами или столь же уникальными коврами.

О, арабы, уж что-что, но их продажные души Смизерс изучил досконально.

Появившись на лужайках Замалека со своим ослепительно-рыжим

сеттером, Иссам тут же заметил Аркадия Хвата и Нину, рядом с которой шагал невозмутимый черный дог. Тут и раздумывать было нечего, никаких сложных комбинаций.

— Какой удивительный пес! — по блеску Иссам мог соперничать только с богом Солнца Ра. — Я никогда в жизни не видел такого удивительного пса! Какая это порода? (вопрос идиота, разве можно такой задавать, придерживая собственного породистого пса?)

— Датский дог, — улыбнулась Нина, тряхнув своими роскошными волосами, глаза ее сощурились, и из них, как обычно, полилась неистоощимая нежность.

— И как его зовут? — тут уже Иссам повернул лицо прямо к военному атташе.

— Антон. А у вас, если не ошибаюсь, самый настоящий ирландский сеттер? — Хват снисходительно относился к прилипчивым арабам.

Далее как-то само собой разговор потек о собаках, Иссам представился как владелец небольшой ювелирной фабрики, всегда к услугам, и протянул специально подготовленную на этот случай визитную карточку. Военный атташе достал свою, чем привел араба в экстаз: оказалось, что Иссам всегда души не чаял в русских, построивших Асуанскую плотину и бескорыстно помогавших бедной стране. Речи эти не явились новостью для военного атташе, местные повадки он усвоил хорошо, из-за завесы слов всегда рано или поздно выступал коммерческий интерес, и поэтому Хват любезно принял приглашение на ужин вместе с женой, заранее зная, что все закончится торгашеской рекламой.

— Мы пойдем к нему? — поинтересовалась Нина, когда Карара отошел, уже прикидывая, как он распишет всю эту незамысловатую комбинацию Смизерсу и во сколько ее оценит.

— Да на фига он мне нужен?

— Мы можем купить у него хорошее золото по скидке. Не отказывайся, Аркаша! — она поцеловала его в щеку, он обнял ее за плечи и прижал к себе.

Черный дог радовался счастью супругов и подпрыгивал на ходу.

Англичане координировали свою работу в Египте с американцами, хотя это было непросто: зачастую интересы сталкивались, СИС выходил на людей, работавших на ЦРУ, и наоборот, американцы вербовали английских агентов, вызывая возмущение СИСа. Координационные меры обеих резидентур находили свое материальное выражение в регулярных ланчах Ростоу и Дэвида в отеле «Шератон», славившемся сносной европейской кухней, — местные изыски давно опротивели обоим резидентам.

Фрэнк, как большинство американцев, страстно следил за своим здоровьем и колебался со всей нацией, как русские колебались вместе с линией партии. Бросил курить, перешел на сухие вина, бегал по утрам рысцой и регулярно проверял норму холестерина и сахара в крови.

За трапезой в «Шератоне» вкусы резидентов, как обычно, кардинально расходились.

Смизерс не обходился без черепахового супа или простого минестроне, на второе заказывал недожаренный бифштекс с кровью, быстро съедал его (опасался, что остынет), а затем неторопливо приступал к зеленому салату. Десерт не брал и сразу же переходил к кофе, пропуская с ним не больше двух рюмок арманьяка, причем под черную бразильскую сигару. Стартовал он обычно с двойного виски, предпочтительно с двенадцатилетнего молта «Хайлэнд парк» или на худой конец с двенадцатилетнего смешанного скотча «Димпл», к вину был совершенно равнодушен.

Американец начинал с грейпфрутового джуса, первое вообще пропускал, а на второе брал отварную рыбу без соуса, зеленые бобы и шпинат, который он считал источником здоровья. Как правило, к рыбе он заказывал бутылку шардоне или итальянского пино гри, от кофе воздерживался, иногда добавлял еще полбутылки вина, дабы поддержать компанию.

Эта несовместимость создавала неудобные паузы: когда Дэвид поглощал свой суп, Фрэнку ничего не оставалось, как наблюдать за этим процессом, аналогичная ситуация создавалась за кофе, и в глубине души Смизерс испытывал мало удовольствия от совместных трапез.

Резидентура КГБ в Каире имела честь являться объектом проникновения обеих разведок, под колпаком держали прежде всего резидента Василия Петровича Осоргина, впрочем, так и не собрали никаких утешительных материалов: твердокаменный коммунист, осторожен, как лис, аккуратен в связях, в Каире третий раз и страну знает как свои пять пальцев, владеет великолепно местным языком (у американца с этим делом было туго), оперативные темы дома не затрагивал, а на работе стены были надежно защищены от чужих ушей. Конечно, широко была известна любовь Василия Петровича к своему черному коту, однако их отношения носили целомудренный характер, во всяком случае, подслушивание ничего пикантного не выявило.

Все это в очередной раз и констатировал Ростю, пока Смизерс жевал свои яства. Дошли и до военного атташе Хвата, которого Фрэнк находил ограниченным и даже глуповатым. Смизерс кровопускал свой бифштекс и

молча слушал, не желая выкладывать карты на стол по поводу грешков жены Хвата, впрочем, американский резидент тоже не распространялся о своих контактах с Хватом, хотя Смизерс об этом знал от Иссама.

— На Востоке русских гораздо легче вербовать, чем в Европе или США, — вещал американец. — Тут они чувствуют себя свободнее, спекулируют, иногда путаются с проститутками, не боятся контрразведки и наружного наблюдения.

— Да, у нас в Англии они осторожны, — заметил Смизерс. — А как они идут на контакт в Москве? Вы же там работали.

— Не вспоминайте об этом аде. Круглые сутки слежка бампер в бампер, почти все знакомства — подставы КГБ, в официальные учреждения не пробиться. Собственно, мы там даже не пытаемся вербовать — лишь встречаемся с агентами, которых удалось завербовать в других странах. Однажды на встречу с агентом меня вывозили в багажнике.

Ростуу вздохнул с облегчением, словно только что выполз из багажника, и выпил бокал шардоне.

На вечер в том же «Шератоне» у Ростуу был назначен ужин с Хватом, оба интенсивно и безуспешно разрабатывали друг друга.

Хват не занимался лично шпионажем, ему это было категорически запрещено, зато он аккуратно следил за военной информацией по египетским газетам, часто встречался с советскими специалистами, работавшими на египетских объектах, раз в неделю посещал министерство обороны Египта. Если бы не настояния Василия Осоргина, вряд ли бы Хват пошел на контакт с резидентом ЦРУ, это была совершенно не его епархия, к тому же пахнувшая порохом.

Но Василий Петрович давил, и Хват, сидя за столиком в любимом всеми шпионами «Шератоне», задумчиво смотрел на величественный Нил и выслушивал рассуждения Ростуу о несовершенствах социалистической демократии, порочности однопартийной системы, нерешенности национальных проблем и прочих составных частей пропагандистской обоймы для обработки советских граждан.

— Ваша жена уже вернулась из Штатов? — сменил неприятную тему Хват.

— Видимо, она задержится там надолго. Вы же знаете всю историю с моим сыном.

Конечно, Хват об этом знал, сам Ростуу сообщил ему, что у сына врожденный порок сердца, требовавший серьезной операции. Эта весть глубоко заинтересовала Василия Петровича, который тут же направил шифровку в Москву с просьбой, выражаясь канцеляритом, изыскать

возможности для операции сына цэрэушника в Москве, что могло радикально продвинуть его разработку к заветному исходу. Центр поддержал предложение резидента, и Хвату вменялось довести идею до сведения цэрэушника.

— Если вы хотите, Фрэнк, я могу организовать такую операцию в Москве. У хирургов, которые лечат политбюро нашей партии. И совершенно бесплатно! — Хват внимательно следил за реакцией Ростоу.

— Большое спасибо, Аркадий. Но боюсь, что мне за это придется платить, разве не так? — и Фрэнк радостно заржал.

Аркадий сделал обиженную физиономию оскорбленной добродетели.

— Я предлагаю вам это, как друг, а вы реагируете, как циник.

Оба расхохотались, дело тихо распалось на куски и накрылось медным тазом, не такой уж идиот был Ростоу, да и кто разрешил бы ему лечить сына в СССР? Сделать это тайно? Это все равно что самому прийти на Лубянку и завербоваться.

Грянул оркестр, и на сцене начался традиционный танец живота.

Дэвид Смизерс немного нервничал, ожидая агента, о деле Хвата он уже направил депешу в Лондон, и начальство взяло его на личный контроль: все-таки не каждый день происходили такие из ряда вон выходящие события, как преступная связь с датским догом. Пришлось даже направить фотографии Нины, сделанные скрытой камерой во время прогулок с Антоном, более пикантные еще не подспели.

Дэвид открыл ключом буфет, где стояли коллекционные бутылочки молта — почти единственная слабость сотрудника СИС, весьма осуждаемая его супругой Мэри, поэтому хранить их приходилось на конспиративной квартире и запирать на ключ подальше от глаз страстной уборщицы, тоже стража морали. Иногда в минуты душевной тоски Дэвид изрядно подрывал свою коллекцию, потом ее пополнял, что было еще приятнее, но чаще всего созерцал бутылочки, как картину Рафаэля или белесые развалины Парфенона. Так они и стояли рядом: крошечные гленливеты, гленфидики, гленморанджи и прочие глены, особенно хорош был «Dalwhinnie». Никак не смог припомнить его вкус. Пришлось попробовать, и, как назло, именно в самый сладкий момент раздался условный звонок в дверь, знаменующий о прибытии Иссама. По его солнечному лику уже было ясно, что операция прошла успешно.

— Мне кажется, вас можно поздравить? — на всякий случай спросил Дэвид, сдерживая ликование, ибо знал, что это сияние обойдется недешево.

— Разве ваш друг Иссам может подвести?

— Поздравляю, поздравляю! Может, отойдете от Корана и выпьете

виски? Все-таки это важный повод!

— Конечно, Аллах простит мне все, что делается для английской разведки! — Иссам принял из рук англичанина стаканчик с коллекционным гленливетом. — Можно лед?

— Истинные ценители никогда не бросают лед в молт, это же не смешанный виски.

— Учиться нам и учиться у носителей цивилизации. вы заставляете меня грешить.

— «Не бойся, о Хайям, что ты заслужишь тут мученья страшные в аду за хмель и блуд. Тому, кто не грешил, не будет и прощенья, лишь грешники себе прощение найдут!» — процитировал Дэвид любимого Хайяма.

Агент допил виски, достал из кармана пачку фотографий в конверте и протянул их Дэвиду.

— Я пойду в соседнюю комнату помолиться, а вы пока посмотрите. Только не упадите в обморок.

Дэвид выпил еще виски, удобнее устроился в кресле и начал рассматривать фотографии.

С порнолитературой он впервые познакомился лишь несколько лет назад во фривольном Копенгагене, где ее выставляли прямо в обычных витринах. Порнолавки он брезгливо обходил, а тут просто пал жертвой датской вседозволенности, в Лондоне такие безобразия полностью исключались, порно строго отводилось свое место, в Лондоне блюли нравы, и даже шлюхи не тянули назойливо за рукав, не зазывали, поглаживая бедра, а деликатно позванивали ключами в подъездах Сохо.

А тут эти фото. В сравнении с ними датское порно выглядело детским лепетом, такого Смизерс и представить себе не мог, лицо его покраснело, как у впервые солгавшего школьника, губы мгновенно пересохли, и пульс неожиданно быстро набрал высокие обороты. Это было нечто. Пес своим грозным обличем явно походил на собаку Баскервильей, возможно, он даже читал Конан Дойла — настолько осмысленный и умный был у него взгляд, да и Нина была красивей и притягательней вдвойне, Смизерс поймал себя на том, что фотографии не вызывают у него никакого отвращения, наоборот, жгучий, постыдный интерес.

— Потрясающе, шеф? — Иссам, появившись после намаза, с улыбкой наблюдал за куратором.

— Отвратительно! — скривился Дэвид, изображая на лице последнюю стадию омерзения.

— Все англичане — лицемеры! — хмыкнул Иссам. — Держу пари, что на самом деле все это вам очень по душе.

— Не говорите глупости! — вспыхнул Дэвид.

— Когда я учился в Лондоне, я читал и «Фанни Хилл», и всю вашу викторианскую порнографию. Нет в мире более сексуально извращенных людей, чем англичане. А гомосексуализм в частных школах? А садистические порки мальчиков? — радовался Иссам, словно застал Дэвида на месте преступления.

Нахал, пришлось прочитать ему небольшую лекцию о том, что, увы, большинство представителей уважаемого третьего мира несколько своеобразно понимают английское гостеприимство и проводят время не в Британском музее, а в грязных кабаках, куда джентльмены не ходят.

Упрек Иссам принял достойно и тут же перевел разговор на вознаграждение: жизнь в Египте дорожала, да и не было такой яркой разработки, наверное, никогда в истории.

— Ну а как развиваются ваши отношения с Ниной? — перешел в контратаку Смизерс.

— А вдруг она предпочитает только Антона? — посмел засомневаться египтянин.

— Учитесь у английских легавых. Знаете, чем они отличаются от континентальных? Основательностью. Не апортируют, не работают по следу, да и злобы у них не так много. Но зато они работают тщательно: выслеживают дичь и делают стойку, ожидая охотника. У них потрясающее чутье и громадная выдержка.

Несмотря на крохоборство агента, Смизерс остался им доволен: умело завязал контакт с Хватами, на лету собрал компроматы, поставив технику, проявил исполнительность и смекалку.

Ужин в честь Хватов Иссам закатил на корабле, курсирующем по грязноватому Нилу.

Сквозь густую темноту прорывались мигания маяков, огни суматошно плясали, растягиваясь на километры. Вода мелко плескалась о борт, дул свежий ветер, и хотелось вечно стоять на палубе, всматриваясь в темноту, словно ожидая неожиданного знака судьбы.

Спустились в ресторан, столик был подобран наилучший, рядом с окном, арабских закусок было великое множество, козырной картой выпало быть бараньему шашлыку, таявшему во рту леденцом.

Мужчинам предложили кальян, и оба принялись за дело, напоминая джазистов, лениво дующих в трубы.

Хваты стойко выдерживали водопад комплиментов Иссама вместе с обвинениями в адрес американцев, англичан и прочих, разлагающих целые нации. Нет, Россия лежит на стыке Европы и Азии, она соединила в своем

сердце христианство и ислам, и поэтому сердце ее переполнено любовью. Россия — это надежда бывших колоний, которые и сейчас грабят до нитки, Россия — благородна и всегда остается другом.

— Друзья мои! Великая честь выпала мне, великое счастье! В знак моих братских чувств позвольте, милая Нина, отблагодарить вас за приход на этот скромный ужин.

Иссам достал из пакета серебряного скарабея, отделанного драгоценными камнями и с такой же серебряной цепочкой, и торжественно повесил его на шею засмущавшейся Нине.

— А это вам, Аркадий. — тут он извлек и развернул папирус. — Это бог бальзамирования, у него собачье лицо и весы в руках. После смерти он кладет сердце человека на одну чашу, а его деяния — на другую. Если сердце перевешивает, то этот бог-хет его съедает и лишает человека бессмертия, ибо даже фараон не может обрести новую жизнь без сердца. Я уверен, дорогой Аркадий, что ваши подвиги всегда перевешивают ваше сердце, и потому вы счастливый и бессмертный человек!

Приятно сознавать себя счастливым и бессмертным, особенно за превосходным шашлыком со вкусом горького дымка и с видом на эстраду, где в пляске святого Витта арабка исполняла танец живота. Хват терпеливо ожидал, когда же наконец Иссам перейдет к просьбам, скорее всего, о посредничестве в контактах с непростой советской торговлей или о покупке какого-нибудь ювелирного чуда, или — самое ужасное! — целой партии парфюмерных масел, дабы разводить их всю жизнь дистиллированной водой, заменяя тем самым дорогие герлены, шанели и диоры.

Но просьбы отсутствовали.

Оркестр заливался, живот наконец отпрыгался и уступил место аргентинскому танго. Тут двинул свои батальоны и Иссам, следуя инструкциям мистера Дэвида Смизерса. Танцевал он осторожно, боясь, не дай бог, коснуться Нины на глазах ее супруга, вел себя чрезвычайно корректно, мысленно напрягая мышцы, — где-то вычитал, что таким образом создается поле из обольщающих флюидов.

Дэвид Смизерс наслаждался солнечным Лондоном — нечастое и упоительное зрелище! — и фланировал по Сент Джеймс-парку, куда прибыл за час до аудиенции у шефа, сидевшего в отделе исследований на Даунинг-стрит. Суетливые туристы, как обычно, замороженно смотрели на королевских конногвардейцев, увековечивая их на фото и видео, худой негритянский юноша старательно обстригал машину лауны, на которых взрастилась Британская империя, бородатый бомж на скамейке смачно

жевал гамбургер, выпуская изо рта ярко-красный кетчуп, ничего не менялось, все было как всегда.

Сэр Хамфри Браун сидел за столом, заваленным бумагами, однако взор его был отвлечен от государственных дел и устремлен в нижний ящик стола, где лежал последний номер «Пентхауса» с весьма выразительными фотографиями. Сэр Хамфри был человеком жизнелюбивым и считал, что любовь составляет единственный смысл человеческой жизни, философские рассуждения на этот счет он категорически отметал и сводил это высокое слово к нормальным половым отношениям, гомо-или гетеросексуальным. «Пентхаус» отставал от жизни и не разнообразил сюжеты, все одно и то же, назойливо и угнетающе невыразительно, слава богу, под «Пентхаусом» таился более смелый порножурнальчик, там радовали глаз приключения онанирующей девицы на лошади и несколько монашек в белых шляпах, в компанию которых залетел со спущенными штанами здоровенный солдат.

Раздался гудок селектора, секретарша (старая ведьма, которую он опасался уволить из-за ее склочного характера) доложила о прибытии Дэвида Смизерса, это было скучнее, чем игры монашек, и сэр Хамфри с грустью задвинул ящик и встал, придав своему лицу выражение служебной озабоченности.

— Что там стряслось, Дэвид? Почему вы настаивали на командировке в Лондон? Неужели мы не могли обсудить все дело с помощью шифровальной связи? — говорил он мягко и без раздражения, одной рукой пододвигая Смизерса к кожаному дивану, рядом с которым на низком столике старая карга уже сервировала кофе.

Недолго думая, Дэвид вынул пакет с фотографиями и положил их перед шефом. Сэр Хамфри небрежно засунул руку в пакет и несколько минут, наморщив лоб, молча рассматривал фото. Смизерс чутко следил за выражением его лица, на нем прочитывалось любопытство, и только. Наивному Дэвиду было невдомек, что в черепной коробке шефа развернулся целый спектакль, куда кроме себя и двух своих нежных подружек он втянул и датского дога, решая одновременно и сложные финансовые вопросы: во сколько обойдется и аренда дога, и согласие его партнерш.

— Кто это? — спросил сэр Хамфри, очнувшись от своих мыслей.

— Это жена военного атташе Хвата и ее кобель Антон. Все получено нашим человеком в каирской контрразведке, который нацелен на разработку этой четы.

Это радикально меняло дело, вообще одно упоминание о русских напрочь выбивало любой романтизм, особенно в компании с кобелем и

двумя лесбиянками.

Дело совершенно экстраординарное, сверхсекретное.

— Не надо говорить открытым текстом даже в моем кабинете. Давайте сразу же дадим всем клички. Значит, Антон? Может быть, Чехов? Неплохой псевдоним.

— Уж лучше Антони Иден, — слегка пошутил Дэвид.

— Антоний и Клеопатра. — шеф задумался, он не пропускал ни одного спектакля в Королевском шекспировском, где у него была масса друзей. — Впрочем, псу можно не давать клички, ведь не заводите же на него дело? Хотя, для конспирации это необходимо. Итак, пес — Антоний, она — Клеопатра, а муж пусть будет Цезарем.

Обеспечив полную конспирацию, приступили к делу.

Вся история выходила за обычные рамки, и в любом случае о ней требовалось доложить премьер-министру, дабы продемонстрировать мощь и старательность подведомственной сэру Хамфри службы. Пикантность ситуации заключалась в том, что пост этот занимала женщина с твердым и беспощадным характером. В каких тонах вести разговор, дабы не смутить чувств железной леди?

По команде шефа подняли архивы и обнаружили там недавний запрос из ЦРУ по поводу Хватов. Смизерс даже покраснел от негодования: значит, Ростоу тоже активно его разрабатывал, а не просто поддерживал официальный контакт с военным атташе, как сообщал Иссам.

Вечером Смизерс вместе с приехавшим из Йоркшира двоюродным братом отвел душу на собачьих бегах, сидели в застекленном ресторане со скудной кухней (гороховый суп, полусырой ростбиф с вареной картошкой), собаки яростно вырывались из своих клеток и мчались наперегонки под улюлюканье зрителей, возвращая Дэвида к мыслям об Антонии и Клеопатре.

Впервые в году на Каир упали легкие капли дождя, небо смилостивилось, и покрытая пылью вечнозеленая зелень вмиг отряхнулась ото сна и ожила. Держа на поводке ирландское великолепие, Иссам вошел в парк и начал поиски резидента Василия Осоргина, который вскоре обнаружился на освещенной фонарями аллее вместе с важным котом, тоже на поводке. Осоргин не любил засиживаться на работе и, к облегчению сотрудников (бывший резидент не уходил раньше десяти вечера, чем он занимался в своем кабинете, никому не было известно, злые языки подозревали, что разгадывал кроссворды, отдавая роковую встречу со своей половиной, которая его иногда публично поколачивала), здание посольства покидал ровно в шесть.

Заприметив приближающегося рыжего сеттера, Осоргин поднял с земли кота и посадил его к себе на грудь, прямо за серый льняной пиджак, успокоительно погладил по голове (кот уже грозно завыл) и попытался быстро миновать незнакомца.

Однако Карара придержал шаг и, безоружно улыбаясь, обратился к Василию:

— Господин Осоргин?

— Совершенно верно.

— Добрый вечер, господин Осоргин, я счастлив вас видеть.

— С кем имею честь? — поднял седые брови резидент.

— Разрешите мне пока не открывать своего имени, господин Осоргин.

Но я работаю в египетской контрразведке и имею деловое предложение.

Упоминание о контрразведке не смутило Осоргина: наверное, будет напрашиваться на вербовку, подумал он, но на фи́га он нужен, если у нас там с полдюжины агентов, не солить же?

Тем временем Иссам достал из кармана фотографию и протянул ее Осоргину, тому пришлось достать очки, придерживая другой рукой кота, урчавшего на груди, хотя сеттер Иссама отбежал покопать норку у могучей пальмы. Он несколько секунд рассматривал фотографию с делано скучающим видом, словно созерцал изображение надоевших пирамид или саркофагов, лицом своим и настроением резидент владел в совершенстве, суть проблемы он понял сразу: дело хреновое, лучше бы оно и не появлялось вместе с этим подонком, возни много, еще больше неприятностей. Жаль Хвата, конечно, не повезло атташе с женой. Впрочем, у каждого свои проблемы: жена Осоргина страдала язвой желудка и многими другими сложными болезнями, постоянно лечилась в СССР. А тем временем резидента, как святого Антония, искушали то нежная продавщица из посольского магазина, предлагавшая привезти ему на дом новые ткани, то юркая секретарша торгпреда, подлетавшая к нему в парке и с визгом гладившая черного кота.

Однако Василий Осоргин был тверд, как кремень: он высоко ценил репутацию КГБ, сконцентрированную в его персоне, резонно считал, что любой романец тут же станет достоянием всей колонии и бросит пятно на вверенный ему коллектив.

— Ну и что вы предлагаете? — спросил он равнодушно, мысленно калькулируя, какой же бакшиш запросит за эту информацию араб.

— Дело в том, что английская разведка планирует провести вербовку господина Хвата и его жены.

— Кто именно из англичан? — спросил Осоргин.

— Разрешите мне передать вам все необходимые данные после того, как мы договоримся о вознаграждении?

Обычная скучная история. Люди гибнут за металл. Осоргин неожиданно вспомнил, как в десятом классе его тренер по волейболу Костя Пеленкин нагло потребовал отдать ему деньги за проведенное им, Осоргиным, судейство — первый нырок школьника в омут капитала.

— Сколько вы хотите? — сухо осведомился резидент.

— Русские — благородные и добрые люди. — начал свою арию Иссам. Василий перебил его:

— Я давно работаю в Египте, и не надо прелюдий. Это стоит не больше пятисот долларов. — Осоргин сознательно занижил цифру, зная, что уважающий себя араб не может обойтись без торговли.

— Да простит меня Аллах! — искренне вскричал Иссам. — Но эта информация стоит двадцать тысяч!

Началась бешеная торговля с взаимными уверениями в уважении и в презрении, Осоргин получал удовольствие от этой игры, душа его отдыхала, голова работала хитро и четко, как компьютер, и он ловко крутил Иссамом, суля ему в будущем золотые горы, резко снижая и умеренно повышая ставки. Для начала договорились о двух тысячах аванса. В ответ на воздетые к небу руки Иссама резидент заметил, что хватит валять дурака, негативы фотографии никто не просит, и даже негативы ничего не стоят, ибо их всегда можно размножить. Еще две тысячи при передаче копии секретного дела на Хватов и характеристики на сотрудника СИС, остальное — тут Осоргин не скупился! — при успешном развитии сотрудничества совершенно иная, повышенная такса.

Удачную сделку омрачил внезапно подлетевший сеттер, который резво взмыл в воздух, перепуганный кот раздулся, как шар, хрипло завыл, захлебываясь в шипениях, изо всех сил рванулся с груди резидента, перевернулся через голову, вырвал поводок, ощерился, брызнул слюной и, визжа диким фальцетом, молнией взлетел на пальму.

Напрасно Иссам кричал на возбужденного пса, призывая его к порядку, — сеттер вырвался из-под контроля и пытался вскарабкаться на пальму, пришлось его грубо оттащить. Осоргин провозился с любимцем еще целый час, пытаясь сманить его с пальмы, но ничего не помогало: ни ласковые призывы, ни раскачивание дерева, и, если бы не служитель парка, принесший лестницу, он так бы и остался ночевать на пальме.

Через несколько дней Осоргин, предварительно запросив начальство о командировке, вылетел в Москву для обсуждения важного дела, хотя мнение Центра считал, как правило, идиотским: кто лучше знает ситуацию

в Египте — резидент или какой-нибудь высокопоставленный хмырь, излагающий мысли по справке необстрелянного сосунка или даже динозавра, которого в свое время поперли из резидентуры за бездеятельность?

По дороге в штаб-квартиру разведки он открыл огромный портфель с виски и канцтоварами (в них Центр испытывал постоянный и ненасытный голод) и, прикинув намеченные аудиенции, произвел сортировку груза по пластиковым пакетам. Колдобины окружной дороги, бесконечные грузовики, скучные коробки новых районов, вечно не достроенных до конца, наводили на мрачные мысли о несовершенстве социализма, правда, в сравнении с Египтом все выглядело раем — там вообще жили без крыш, и даже на кладбищах.

Наконец, первый кордон (там лишь взглянули на пропуск за передним стеклом), огромный парк автомобилей, вывеска НИИ, уже строгая проверка при въезде в ворота — и величественные, со вкусом построенные здания, окруженные лесом. Некоторые жители первоначально считали весь комплекс правительственным санаторием, потом, когда пришлось набирать техперсонал из соседних районов, истина быстро вышла наружу.

В кабинет своего шефа Владимира Васина он вошел легко и уверенно, коллеги по-братски обнялись, Васин принял сувениры в пластиковом пакете и, не раскрывая, сунул их в книжный шкаф. Его маленький рост печально контрастировал со статной фигурой резидента, и вообще физиономия у шефа была на редкость уголовная благодаря сверкающему ряду золотых зубов, оспинкам и татуировке. А ведь голова! Ухитрился получить три высших образования и даже написал диссертацию об особенностях работы против США на арабском Востоке. Появился китайский чай — в нем Васин был искусник, умел смешивать и перемешивать разные сорта, — и Осоргин тут же взял быка за рога, выложив на стол фотографии. Васин понял все с полуслова, ничего развивать и пояснять не требовалось, это спущенному сверху партией начальнику разведки приходилось разжевывать все, как малому дитяти, убежденному, что дети рождаются в капусте, и выслушивать соответственно идиотские вопросы.

— Ну и дела! — гоготнул Васин. — Я такого сроду не видел. Это тебе не сраные журнальчики, которые ты не привозишь, хотя я и просил. Сделано профессионально!

Осоргин заметил, что вокруг атташе завязывается неприятная и опасная свистопляска, и единственный выход — тишайшим образом отозвать супругов на родину.

Васин задумался и почесал свою живописную шевелюру.

— Нет, старик, так не пойдет. Отзывать его можно только с санкции ЦК, это же не студент, а военный атташе, номенклатура! Надо собрать побольше материалов. Интересно, что же это за мужик, если его жена. не понимаю! Может, у него тоже отклонения?

— На вид нормальный. Кроме этого сукиного сына Антона у них персидский кот, которого он очень любит. Как-то рассказывал мне, что кот ночью спит с ним на подушке, мурлычет и иногда даже, вообразив себя снова маленьким котенком, сосет ему шею. Он даже засосы показывал, при этом смеялся. Тогда я не придавал этому значения.

— Ну и ну! Странная история, но нужен солидный предлог для отзыва. Без всяких животных. А что, если пригласить Хвата в Москву, кстати, мы скоро организуем в МИДе совещание по проблемам безопасности совколонии. Конечно, военных атташе там не будет, но в принципе почему бы нет? В порядке исключения. Прикроемся некими настораживающими моментами в работе западных спецслужб в Каире, одновременно попросим пройти обычную диспансеризацию. Подключим агентуру нашей военной контрразведки в их поликлинике, все будет о'кей. Проверим его даже на гомосексуализм. у нас есть один гомик, который чувствует своего брата за километр. Дело серьезное, но спешить не будем, зачем губить карьеру честного человека из-за какой-то шлюхи?

Мудрое решение, тише едешь — дальше будешь; медленно идешь — поймаешь обезьяну; семь раз отмерь — один раз отрежь; не тревожь тревоги, пока тревога не тревожит тебя; поспешишь — людей насмешишь.

На конспиративной квартире Смизерс осчастливил Иссама решением Лондона о повышении ему вознаграждения — этот жест прямо увязывался с развитием Иссамом бурного романа с Ниной. Начало было положено приглашением на танго, правда, Иссам не почувствовал безумной тяги к нему, но кто может проникнуть в сердце женщины? Ну как можно не любить красавца араба с черными усиками!

— Мне она не нравится. — жаловался Иссам.

— Перестаньте, вы же восточный мужчина, у вас горячая кровь! — глаза у Смизерса горели, словно он самолично соблазнял Нину.

— О'кей! По данным подслушивания, Хват скоро уезжает на совещание в Москву. Но я хотел бы отдельной компенсации за эту сложную операцию.

— Мы вам только повысили жалованье. как вам не стыдно! За что компенсацию?! Вы же будете получать удовольствие!

— Дорогой Дэвид, удовольствие нельзя получать по приказу, тогда оно

превращается в пытку.

— Хорошо, я запрошу Лондон, — сдался Смизерс.

— Вы самый умный, самый порядочный человек, которого я когда-либо встречал, дорогой Дэвид. Я был бы счастлив, если бы вы стали моим братом или отцом. — говорил Иссам, торопясь к выходу.

Проводив его, Дэвид достал миниатюрную бутылочку «Джонни Уокера», явно по недосмотру затесавшуюся в ряды чистопородных молтов, вылил в стаканчик, разбавил водой. Подумал, что он сам никогда бы не смог ни познакомиться на улице с Хватами, ни вести разработку Нины. Познакомиться на улице! Да Смизерс упал бы в обморок или лишился бы дара речи, если бы ему поручили такое дело, однажды он пытался познакомиться на дипломатическом приеме с пресс-секретарем греческого посольства, пышноволодой брюнеткой огромных размеров, нашел в себе силы подойти к ней и представиться, однако пригласить ее на ланч не решился.

Стало грустно, он наугад вытащил еще бутылочку, оказавшуюся двенадцатилетним молтом «Gardhu», его он никогда не пил, где в Шотландии находится этот заводик? На этикетке виднелся грузноватый замок над озером, ах, выбрать бы время и проехать по Шотландии! «Gardhu», конечно, давал фору «Джонни»: и мягче, и неизъяснимо обаятельнее. выгорит ли все дело с Хватами? Положа руку на сердце, вся эта история с догом по-человечески неприятна. Может ли разведка действовать столь аморально, влезать в личную жизнь, фотографировать, а потом шантажировать? В конце концов, такие методы разлагают самих исполнителей, превращают их в циников, а зачастую и в предателей. Конечно, датские доги красивы, они хорошо украшают интерьер, растянувшись на ковре около камина, а еще лучше смотрятся среди дубов около замка, однако они не идут ни в какое сравнение ни с пойнтерами, ни с сеттерами, особенно ирландскими, еще он ценил чешских усачей, грифонов и веймарских легавых. С черным догом все ясно, а вот насколько надежен Иссам? Зачем выезжал Осоргин? Инструктивное совещание? Личные дела? Пробыл всего лишь три дня и сразу же вылетел обратно.

В это время Осоргин с котом за пазухой и Аркадий Хват, спустивший с поводка Антона, степенно прогуливались по аллеям Замалека.

— Пожалуй, тебе больше не стоит заниматься этим идиотом Ростоу. — Осоргин получил указание вывести Хвата из разработки. — Американцы работают грубо, склонны к провокациям и могут скомпрометировать весь аппарат военного атташе, а не только тебя. Пожалуй, я возьму его на себя, мне уже сам черт не страшен, они знают меня насквозь.

Хват принял это решение с облегчением.

— Я только что получил шифровку с вызовом в Москву на совещание. Правда, не указали, какого рода.

Идиоты, подумал Осоргин, не умеют ничего организовать, делают секреты из чего угодно, а потом удивляются, что люди пугаются и дают деру.

— Мне говорили в Москве об этом, — доверительно сообщил Осоргин. — Рутинное совещание по проблемам безопасности, вызвали туда народ из разных точек, проводить будут наши ребята в рамках МИДа. Так что если у тебя что-то возникнет.

— Спасибо, — улыбнулся Хват и крепко пожал руку резиденту, последний поймал себя на том, что испытывает чувство брезгливости, возможно, это объяснялось приближением Антона, распустившего свой огромный механизм.

Резиденты дружественных разведок крепили свое сотрудничество не только в парке или в «Шератоне»: на сей раз местом встречи был каирский зоопарк, переполненный школьниками, шум там стоял невероятный, детские выкрики перемешивались с ревом животных и возгласами птиц — тут и беседовать было трудно из-за гама, не то что прослушивать разговор через «жучки».

— Вы не представляете, какие это мерзавцы! — говорил Дэвид, указывая на школьников. — Недавно моя Мэри пришла сюда в открытом платье, и они, как шакалы, налетели на нее и стали трогать голые ноги и грудь! Они сексуальны с раннего детства.

— Мэри пошла на риск, разве вы не знаете местную публику и законы ислама? Но я пригласил вас по другому делу. Я встречаюсь с военным атташе Хватом и веду его разработку. Недавно я узнал, что им занимаетесь и вы.

— Совершенно верно. Я давно собирался с вами на эту тему поговорить. Лондон просил скоординировать наши усилия. — Смизерс почувствовал, что Хват уплывает из его цепких объятий, не дай бог, ЦРУ уже прослышало об истории с догом.

— Бросьте крутить, Дэвид. Я начал его разработку гораздо раньше вас и имею полный приоритет. Так что вам придется сворачивать удочки и заняться кем-нибудь другим.

— Извините, Фрэнк, но мы располагаем на Хвата весьма серьезными материалами. — заюлил Смизерс.

— И это я знаю. И в отличие от вас, лицемерных британцев, скажу прямо: ваш агент Карара недавно подкатился ко мне и предложил за

двадцать тысяч долларов фотографии жены атташе с кобелем.

Вот сволочь! Информация — как снег на голову. Правда, история с догом уплыла не к врагу, а к друзьям (избавь меня Бог от друзей, а от врагов.), это меняло дело.

Смизерс попридержал в груди всю буйную гамму эмоций и сделал нейтральную физиономию.

— Все арабы такие! — продолжал Ростю. — Считают неприличным не работать сразу на несколько разведок. Дело интересное, но может сорваться. Помню, еще в Штатах мы хотели завербовать одну послицу, которая черт знает что выделывала на хребте у лошади и от этого дела однажды свалилась на землю. Но характер у нее был строптивый, и она послала нас к черту.

— Но давайте как-то скоординируем наши усилия, — уступил Дэвид. — Давайте вести совместную разработку, мы все же союзники! Вы продолжите встречи с Хватом, а я буду использовать этого сукиного сына Карару. Заодно вы сэкономите двадцать тысяч, и мы оба будем неплохо выглядеть в глазах нашего начальства.

— О'кей, Дэвид. Но при условии, что вы не будете хитрить, как лиса, — согласился Ростю.

Великие шпионы остановились у клетки с макаками с блестящими, вызывающими грусть красными задами — ах, как они походили на человека! неужели все мы ведем от них свой род?

— Если бы вы не хитрили, Дэвид, мы могли бы во многом преуспеть. — повторил Ростю, словно читая мысли англичанина.

— Ваше очень английское сослагательное наклонение напомнило мне хороший анекдот: леди с дочкой пришли в зоопарк и остановились у клетки с обезьянами, которые вдруг затеяли любовь. Дама — в шокинге, а девочку не оторвать от зрелища. «Мама, я хочу смотреть, как обезьянки играют! Не уводи меня!» Тогда негодующая дама повернулась к сторожу. «Извините, сэр, но если бы я дала этим несчастным созданиям немного орешков, они прекратили бы эту безумную игру?» Сторож выдержал паузу: «А вы бы прекратили, мадам?»

Оба загоготали так радостно, что макаки напряжились и вытаращили круглые глаза, а резиденты, закончив принципиальный разговор, вышли из царства зверей на улицу и съели жареных кальмаров в европейском ресторанчике, запив их египетским пивом.

К приезду Хвата Центр провел солидную работу: уже в Шереметьеве военного атташе ожидала целая группа сотрудников КГБ с агентом-гомосексуалистом по кличке Индикатор, который впивался взглядом в

каждого пассажира рейса Каир — Москва, проходившего через контроль. Агент работал на износ, не жалея своего биополя, и выявил трех лиц с гомосексуальными наклонностями, к счастью, среди них не было ни дипломатов, ни кагэбэшников, ни прочих облеченных доверием граждан, все извращенцы, к счастью, работали на строительных объектах и к секретам доступа не имели.

Диспансеризация не смутила Хвата, ее обычно проходили ежегодно, правда, его несколько шокировало усердие врача, прощупывающего простату, повышенное любопытство уролога, излишек вопросов у кожника, добивавшегося, болел ли атташе сифилисом и прочими неприличными болезнями, злоупотреблял ли случайными связями и вообще как складывалась его половая жизнь. О последнем допрашивали и два психиатра, посадив на полиграф и обмотав электродами, допрашивали с пристрастием, нырнув в его родословную колена на три назад. Вопросы были явно взяты из свежих американских методик, отравленных фрейдистским психоанализом, и отличались особой заковыристостью: «Много ли водки потреблял дедушка по линии отца? Пил ли дед по линии матери?» Затем подошли ближе: «Не испытывал ли Хват влечения к матери в детстве? Не нюхал ли ее ночные рубашки? Часто ли забирался к ней в постель? Куда целовал? Ревновал ли к отцу? Были ли у нее любовники и как он к ним относился? Занимался ли онанизмом и как часто?» От перекрестных вопросов и многозначительных переглядываний психиатров Хвату стало не по себе, к тому же в комнате было душно, он промок от пота, словно попал под тропический дождь, казалось, что полиграф зашкалил на индикаторах бессовестной лжи, хотя он говорил чистую правду. Дальнейшие вопросы загнали бы в обморок даже мумию: «О чем вы думаете, когда видите мусор на улице? Что испытываете в лифте, оставшись наедине с незнакомой женщиной? Всегда ли вы так потеете, как сейчас? Бывает ли у вас эрекция во время обеда или ужина? Не были ли связаны с конюшнями или псарнями?» Голова пошла кругом, потрясенный военный атташе с трудом выполз из кресла полиграфа, так ничего и не поняв. Однако Хват был настолько безгрешен, что ничто не могло испортить ему настроения, и он списал все на перестраховки, авралы и прочие глупости организации.

Тем временем вражеские разведки не дремали, и отсутствие мужа было активно использовано для фронтального наступления на неустойчивую половину.

— Добрый день, дорогая Нина, это Иссам. Могу я поговорить с Аркадием?

— Его нет дома. — Нина была любезна, но сдержанна.

— А когда он будет?

— Дело в том, что он в командировке в Москве.

— У меня срочное дело, Нина, я сейчас недалеко от вашего дома. Есть партия превосходных ювелирных изделий, которые идут за очень низкую цену. Золото высшей пробы и в кредит. Другого случая не будет. Могу я зайти и показать вам товар?

Нине и в голову не приходило, что Иссам может за ней ухаживать, танец с ним она восприняла без всяких эмоций, правда, ее раздражал слишком сладкий запах духов, исходивший от араба. Ювелирные изделия? Такой шанс упускать глупо. Для Каира дело обычное, золото тут дешевое, почти все семьи покупают, а в Москве сдают в комиссионные или продают через знакомых, шанс упускать нельзя, не прибудет ли Иссам часа через два?

Нина встретила его в глухом английском костюме, белая блузка под пиджаком закрывала горло, великая грешница очень напоминала выпускницу института благородных девиц. Антон без удовольствия рассматривал пришельца, пришлось на всякий случай вывести его в другую комнату и закрыть дверь.

Словно добрый Санта-Клаус, Иссам вытянул из сумки целые груды украшений и аккуратно разложил их на столе. Нина глядела на драгоценности, словно замороженная.

— Вы разрешите мне примерить вам это ожерелье? — он чуть прижался к ее спине, застегивая сзади серебряное украшение, он брал со стола новые и новые изделия и, сладко улыбаясь, прикалывал к груди и надевал на руки.

Нина чувствовала себя неловко, от запаха его одеколona поташнивало, но что делать, если все арабы одинаковы в своих глупых ухаживаниях?

Неожиданный поцелуй в шею сзади. Отодвинулась, а он вдруг схватил двумя руками соломенного цвета волосы и словно засунул их в рот.

— Прекратите!

Но он, дурак, ухватил и потянул на диван, покрытый оленьей шкурой, прильнул к ней горячим телом — тут запах кислого пота затмил одеколон, и Нина ответила мощной контратакой с криком.

И свершилось бы, и появилась бы еще одна Мессалина, если бы стеклянная дверь не затряслась от сильных собачьих лап: Антон сначала бил по ней лапами, потом стал царапать по стеклу, неистово воя, словно ему отрубили хвост, затем начал оглушительно рычать и лаять — и вдруг стекло расколосось под ударами, и огромный дог на высокой скорости

ворвался в комнату, одним прыжком взлетел на диван и вцепился Иссаму в его жирный курдюк. Иссам заорал так, что пес замер от неожиданности, перепуганная Нина схватила Антона за ошейник и выволокла на кухню, а герой-любовник со стонами и проклятиями быстренько сунул в сумку все драгоценности и бросился вон из квартиры, забыв попрощаться с хозяйкой.

Вечером Смизерс ужинал с Ростом, выбрали пригородный ресторан, и американец любезно заехал за ним на своем открытом белом «Бьюике». Медленно пробирались через суетливый, беспорядочный Каир, дул холодный хамсин, и пришлось поднять брезентовую крышу.

Ужинали легко: немного хумуса с питой, жареный халибат и шпинат, от вина и пива отказались, довольствовались «Перье» и сугубо служебным разговором. Делать ли подход с компрой к жене? Оба не считали прекрасный пол кладезем ума, сошлись на том, что вербовать ее «в лоб» крайне рискованно, она — человек неискушенный, может подумать бог знает что, устроит истерику и, самое главное, ничего не поймет. Итак, остался сам Хват. Почему бы не бросить на него Иссама?

— Провал гарантирован, — холодно заметил Ростом, смотря на Дэвида, как профессор на глупого ученика. — Во-первых, ваш Иссам сдрейфит, во-вторых, белый человек никогда не поддастся шантажу со стороны араба. Тем более русский офицер. Для него это унижительно. Вербовать должны вы!

Это не лезло ни в какие ворота, держи карман шире!

Если перехватил дело, то сам и вербуй! Или один будет глотать с Хватом устрицы в «Шератоне», а другой размахивать у его носа компроматами? История разведки полна случаев, когда в такой ситуации вербовщику выбивали зубы или огревали по голове бутылкой, особенно это свойственно непредсказуемым русским.

— Нет, — поморщился Смизерс. — У меня вся эта история вызывает чувство омерзения. Я вербовал русских, но чтобы предъявлять такие постыдные фото. Это противоречит кодексу джентльмена. — он с удивлением почувствовал, что говорит чистейшую правду.

— Вы, случайно, не родственник королевы и член палаты лордов? — захохотал американский нахал. — Даже смешно слышать такие рассуждения от профессионала. Вся разведка — это шабаш ведьм и торжество безнравственности. Хорошо, вербовать буду я!

Итак, на авансцену вышла американская разведка, с ее пристрастием к лобовым атакам и мгновенным победам.

Ростому особо и не раздумывал: что может быть проще, чем пригласить старого знакомого в ресторан и там сделать ему вербовочное предложение?

О компромате на данной фазе ни слова, пусть это проходит подтекстом, вроде бы между строк. Но ведь Хват, бесспорно, не осведомлен о наклонностях жены, он не поймет подтекста. О'кей, тогда придется в общей форме намекнуть на деяния половины. Но как лучше это сделать?

На следующее утро Фрэнк набрал телефонный номер военного атташе:

— Добрый день, Аркадий, это Фрэнк. Могу я пригласить вас завтра на ланч?

— К сожалению, я занят. — чувствовалась сдержанность и напряженность.

— А послезавтра?

— Тоже занят.

— А как у вас следующая неделя?

— Вы знаете, Фрэнк, я очень перегружен. Когда освобожусь, то позвоню вам сам. До свидания!

Нет ничего хуже в разведке, чем уплывшая инициатива, когда лелеемая личность обещает позвонить сама, дав тем самым понять, что лучше ее не тревожить, возможно, никогда. Личность не позвонит, она просто хочет отделаться, она не ищет на свой хвост приключений. Иногда меняют номер телефона, адреса, уезжают из страны, делают пластическую операцию.

В Москве дело Хватов пошло по начальственному кругу, вызывая и изумление, и возмущение. Начальник разведки не рискнул нести материалы к председателю КГБ и перебросил все на плечи Васина. Тот тоже не первый день работал в КГБ, тут же раскусил маневр шефа и решил заручиться личной поддержкой резидента, а заодно в случае неблагоприятной реакции использовать его в качестве громоотвода. Осоргина снова вызвали в столицу, вдвоем разработали тонкую тактику доклада председателю: сначала резиденту следует красочно обрисовать агентурно-оперативную обстановку в Египте, а затем, вроде бы между делом, доложить о нестандартной истории. Председатель любил принимать резидентов. Умудренный опытом, до неприличия интеллигентного вида (рядом с другими членами политбюро он смотрелся, как Сенека на фоне дворовой футбольной команды), осторожный, как лис, он умел произвести впечатление.

Осоргин обрисовал ситуацию в Египте, сделал это выразительно и коротко, зная, что председатель не терпит, когда размазывают кашу по тарелке. Когда он перешел к заговору англичан против Хвата, председатель сам бросил ему спасательный круг:

— На какой основе англичане планируют вербовать этого Хвата?

Осоргин посмотрел на Васина, но тот всем видом показывал, что дополнять доклад не имеет желаний.

— Мне даже неудобно говорить, но они добыли фото его жены, которая с черным догом. — Осоргин засмутился и покраснел, словно сам имел несчастье попасть в историю с этим проклятым кобелем.

— Что с черным догом? — не понял председатель, воспитанный в духе аскетического большевизма и считавший вершиной разврата так называемый оральный секс.

— Ну он. это самое. я могу показать фото. — мялся Осоргин и вдруг ляпнул: — Да она живет с черным догом!

Сообщение застало председателя врасплох, такое ему и в голову не приходило, он поморщился, словно съел целый лимон, и упавшим голосом молвил:

— Какая мерзость! Неужели это возможно?

— Вот фото. — лицо у Осоргина стало блевотным.

Но председатель резко отбросил от себя фотографии и скривился еще больше.

— Мы предлагаем срочно отозвать военного атташе! — бодро заявил Осоргин.

Наступила пауза.

— Но я же должен согласовать это с министром обороны, которому он подчинен. Интересно, что я ему скажу? И неужели мы будем писать об этой гадости в ЦК партии?! — одна мысль, что честные партийцы, включая секретарей ЦК и членов политбюро, будут читать такую вульгарную докладную записку, привела председателя в ужас.

— Можно придумать что-нибудь другое, — вставил Васин. — Найти иной предлог для отзыва. Кто нас проверит?

Тут он совершил ошибку: такие предложения вносят совсем на другом уровне.

— Я никогда не обманывал партию и вам не советую! — нахмурился председатель и задумался.

Присутствующие почтительно молчали, следя за вызреванием оптимального выхода из тупика.

— Вот что: этого негодяя надо ликвидировать! — решительно сказал шеф.

— Хвата? — перепугался Васин.

— Нет. Этого мерзкого кобеля! Как писал Уильям Блейк, «Червь рассеченный плуг не клянёт». - председатель сам писал стихи и любил блеснуть эрудицией. — И сделайте это побыстрее.

Он уже забыл о блестящем докладе резидента, кобель все смазал, внес душевную боль. Махнул подчиненным рукой, даже не пожелал успехов в работе.

Как убить кобеля? Пришлось обратиться за помощью к технарям, там пообещали быстродействующий яд.

Вернувшись в Каир, Осоргин первым делом пригласил к себе в кабинет военного атташе.

— Сам председатель вызывал, — заметил резидент, никогда не упускавший случая, чтобы поднять свой престиж. — Был я и у тебя в управлении, выказал высокую оценку взаимодействия наших коллективов. О тебе там очень хорошего мнения.

— Большое спасибо! — отвечивал благодарный Хват. — Жаль только, что вам они говорят одно, а мне присылают только втыки.

Тут Осоргин объявил, что привез большие запасы черной икры, настоящего балыка из цековского буфета и даже добытой там же любительской и сухой колбасы производства микояновского комбината. О, если бы жена была в Каире — проклятая болезнь! — он тут же закатил бы пир на весь мир.

Хват понял с полуслова проблему и тут же предложил организовать все у него на квартире. Возможно, еще кого-нибудь пригласить? Зачем? Посидим втроем, потолкуем.

Запрятав в карман пиджака ядовитый порошок, Осоргин прибыл в гости точно вовремя (он патологически не выносил любое опоздание), прогулялся по комнатам и задержался на кухне, прикидывая свои дальнейшие действия. Средних размеров миска, из которой питался дог, была пуста: Хваты кормили его в определенные часы. Однако что мешало гостю взять кусок со стола и угостить собаку? Обычное дело, кто из нас не испытывает добрых чувств к животным?

Нина делала последние приготовления, Осоргин и Хват выпили водки (никаких виски, никаких креветок, все русское), датский дог и его приятель персидский кот сидели рядом и не обращали друг на друга никакого внимания.

— Ростоу мне звонил раз пять, все приглашал на ланч, — докладывал Аркадий. — Как мы договорились, я деликатно отказывался.

— Тебе не надо с ним связываться. Все-таки ЦРУ — это наш объект проникновения, у тебя хватает и своих дел.

А сам все думал, что придется травить пса, противно было боевому офицеру, заслуженному разведчику совершать такую мерзость. Что за идиотизм? Интересно, а что, если бы кто-нибудь отравил его кота? Он даже

задохнулся от гнева, да он убил бы негодяя, задушил бы собственными руками!

Чокнулись, выпили, чокнулись, выпили.

Нина чуть прихлебывала из рюмки и часто выходила на кухню, боясь, что переварятся пельмени.

И тут конфуз: пес обхватил ногу резидента и сделал ее объектом своего патологического вожделения, пришлось его выставить на кухню.

Приняли еще по несколько рюмок.

— Что-то я перепил, — заметил Осоргин, приготовившись к решительному броску.

Закусил ветчиной, но дожевывать не стал, а сделал озабоченное лицо и направился в туалет. Достал порошок, и вдруг стало безумно жалко пса, брата меньшего, даже сердце сжалось, словно родного человека убивать собирался.

Да ну его к черту, идиота председателя! Пусть сам травит, а не указания дает! А как же долг? Ведь это не личное, а государственное дело. Приказ следует выполнять. Нет, не буду, не хочу быть мерзавцем! Душа разрывалась, но Осоргин все же сыпанул на изжеванную ветчинку, сыпанул чуть-чуть, самую малость, для утешения чекистской совести, вышел на кухню и сунул псу кусок, тот жадно сожрал его, крутя благодарно хвостом.

Выпили кофе с коньяком, и резидент мирно отправился домой, пожелав хозяевам спокойной ночи.

Хват проснулся рано утром от дикого крика жены, он бросился на кухню и увидел ее рыдающей над Антоном, лежавшим на боку и беспомощно моргавшим глазами. Срочно вызванный ветеринар констатировал паралич конечностей. — Гуманизм Осоргина сыграл злую шутку.

В семье Хватов наступил траур, все разговоры были только о датском доге, Нина потеряла за неделю килограммов десять.

— Хорошо, что мы успели сделать фотографии, — докладывал Иссам на конспиративной квартире Смизерсу. — Вы не представляете, что происходит на квартире. Оба плачут, Хват ходит сам не свой, бедная женщина даже перестала есть.

— Все это совсем некстати, — говорил Смизерс. — Я должен сделать вам замечание, Иссам. Зачем вы рассказали об этом деле Фрэнку Ростосу?

— Но вы же союзники, вы же товарищи по оружию! — искренне удивился Иссам. — Я не знал, что у вас секреты друг от друга.

Какая сволочь, думал Смизерс, продажная арабская скотина!

После явки объект английских проклятий отправился на автомобиле на

другой конец Каира, где в своем «Опеле» его ожидал Осоргин.

— Вот вам деньги, — начал он деловито. — Когда англичане планируют вербовку Хвата?

— Не знаю. Сколько тут?

— Пять тысяч долларов.

— Но вы же обещали восемь! — улыбка впервые сошла с его лица.

— Мы — пролетарское государство и экономим деньги рабочих и крестьян. К тому же эти фотографии большего не стоят. Где гарантии, что это не монтаж? — Осоргин говорил жестко и безапелляционно, он знал, как работать с арабами.

Лучше пять тысяч, чем ничего, и Иссам безропотно взял конверт.

Союзники бились над другим вопросом: как вытащить Хвата на контакт, если от встреч с американцем он отказывался?

— Сделаем так, — говорил Росту, — вы пригласите Хвата к себе домой на ланч, а я неожиданно появлюсь к десерту. Ваша Мэри в это время будет на работе, а вы по моему сигналу выйдете в другую комнату. Только подпоите его хорошо.

— Не устроит ли он скандал? — забеспокоился Смизерс.

— Не беспокойтесь, в молодости я был боксером.

Нашли хороший предлог: Смизерс звонит Хвату, как собачник собачнику. Весть о тяжелой болезни черного дога уже облетела весь дипкорпус, англичанин выказывает свое сочувствие и предлагает лекарство, которым он лечил своего сеттера, у которого однажды отнялась нога. Если Хват заедет к нему домой, он готов передать лекарство.

Так и сыграли на следующий день. Военный атташе несколько удивился, но, узнав о прекрасных свойствах лекарства, не колеблясь, пообещал прибыть на квартиру. Резидента КГБ он решил не информировать: опять начнет свое о готовящихся провокациях, в конце концов, он только возьмет лекарство, за это подарит англичанину пару бутылок водки, и точка. Здоровье собаки превыше всего, да пусть хоть весь КГБ встанет заслоном, черт бы его подрал!

На квартире у Смизерса все было готово к бою, Росту сидел в машине недалеко от подъезда, он хорошо видел, как у дома запарковалась машина Хвата.

Раздался звонок, и Смизерс, подавляя волнение, изобразил живую добродетель и впустил Аркадия в дом.

Рыжий ирландский сеттер мирно лежал на ковре, выпили по виски, закусили сыром.

— Чудесный стилтон! — хвалил сыр военный атташе. — А я-то думал,

что англичане едят только овсянку и яичницу с беконом.

— Все это было давно, но Англию испортил континент, — шутил Смизерс. — А сейчас в любом лондонском супермаркете вы можете купить котлеты по-киевски. Надеюсь, вашему прекрасному псу поможет лекарство.

— Вы даже не представляете, как я вам благодарен! — расчувствовался Хват, считавший Смизерса серой мышью и скользкой змеей, ему было приятно, что ошибся, нет ничего прекраснее общения с добрыми и отзывчивыми людьми!

Англичанин тем временем взял вазу с цветами и переставил ее на подоконник — сигнал, знакомый всем школьникам, бегающим на шпионские фильмы.

Росту тут же выскочил из машины, позвонил в дверь. Смизерс сделал удивленное лицо, но пояснил, что перед отъездом в отпуск к нему заезжают попрощаться друзья.

Хват настолько размягчился, заполучив лекарство, что вообще не обратил внимания на звонок, наконец, Нина обретет покой, а через месяц-другой пора и в отпуск, в санаторий имени Клим Ворошилова — полное воздержание от спиртного, диета, подъем в семь, утренняя пробежка, морские и солнечные ванны, гуляние по терренкурам, черт побери.

— Извините, что без предупреждения, Дэвид, — гудел в коридоре Росту, подкрепляя легенду, — но я случайно оказался в этом доме у своего приятеля и решил пропустить у вас молта. О, у вас гость! Мой старый друг! Здравствуйте, Аркадий, очень рад вас видеть! Я вам не помешал, джентльмены? — Росту нервничал и несколько суетился.

— Что мы можем сделать с натиском представителя супердержавы? — горько заметил Смизерс, пытаясь оживить атмосферу весьма бледным английским юмором.

— Разве Штаты супердержава? Одна видимость. Все государства переживают триумф, а потом умирают. Как и мы, смертные. Все мы на вид мощны, а внутри — труха. Вспомните Тутанхамона: он держал в узде весь Египет и был грозой женщин. А недавно в национальном музее я видел его презерватив. Размером в мизинец! Вот вам и гигант секса! — Росту неестественно захохотал, приглашая всех участвовать в этом пире веселья.

— Я пойду вымыть руки, — скромно сказал Дэвид, выскользнул из комнаты и тут же прильнул к замочной скважине.

— Как странно, что я вас тут застал, — продолжал свою роль великий актер. — Почему вы отказываетесь от ланча? Неужели русские подозрительны в отношении американцев?

Хват уже кожей профессионала почувствовал заговор и напрягся.

— У нас заболел датский дог, и приходится за ним ухаживать. Извините, я уже засиделся, и мне пора. Где Дэвид?

Росту с удивлением констатировал, что совершенно обессилел от этой игры, все варианты мягкого перехода от светского разговора к вербовке мгновенно улетучились, в голове стоял туман. Он вытащил фотографии и дрожащей рукой положил их на стол.

— Мы предлагаем сотрудничество, Аркадий, — сказал он хрипло, почти теряя сознание от волнения.

Больше он не смог вымолвить ни слова и прильнул к стаканчику виски, с ужасом слыша, как стучат об него его зубы. Боже мой, какой пассаж! Неужели он трус? Слава богу, что этот английский заморыш сидит в соседней комнате, как мышь под веником!

Военный атташе глянул на фото и смертельно побледнел. Несколько секунд он сидел молча, — Росту казалось, что он слышал удары его сердца — затем встал (американец подумал, что если Хват ударит снизу вверх, то придется вставлять новую челюсть), сунул фото в карман и твердым шагом, словно при смене караула, вышел из комнаты.

Резко, как в дурном кино, взревел мотор, и завизжали колеса. Хват медленно прорывался через автомобильные пробки, собственно, руль сжимал робот, мысли военного атташе были совсем далеко, вспоминался бал в суворовском училище, на котором он впервые увидел Нину, скромную школьницу с легкой походкой и уволакивающими в себя голубыми глазами. О, ее соломенного цвета волосы, пахнувшие то ли сиренью, то ли геранью. Не может быть! Наверняка это монтаж, умело сделанный мерзкий монтаж! Не внушай себе ерунду, полковник, все это правда, разве ты сам иногда не чувствовал по глазам дога, что он влюблен в твою жену? Разве тебе не было противно, когда она иногда чесала его пузо?

Руки до боли сжимали руль, пиджак и рубашка насквозь промокли от пота.

Смизерс влетел в комнату, дрожа от волнения.

— Поехали к нему! У меня дурное предчувствие!

— Успокойтесь, Дэвид, это обычная работа! — Росту уже оправился после потрясений и старался держаться, как Джеймс Бонд после прыжка на парашюте с горящего самолета. — Дайте ему подумать, он оценит ситуацию и согласится. Это азы разведки, никто не соглашается сразу! Дайте ему пережить шок!

— Поехали к нему! — заорал Смизерс. — Немедленно! Я слышал и видел, как вы клали в штаны, хватит играть героя!

— Подумайте об интересах дела! — тоже повысил голос Росту. — Надо выждать! Мы же с вами разведчики!

— Мы с вами говно, говно, говно! — это была истерика. — И наши службы — полное говно!

Если вы не поедете со мною, я отправлюсь один! — Дэвид буквально вытолкнул Росту на улицу и посадил рядом с собою в машину.

А Хват все гнал и гнал, никак не мог добраться до дома, в голове — Нина, дог, казармы, плачущие чехи в Праге, обступившие танки, снова Нина, соломенного цвета пышные волосы, падающие на плечи, пахнувшие. чем? Прекрасные голубые глаза, как они смотрели на дога!

Не стал ожидать лифта, забыл о нем, помчался вверх по лестнице, перепрыгивая через ступени.

Нина открыла дверь, отшатнулась в ужасе. Постаревший, бледный человек с остекленевшими глазами, он молча бросил ей в лицо фотографии, прошел в комнату, достал из письменного стола револьвер и решительно направился на кухню.

Антон молча глядел на него грустными глазами, словно предчувствуя конец.

— Не надо! — закричала Нина, вцепившись в плечо мужа, но Хват уже выстрелил прямо в грустные глаза, он стрелял и стрелял, пока не разрядил всю обойму, слезы бежали по его лицу. А потом стряхнул Нину с плеча, больно схватил ее за руку, вывел в коридор, выбросил на лестницу, она упала, но тут же вскочила с разбитых колен и заметалась, натыкаясь на стены, побежала вниз по лестнице, пока не ударилась о дверь, выходившую на общий балкон.

Около съезжившегося комочка с расколовшейся головой быстро собиралась толпа, появился дворник-араб, он что-то кричал и объяснял.

Раздался выстрел где-то наверху, это улетела в жаркое небо душа военного атташе.

Василий Осоргин вышел из подъезда и застыл. Подходить к телу не стал, мертвецов не выносил.

На полной скорости подлетела машина со Смизерсом и Росту, они вышли на тротуар и остановились. Смизерс взглянул на труп, отвернулся и прижал руки ко рту — его вырвало. Росту не двигался, стоял неподвижно как столб.

Оглушительно сигналя, подъехала «Скорая помощь», тело Нины погрузили на носилки, волосы соломенного цвета выбивались из-под простыни и развевались на ветру.

Машина рванула, помчалась по улицам, не переставая сигналить.

Дворник-араб уже успел сбегать за тряпками и водой, собрал в кучку разлетевшиеся комочками мозги, накрыл их газетой, тщательно смыл кровь с асфальта, бормоча что-то под нос.

Толпа устала наблюдать и разошлась, солнце быстро высушило асфальт, и он заблестел, словно ничего не произошло, все в мире продолжало жить, как и прежде. В банановые листья дунул ветерок, и они нежно зашуршали.

Взгляды Ростоу и Осоргина пересеклись, сошлись воедино, разбежались и встретились снова.

Американец подошел к резиденту КГБ, глаза его слезились, его трясло.

— Какое несчастье! — сказал он, заикаясь от волнения. — Давайте поедem куда-нибудь и выпьем, Базиль!

— Давайте! — сказал белый как полотно Осоргин, и все трое прошли в машину.

Звездный миг

В «Руководстве для агентов Чрезвычайных Комиссий» несколько коряво записано: «для сотрудничества важны личные симпатии к заведующему политических сысков, особенно хорошо, если будет женщина, но заведующий не должен увлекаться из личных симпатий. Она многое может сделать, но нужно быть чрезвычайно осторожным».

На посольские банкеты приходят разные люди, одни — чтобы побеседовать и получить информацию, другие — чтобы показать себя и свои необыкновенные туалеты, третьи — чтобы выпить и пожрать, некоторые — просто так.

Когда я узнал, что Катрин не только второй секретарь посольства, но и шифровальщица, у меня покрылись потом ладони. Шифры — это Эверест для любого разведчика, если, конечно, это не шифры индейцев племени лулу, хотя и их, наверное, для коллекции прихватит служба. Шум стоял отчаянный, от разгоряченных тел шел жар, пахло дымом и потом, давились у стола с осетром длиной в крокодила. Мы познакомились, обменялись визитными карточками, договорились увидеться. Когда я узнал о ее занятиях, то почти сразу же отскочил в сторону как от прокаженной, дабы не «светить» сокровище наличием своего присутствия.

Несколько дней мучительного выжидания и необыкновенных фантазий, наконец, звонок из телефонной будки на окраине города, вкрадчивое приглашение на ужин. Неужели скажет, что занята? И конец мечтам о жар-птице, и снова старлей пойдет за плугом, разрыхляя сухую землю. Но фортуна была милостивой, и вскоре, сменив несколько автобусов, я ожидал Катрин у ресторана. На посольском рауте в мельканье лиц и бриллиантов я ухватил лишь туманный абрис прекрасной дамы, болезненное воображение подняло ее до мадонны Рафаэля, тогда в ней все дышало очарованием — видимо, мечты о шифрах рождают в душе нежность.

И когда из «Пежо» вышла неимоверно худая, вдвое старше меня женщина с запавшими щеками, щербатая, чрезвычайно похожая на веселые скелеты из мексиканских гравюр, с огромной копной крашенных рыжих волос, походившей на куст, внезапно выросший прямо из головы, я конспиративно содрогнулся. Мутновато-темные глаза с красными прожилками (это наводило на мысль о наркотиках) выпирали из густо напудренного лица, как при базедовой болезни. К счастью, улыбка была

открытой и приветливой. О, если бы она была одета в какое-нибудь скромное платьице, ан нет! Дорогое, с какими-то чертовыми кружевами и вензелями, и с головы до ног усеяна бриллиантами!

Мы вплыли в ресторан, и официанты превратились в окаменевшие столбы со сверлящими взорами — ведь не каждый день залетает такая странная пара. Я чувствовал на своей спине буравящие рентгены, я слышал мелкие смешки: с кем же пришла эта экстравагантная старушка — божий одуванчик? с единственным сыном? с верным братом? с партнером по бизнесу? Ха-ха! Наивные люди, это же сучонок — любовник, наглый жиголо, срывающий с нее дикую деньгу, герой полового сервиса для старушек! Бедняга! Ведь не так легко слышать каждую ночь, как грохочут ее столетние кости. Как я страдал! И, конечно, не только от смешков за спиной, но и от потенциального риска: ведь наша картинная пара отпечатывалась в любых мозгах — невыносимо для разведчика, всегда жаждущего быть незаметным и серым, как тигр в ночной пустыне. Ищи выход, старлей!

Зато Катрин блистала умом, интересовалась философией, читала Хайдеггера и Сартра, в молодости увлекалась Карлом Марксом. Жизнь прожила в одиночестве, которое чувствуется остро, особенно в чужой стране, отсюда и желание общаться с внимательным, чутким, живо реагировавшим на каждое слово, очаровательным. Нет слов, нет слов! Политика ее давно не интересовала, секретность приелась, и желание нормально общаться намного перевешивало обычные (и обоснованные) страхи контакта с русскими. Первый ужин похож на университетское собеседование с абитуриентом, когда важны и анкетные данные, и общее развитие, и особые приметы. Курила Катрин нещадно, причем едкие «Голуаз», я задыхался и попытался укрыться в дыму черчиллианской сигары, к рюмке прикасалась редко («пьет умеренно», это для агентурного дела) — первый ужин проходил радостно, как фейерверк.

«Я впервые здесь в столице встречаю такого интересного человека.» — это, конечно, я, с оскалом белоснежных зубов, элегантный, как десять тысяч роялей, не забывавший (к черту официанта!) наполнять бокал французским шампанским «Мумм». — «Надеюсь, мы будем друзьями, знаете, я не люблю политику, хотя ею и приходится заниматься в посольстве.» — это хитроумный старлей, унюхавший настрой. «Я тоже.» — «Хорошо бы, чтобы наши встречи остались чисто личным делом. Трудно все объяснить, но тут в стране некоторые люди пытаются бросить тень на русских», — это снова я, и это называлось первым элементом конспирации и ложилось в досье в рутинной фразе «Договорились не

афишировать контакт».

Успех! успех! ноздри мои раздувались от счастья, как у борзой, идущей по следу. Я проводил даму к «Пежо», поцеловал на прощанье руку, стараясь смотреть мимо морщинистых тонких пальцев, униженных перстнями и одуряюще пахнувших куревом, через этот ад я прошел мужественно, и на моей физиономии можно было прочитать только блаженство. И действительно, блаженство! что может быть радостней в жизни разведчика, чем появление перспективной разработки, да еще шифровальщицы? Это — как внезапное озарение, как «Я встретил вас, и все былое.» — и мир прекрасен, уходят дурные мысли, не тянет печень, отменно пищеварение, не мешает плоскостопие, в семье наступает благоденствие и согласие, и чета, не ссорясь, в обнимку выписывает шмотки по «Квеллю».

Дело завертелось, — руби канаты сразу, пусть корабль уйдет в густой туман, подальше от чужих глаз: не звонить-не писать-никому-ничего-никогда-вечно!

Следующая встреча снова в ресторане, снова мерзостные взгляды официантов. Тут уже пришлось превратиться в ноющего гурмана-сноба.

— Ах, какая ужасная здесь кухня! Впрочем, и в других ресторанах подают дерьмо. Разве можно сравнить эту стряпню с домашней трапезой? Утка в духовке с яблоками, жареные щечки ягненка, баклажаны по-домашнему. (Ничего из этого готовить я не умел, правда, научился делать паэлью валенсиана, мажорно смешивая поджаренный рис с дарами моря, — героическая симфония, после которой жена неделю, стеноя и плюясь, выгребала из кухни грязь.) Как хочется вкусно, по-настоящему поесть, да и поговорить по душам, когда не мешают тупые официанты!

На третьей ресторанной встрече мое тошнотворное нытье наконец-то дошло до Катрин, и она пригласила меня к себе домой, правда, принесла извинения, что терпеть не может готовить. Я в ответ всплеснул руками и посулил поджарить ей даже молочного поросенка с гречневой кашей (интересно, как бы я его нес в мешке?) и заодно почитать по-английски любимого Томаса Стернза Элиота. Дело не в интеллектуальном пижонстве, а в том, что интуиция подсказывала: на квартире придется балансировать на канате без всякой сетки, и поросенком тут не отделаться. На страстное соитие в разведке КГБ требовалась санкция руководства в Москве, да и я себя в роли влюбленного представить не мог даже при всей своей верности партии и правительству. Разве что если надеть на Катрин маску Мэрилин Монро.

Первый визит я обставил пышно, в самом шикарном магазине набрал

горы яств (ничего советского не брал, вдруг дворника охватит любопытство при виде баночки из-под советских шпрот в помойке?). Какие-то невероятные салаты, бережно уложенные продавцом в специальные непромокаемые пакеты, несколько видов малосолевой рыбы и два уже приготовленных нежно-розоватых лангуста. Банка улиток вместе с набором раковин, куда их, голых, требовалось засунуть перед готовкой, замазав сверху укропным маслом, и конечно же пара бутылок уже одиозного «Мумм» (запасы планировал растянуть на две-три встречи). Не омаром единым — приволок я с собой и солидный альбом современной живописи. Тут мы галопом по Европам окунулись во все «измы», потоптались на русском авангардизме (я вещал, словно дружил и поддавал вместе с Малевичем и Татлиным). Затем я выдал коронное блюдо: почитал отрывок из «Бесплодной земли» Т. С. Элиота, завывал тревожно и протяжно, как старый пес перед смертью. «Витали странные духи, синтетикой тревожа и выдыхая запахи вокруг, дрожали от волнения эфира и свежести, несущейся из окон, и пламя свеч напоминало великанов, бросалось на узорный потолок — там плавал мраморный дельфин.»

Катрин не настолько владела английским, чтобы все ухватить (признаться, и я тоже), но с интересом наблюдала, как я закатывал глаза, хватал жарко ртом воздух, вздымал руку, словно трибун, — интеллектуальный дым стоял коромыслом. В ответ она пустила пластинку Гайдна, и после всех этих небесных высот любое сползание на грешную землю выглядело бы просто святотатством.

Не первый раз давал я концерты во имя Дела, бывало и похлеще: однажды целый вечер играл я Гамлета на пару с обаятельным цэрэувцем Джорджем Листом (он дебютировал и в роли Офелии, и в роли Полония и всех остальных), русская жена его Таня, бывшая ранее замужем за лидером адской организации Народно-Трудовой Союз Поремским, грустно лицезрела, как пустеют бутылки с виски. Джордж был прекрасный парень, мы друг друга честно разрабатывали и заодно не забывали о взаимных услугах: я купил ему со скидкой болгарскую дубленку в нашем посольском сельпо, он же отвалил мне к Рождеству несколько первоклассных американских индеек.

Впечатление на Катрин, думается, я произвел как существо поэтическое и душевно хрупкое. Снова получил приглашение, снова — как в салоне мадам Шерер (с гусем под мышкой). И так повелось, в ход пошли сначала скромные, а потом более существенные подарки: к религиозным праздникам, ко дню рождения и просто так от души. Впрочем, подарками я не баловал, Катрин не страдала меркантильностью, а наша святая служба

щедростью. Меж Элиотом и Гайдном прорывались ненавязчивые речи и о характере работы Катрин (тут меня уже понатаסקали на специфике шифровального дела, обозначили вопросы, своего рода пробные камни). Если ответит, можно потирать руки, предвкушая, как набьет тебе халвой рот начальство, шаг вперед, два шага назад, как учили, осторожно, тише едешь, дальше будешь. Когда приходит на работу? когда уходит? не трудно ли вообще шифровать, черт побери? Вот уж никогда не сталкивался с этим! представляю, сколько приходится писать и считать! Наверное, все это очень сложно? Имеется шифровальная машина? А какой марки, если это не секрет? (Секрет большой, тот самый оселок.) Марка швейцарская — значит, покупали в Швейцарии? Впрочем, послушаем Гайдна, какое совпадение, это тоже мой любимец. Шагай вперед, веселый робот, но не думай, что ты самый умный и Катрин ничего не понимает. Прекрасно, что раскусила, великолепно, что рассеялся туман, это важный этап, теперь она знает, на что идет.

Самое ужасное — это собираться домой и прощаться, возникала неловкость. Слова и движения становились деланными и искусственными, губы стыдливо прикладывались, словно оправдываясь, к худой руке, и даже глаза убегали в сторону, чтобы не видеть иронической улыбки. Шагай по канату, старлей, прильни еще раз к великолепной руке, чарующе улыбнись и, если можешь что-то излучать, выпусти несколько частиц нежности, источи из себя теплоту, иначе будешь, виляя хвостом, смотреть на шифры, как лисица на виноград. Я поднимал глаза, видел жуткую копну волос, темные оспинки, и сердце замирало от ужаса, словно схваченное ее костлявою рукою.

Постепенно Катрин привыкла к тому, что и я подобен камню и предан лишь делу мира и человечества, что, впрочем, отнюдь не заморозило наши отношения. Я уже много выведал о деталях ее работы, на информацию она не скупилась. Однако этого было мало, требовались шифры. И тогда, мило улыбаясь, я обратился к ней с просьбою: зачем, мол, отягощать наши дружеские беседы разными вопросами, если гораздо удобнее дать мне ключ к чтению всей шифропереписки посольства? Она как-то очень внимательно на меня взглянула и согласилась. О, звездный час в жизни гомо сапиенс! Мировой рекорд спортсмена, последний удар кисти по гениальному полотну, финальная точка в романе века, открытие кванта. Вышла, вошла наконец на небо моя звезда, моя судьба!

Комбинация была сложная, ибо никто не мог гарантировать безопасность, мне помогало несколько коллег, крутивших на машине со сложной фотоаппаратурой недалеко от места встречи (кодовая книга

требовала перефотографирования). Зброшенный полустанок, торчащий среди темного леса, тусклый свет на грязноватой платформе, каменная скамейка, холодившая спину. Хотелось молиться, чтобы она пришла, чтобы не сорвалось, чтобы улыбнулась и протянула пакет, или сумку, или целый чемодан.

Шум летящего поезда — это она! все точно по времени, быстро забрать шифры — и в машину, там тоже сейчас мандраж: а что, если Катрин провокатор? а что, если готова засада? Как медленно подходил поезд! как тянулось время, один, два, трое вышли, сейчас выйдет она, о, выйди же! (Так идальго заклинал выйти на балкон своих сеньорит.) Трое прошли равнодушно мимо скамейки, я смотрел им в спины, я ненавидел и весь мир, и самого себя. Поезд тронулся и скрылся, стук колес удалялся, спускалась тишина, все кончено, она не приехала, она подвела, наобещала, а потом испугалась, трепло. Мне не везло, проклятая судьба играла со мною, как ветер с мокрым листком, бегущим по платформе, он то прилипал, то отрывался. Катись, катись, зеленый лист, перелетай поля сырые и в горстку охладевшей пыли на полдороге обратись! (Еще сочинял, мудаки!) А может, она вынула из сейфа шифры, кто-то заметил, стукнул, ее арестовали? Сейчас допрашивают и уж наверняка расколют. Или уже раскололи, и весь район оцеплен полицией, они наблюдают и вот-вот захлопнут мышеловку. Какая обида, сколько потрачено сил, выброшено кошке под хвост. Что делать? Уходить? А что еще? Следующий поезд — через час. Ребята в машине, конечно, промолчат, однако подумают: слабак. Проигравших не уважают нигде, и правильно делают. Проклятые бабы, все они капризны, ненадежны, непунктуальны.

Я встал и уныло поплелся с перрона в сторону светившихся домов, где курсировала наша машина. «Ты куда? — прямо из кустов. — Ты уже уходишь? Извини, я не успела на поезд, я взяла такси! (Боже, приехать на такси, это же ни в какие рамки!) Ты не волнуйся, я принесла! Я принесла! бери!» (О, счастье!). «Где такси?» — «Прямо рядом!» (Какой ужас! нас увидит шофер!) «Спасибо! — схватил пакет, сердце выскакивало из груди. — Пока! подожди!» Я обнял ее, я целовал, целовал. И вдруг почувствовал, что флюиды нежности забили из меня, как нефть из скважины, они летели в Катрин, она чувствовала это и сияла от счастья, я сам превратился в пульсирующую нежность, я целовал и целовал ее на пустынной платформе. я любил ее, такую нежную и неповторимую.

Затем — в машину, и там началась свистопляска с фотографированием, минут двадцать напряженной работы. Я вернул документы, и мы снова страстно поцеловались.

Она работала много лет, и работала прилежно. Я так и не понял, почему она стала работать с нами, почему пошла на смертельный риск? Я вскоре уехал, передав ее на связь коллеге, я уехал и больше никогда не видел ее.

Но до конца своих дней я буду помнить тот звездный миг на пустынной платформе, биение наших сердец и сладкое счастье триумфа.